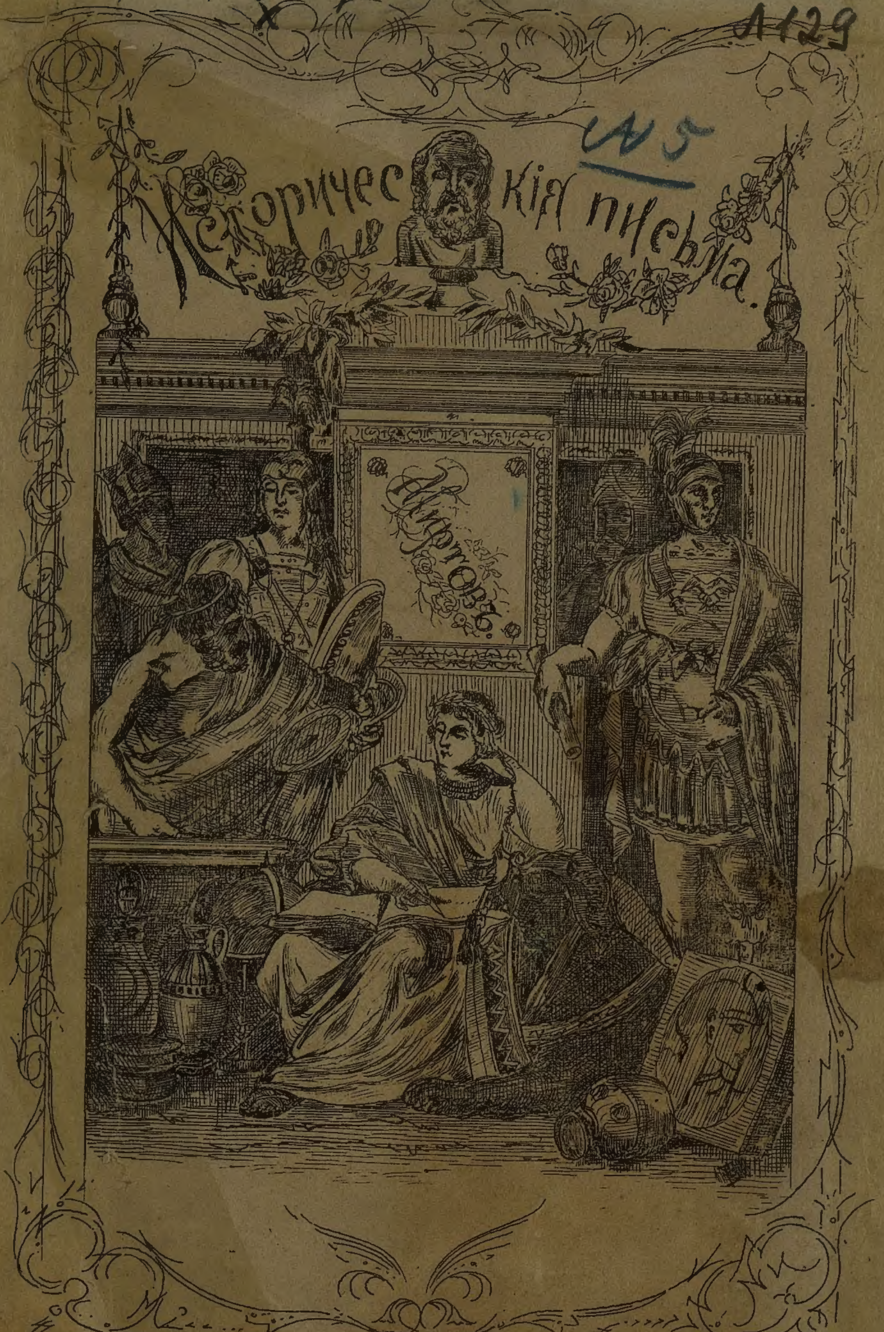
Лавров П
Историческ[и]
письма.
894838
Ед. экз.

НМЛ — Библиотека
ЩАЧ
Л 129

Лавров
ЦА4
Л129
№5



ЦА4
Л129

фах

4А4
№ 129
срок X
Лавров, П. Л.
X

Письмо первое.

Естествознание и история.

Если читателя интересуетъ движенiе современной мысли, то немедленно предъявятъ свои права на его вниманiе двѣ области человѣческой мысли: естествознанiе и исторiя. Которая изъ нихъ ближе для современной жизни?

На этотъ вопросъ вовсе не такъ легко отвѣтить, какъ оно, пожалуй, могло бы показаться съ перваго взгляда. Я знаю, что естествоиспытатели и большинство мыслящихъ читателей не задумаются рѣшить его въ пользу естествознанiя. Дѣйствительно, какъ легко доказать, что вопросы естествознанiя лѣзутъ сами въ жизнь человѣка каждую минуту, что онъ не можетъ повернуться, взглянуть, дохнуть, подумать чтобы не привелъ въ дѣйствiе цѣлый рядъ законовъ механики, физики, химiи, физiологiи, психологiи! Сравнительно съ этимъ что такое исторiя? Забава празднаго любопытства. Самые полезные дѣятели въ сферѣ частной или общественной жизни могутъ прожить и умереть, не имѣя даже надобности вспомнить о томъ, что когда-то эллинизмъ проникалъ въ среду азiатскихъ племенъ, съ войсками Александра Македонскаго; что въ эпоху сильныхъ деспотическихъ правителей мiра сос

тальныя тѣ кодексы, пандекты, новеллы, и т. д., которые легли въ основу современныхъ юридическихъ отношеній Европы; что были эпохи феодализма и рыцарства, когда самая грубая и животная побужденія уживались съ восторженной мистикой. Переходя къ отечественной исторіи, спросимъ себя, много ли для жизни современнаго человѣка полезныхъ примѣненій въ знаніи богатырскихъ былинъ, Русской Правды, въ дикой опричинѣ Ивана Грознаго или, даже, въ петровской борьбѣ европейскихъ формъ съ древнемосковскими? Все это прошло невозвратно, и новые очередные вопросы, требуя для себя всѣхъ заботъ и всего размышленія современнаго человѣка, оставляютъ для минувшаго лишь интересъ болѣе или менѣе драматическихъ картинокъ, болѣе или менѣе яснаго воплощенія общечеловѣческихъ идей.... И такъ, повидимому, не можетъ быть даже и сравненія между знаніемъ, обусловливающимъ каждый элементъ нашей жизни, и другимъ знаніемъ, которое объясняетъ предметы только интересные, — между насущнымъ хлѣбомъ массы и пряннымъ десертомъ. Естествознаніе есть основаніе разумной жизни, это безспорно. Безъ яснаго пониманія его требованій и основныхъ законовъ, человѣкъ слѣпъ и глухъ къ самымъ обыденнымъ своимъ потребностямъ и къ самымъ высокимъ своимъ цѣлямъ. Строго говоря, человѣкъ, совершенно чуждый естествознанію, не имѣетъ ни малѣйшаго права на званіе современно-образованнаго

лажденія; въ части этого царства, ближайшей къ человѣчеству, сознаніе возможности ставить себѣ цѣли и стремиться къ ихъ достиженію. Этотъ фактъ естествознанія составляетъ единственную основу біографіи отдѣльныхъ существъ животнаго міра и исторіи отдѣльныхъ группъ этого міра. Исторія, какъ наука, принимаетъ этотъ фактъ за данный и развиваетъ передъ читателемъ, какимъ путемъ исторія, какъ процессъ жизни человѣчества, произошла изъ стремленій избавиться отъ того, что человѣкъ сознавалъ какъ страданіе, и изъ стремленій пріобрѣсти то, что человѣкъ сознавалъ какъ наслажденіе; какія видоизмѣненія происходили при этомъ въ понятіи, связанномъ со словами: наслажденіе и страданіе, въ классификаціи и іерархіи наслажденій и страданій; какія философскія формы идей и практическія формы общественнаго строя порождались этими видоизмѣненіями; какимъ логическимъ процессомъ стремленіе къ лучшему и справедливѣйшему порождало протесты и консерватизмъ, реакцію и прогрессъ; какая связь существовала въ каждую эпоху между человѣческимъ воспріятіемъ міра, въ формѣ вѣрованія, знанія, философскаго представленія, и практическими теоріями лучшаго и справедливѣйшаго, воплощенными

въ дѣйствія личности, въ формахъ общества, въ состояніи жизни народовъ.

По этому труды историка составляютъ не отрицаніе трудовъ естествоиспытателя, а неизбѣжное ихъ дополненіе. Историкъ, относящійся съ пренебреженіемъ къ натурализму, не понимаетъ исторіи; онъ хочетъ строить домъ безъ фундамента, говорить о пользѣ образованія, отрицая необходимость грамотности. Естествоиспытатель, относящійся съ пренебреженіемъ къ историку, доказываетъ только узкость и неразвитость своей мысли; онъ не хочетъ или не умѣетъ видѣть, что поставленіе цѣлей и стремленіе къ нимъ — есть столь же неизбѣжный, столь же естественный фактъ въ природѣ человѣка, какъ дыханіе, кровообращеніе или обмѣнъ веществъ; что цѣли могутъ быть мелки или возвышенны, стремленія жалки или почтенны, дѣятельность неразумна или цѣлесообразна, но и цѣли, и стремленія, и дѣятельность всегда существовали и всегда будутъ существовать; слѣдовательно они суть столь же правомѣрные предметы изученія, какъ цвѣта спектра, какъ элементы химическаго анализа, какъ виды и разновидности растительнаго и животнаго царства. Естествоиспытатель, ограничивающійся внѣшнимъ міромъ, не хочетъ или не можетъ видѣть, что весь внѣшній міръ есть для человѣка только матеріалъ наслажденія, страданія, желаній, дѣятельности; что самый спеціальный натуралистъ изучаетъ внѣшній міръ не какъ что

вopoложное тому, что было выше говорено о важности основъ естествознанія и исторіи для практической жизни. Химическій опытъ надъ бѣлковиною и математическое выраженіе законовъ Кеплера тоже любопытны. Экономическое значеніе бѣлковины и философское значеніе неизмѣнности астрономическихъ законовъ весьма существенны. Знаніе внѣшняго міра доставляетъ совершенно необходимый матеріалъ, къ которому приходится обращаться при рѣшеніи всѣхъ вопросовъ, занимающихъ человѣка. Но вопросы, для которыхъ мы обращаемся къ этому матеріалу, суть вопросы не внѣшняго, а внутренняго міра, вопросы человѣческаго сознанія. Пища важна не какъ объектъ процесса питанія, а какъ продуктъ устраняющій сознаваемое страданіе голода. Философскія идеи важны не какъ проявленія процесса развитія духа въ его логической отвлеченности, а какъ логическія формы сознанія человѣкомъ болѣе высокаго или болѣе низкаго своего достоинства, болѣе обширныхъ или болѣе тѣсныхъ цѣлей своего существованія; онѣ важны, какъ форма протеста противъ настоящаго во имя желанія лучшаго и справедливѣйшаго общественнаго строя, или какъ формы удовлетворенія настоящимъ. Многіе мыслители замѣтили прогрессъ въ мысли человѣчества, заключавшійся въ томъ, что человѣкъ, представлявшій себя прежде центромъ всего существующаго, сознаетъ въ послѣдствіи, что онъ есть лишь одинъ изъ без-

численныхъ продуктовъ неизмѣннаго приложенія законовъ внѣшняго міра; что отъ субъективнаго взгляда на себя и на природу человѣкъ перешелъ къ объективному. Правда, это былъ прогрессъ крайне важный, безъ котораго наука была невозможна, развитіе человѣчества немыслимо. Но этотъ прогрессъ былъ только первый шагъ, за которымъ неизбѣжно слѣдовалъ второй: изученіе неизмѣнныхъ законовъ внѣшняго міра въ его объективности для достиженія такого состоянія человѣчества, которое субъективно сознавалось бы, какъ лучшее и справедливѣйшее. И здѣсь подтвердился великій законъ, угаданный Гегелемъ и оправдывающійся, повидимому, во всѣхъ сферахъ человѣческаго сознанія; третья ступень была видимымъ сближеніемъ съ первою, но дѣйствительнымъ разрѣшеніемъ противорѣчія между первою и второю ступенью. Человѣкъ снова сталъ центромъ всего міра, но не для міра, какъ онъ существуетъ самъ по себѣ, а для міра, понятаго человѣкомъ, покореннаго его смыслу и направленнаго къ его цѣлямъ.

Но это именно есть точка зрѣнія исторіи. Естествознаніе излагаетъ человѣку законы міра, въ которомъ самъ человѣкъ есть лишь едва замѣтная доля; оно пересчитываетъ продукты механическихъ, физическихъ, химическихъ, физіологическихъ, психическихъ процессовъ; находитъ между продуктами послѣднихъ процессовъ во всемъ животномъ царствѣ сознаніе страданія и нас=

человѣка. Но когда онъ однажды сталъ на эту точку зрѣнія, спрашивается, что ближе всего къ его жизненнымъ интересамъ? Занятіе ли вопросами о размноженіи живото-чекъ, о перерожденіи видовъ, о спектральномъ анализѣ, о двойныхъ звѣздахъ? Или законы развитія человѣческаго знанія, столкновеніе начала [illegible] пользы съ началомъ справедливости, борьба между національнымъ объединеніемъ и общечеловѣческимъ единствомъ, отношеніе экономическихъ интересовъ голодающей массы къ умственнымъ интересамъ болѣе обезпеченнаго меньшинства, связь между общественнымъ развитіемъ и формою государственнаго строя?... Если поставить вопросъ такимъ образомъ, то едва ли кто, кромѣ филистеровъ знанія (а ихъ не мало) не признаетъ, что послѣдніе вопросы ближе для человѣка, важнѣе для него, тѣснѣе связаны съ его обыденною жизнію, чѣмъ первые.

Даже, строго говоря, они одни ему близки, одни для него важны. Первые лишь на столько важны и близки ему, на сколько они служатъ къ лучшему пониманію, къ удобнѣйшему рѣшенію вторыхъ.

Никто не споритъ о пользѣ грамотности, о ея безусловной необходимости для человѣческаго развитія, но едва ли есть у насъ столь тупые защитники, чтобы стали предполагать въ ней какую нибудь самостоятельн

ную, магическую силу. Едва ли кто скажетъ, что самый процессъ чтенія и письма важенъ для человѣка. Этотъ процессъ важенъ человѣку лишь какъ пособіе для усвоенія тѣхъ идей, которыя человѣкъ можетъ пріобрѣсти путемъ чтенія и передать — путемъ письма. Человѣкъ, который изъ чтенія ничего не извлекаетъ, нисколько не выше безграмотнаго. Названіе безграмотнаго есть отрицаніе основнаго условія образованности, но грамотность сама по себѣ не есть только цѣль, она только средство. Едва ли не такую же роль играетъ естествознаніе въ общей системѣ человѣческаго образованія. Оно есть лишь грамотность мысли; но развитая мысль пользуется этою грамотностью для рѣшенія вопросовъ чисто человѣческихъ, и эти вопросы составляютъ суть человѣческаго развитія. Мало читать книгу, надо понимать ее. Точно также, мало для развитаго человѣка понимать основные законы физики и физіологіи, интересоваться опытами надъ бѣлковиною или законами Кеплера. Для развитаго человѣка бѣлковина есть не только химическое соединеніе, но и составная часть тѣлъ милліоновъ людей; законы Кеплера не только формула отвлеченнаго движенія планетъ, но и одно изъ пріобрѣтеній человѣческаго духа на пути къ усвоенію общаго философскаго понятія: неизмѣнности законовъ природы и независимости ихъ отъ какого бы то ни было произвола.

Мы замѣчаемъ здѣсь даже прямо проти

выводовъ, на сколько стоятъ надъ нею химики и физiологи. Современные жизненные вопросы о лучшемъ и справедливѣйшемъ требуютъ отъ читателя уясненiя себѣ результатовъ феноменологiи духа и социологiи, но это уясненiе достигается не принятiемъ на вѣру мнѣнiй той или другой школы экономистовъ, политиковъ, этиковъ. При спорѣ этихъ школъ, добросовѣстному читателю приходится обратиться къ изученiю самыхъ данныхъ, на которыхъ построены выводы школъ; а также къ генезису этихъ школъ, уясняющему ихъ ученiе какъ фиксацiей догматовъ, такъ и положенiемъ дѣла въ ту минуту, когда возникла та или другая школа; наконецъ-къ событiямъ, влiявшимъ на ихъ развитiе. Но все это, за исключенiемъ данныхъ основныхъ наукъ, принадлежитъ исторiи. Кто оставляетъ въ сторонѣ ея изученiе, тотъ высказываетъ свой индифферентизмъ въ отношенiи самыхъ важныхъ интересовъ личности и общества, или свою готовность вѣрить на слово той практической теорiи, которая случайно ему первая попадется на глаза. Такимъ образомъ, поставленный въ началѣ вопросъ: что важнѣе для современной жизни, естествознанiе или исторiя? можно рѣшить по моему мнѣнiю слѣдующимъ образомъ: —
Основныя части естествознанiя составля-

ютъ совершенно необходимую подкладку современной жизни, но представляютъ для нея болѣе отдаленный интересъ. — Что касается до высшихъ частей естествознанія, до всесторонняго изученія процессовъ и продуктовъ жизни лица и общества, то подобное изученіе стоитъ совершенно на одной ступени съ исторіею, какъ по теоретической научности, такъ и по практической полезности; нельзя спорить, что эти части естествознанія связаны съ болѣе живыми вопросами для человѣка, чѣмъ исторія; но серьезное изученіе ихъ совершенно невозможно безъ изученія исторіи, и онѣ осмысливаются для читателя лишь на столько, на сколько для него осмыслена исторія.

Поэтому, въ интересахъ современной мысли лежатъ вопросы исторіи, особенно тѣ изъ нихъ, которые тѣснѣе связаны съ задачами соціологіи. Въ этихъ письмахъ я разсмотрю общіе вопросы исторіи; тѣ элементы, которые обусловливаютъ прогрессъ обществъ; то значеніе, которое имѣетъ слово **прогрессъ** для различныхъ сторонъ общественной жизни. Соціологическіе вопросы здѣсь неизбѣжно сплетаются съ историческими, тѣмъ болѣе, что, какъ мы видѣли, эти двѣ области знанія находятся въ самой тѣсной взаимной зависимости. Конечно это самое придетъ настоящимъ разсужденіямъ

тирается на законы предшествующихъ областей его, какъ на готовыя данныя, но свои законы отыскиваетъ другимъ путемъ. Какимъ же? Откуда феноменалогія духа и соціологія черпаютъ свой матеріалъ? — изъ біографій отдѣльныхъ личностей и изъ исторіи. На сколько не научны труды историка и біографа, на столько же не могутъ быть научны выводы психолога въ обширнѣйшей области его науки, труды этика, соціолога въ ихъ научныхъ сферахъ, т.е. на столько же естествознаніе должно быть признано не научнымъ въ его части, самой близкой для человѣка. Здѣсь успѣхъ научности вырабатывается взаимными пособіями обѣихъ областей знанія. Изъ поверхностнаго наблюденія біографическихъ и историческихъ фактовъ получается приблизительная истина психологіи, этики, соціологіи; эта приблизительная истина позволяетъ болѣе осмысленное наблюденіе фактовъ біографіи и исторіи; оно въ свою очередь, ведетъ къ истинѣ, уже болѣе близкой, которая позволяетъ дальнѣйшее усовершенствованіе историческаго наблюденія, и т.д.; улучшенное орудіе даетъ лучшій продуктъ, и лучшій продуктъ позволяетъ дальнѣйшее усовершенствованіе орудія, что въ свою очередь, вліяетъ на еще большее усовершенствованіе продукта. Для естествознанія

въ его надлежащемъ смыслѣ, исторія составляетъ совершенно необходимый матеріалъ и, лишь опираясь на историческіе труды, естествоиспытатель можетъ уяснить себѣ процессы и продукты умственной, нравственной и общественной жизни человѣка. Химикъ можетъ считать свою спеціальность научнѣе исторіи и пренебрегать ея матеріаломъ. Человѣкъ, обнимающій словомъ естествознаніе — науку всѣхъ естественныхъ процессовъ и продуктовъ, не имѣетъ права поставить эту науку выше исторіи и долженъ сознать ихъ тѣсную взаимную зависимость.

Предыдущее рѣшаетъ и вопросъ о практической полезности. Если психологія и соціологія подлежатъ непрерывному совершенствованію, по мѣрѣ улучшенія пониманія историческихъ фактовъ, то изученіе исторіи становится неизбѣжно-необходимымъ для уясненія законовъ жизни личности и общества. Эти законы на столько-же опираются на данныя механики, химіи, физіологіи, какъ и на данныя исторіи. Меньшая точность послѣднихъ должна бы повлечь не устраненіе ихъ изученія, а, напротивъ, большее его распространеніе, такъ какъ спеціалисты-историки не на столько возвысились надъ массою читателей, по точности своихъ

-либо высшее, а какъ нѣчто познаваемое и доставляющее ему, ученому, наслажденіе процессомъ познаванія, возбуждающее его дѣятельность, входящее въ его жизненный процессъ. Естествоиспытатель, пренебрегающій исторіей, воображаетъ, что кто-либо кладетъ фундаментъ не имѣя въ виду строить на немъ дома; онъ полагаетъ, что все развитіе человѣка должно ограничиваться грамотностью.

Мнѣ, пожалуй, возразятъ, что естествознаніе имѣетъ два неоспоримыя преимущества предъ исторіею, позволяющія естествоиспытателю нѣсколько свысока относиться къ ученому достоинству трудовъ историка. Естественныя науки выработали точные методы, получили безспорные результаты и образовали капиталъ неизмѣнныхъ законовъ, безпрестанно подтверждающихся и позволяющихъ предсказывать факты. Исторія не открыла ни одного закона, собственно ей принадлежащаго, выработала лишь изящныя картины и по точности своихъ предсказаній стоитъ на одной степени съ предсказателями погоды. Это первое. Второе же и самое важное есть то, что современныя стремленія къ лучшему и справедливѣйшему, какъ въ ясномъ пониманіи цѣли, въ вѣрномъ выборѣ средствъ, такъ и въ надлежащемъ направленіи дѣятельности, черпаютъ свой матеріалъ почти исключительно изъ данныхъ естествознанія,

а исторія представляетъ крайне мало полез
наго матеріала, какъ по неопредѣленности
смысла событій минувшаго времени, достав
ляющихъ одинаково-красивые аргументы
для прямо противуположныхъ теорій жиз
ни, такъ и по совершенному измѣненію об
становки съ теченіемъ времени, что дѣла
етъ крайне труднымъ приложеніе къ насто
ящему результатовъ, выведенныхъ изъ собы
тій нѣсколько отдаленныхъ, даже тогда,
когда эти результаты точны. Уступая та
кимъ образомъ и въ **теоретической
научности**, и въ **практической по
лезности** трудамъ естествоиспытате
ля, могутъ ли труды историка быть
поставлены съ нимъ рядомъ?

Научность и самостоятельность методовъ
не подлежитъ сомнѣнію въ изслѣдованіяхъ,
къ механикѣ, физикѣ, химіи, физіологіи и
къ теоріи ощущеній въ психологіи. Но уже
теорія представленій, понятій въ отдѣль
ной личности и личная этика не поль
зуются почти вовсе методами предшест
вующихъ естественныхъ наукъ. Что ка
сается до обществознанія (соціологіи), т.е.
до теоріи процессовъ и продуктовъ общест
веннаго развитія, то здѣсь всѣ орудія фи
зика, химика и физіолога не приложимы.....
Слѣдовательно, эта важная и самая близ
кая для человѣка часть естествознанія о-

болѣе обобщающій, нѣсколько отвлеченный характеръ. Читатель имѣетъ предъ собою не картины событій, а выводы и сближенія событій разныхъ періодовъ. Разсказовъ изъ исторіи не мало, и, можетъ быть, мнѣ удастся къ нимъ перейти въ послѣдствіи. Но факты исторіи остаются, а пониманіе измѣняетъ ихъ смыслъ, и каждый періодъ, — приступая къ истолкованію прошлаго, — вноситъ въ него свои современныя заботы, свое современное развитіе. Такимъ образомъ историческіе выводы становятся для каждой эпохи связью настоящаго съ прошедшимъ. Я не навязываю читателю моего взгляда, но передаю ему вещи такъ, какъ я ихъ понимаю, — такъ, какъ для меня прошлое отражается въ настоящемъ, настоящее — въ прошломъ.

Письмо второе.

Процессъ исторіи.

Обратимся къ другому ²слова ¹смыслу исторія. Въ первомъ письмѣ рѣчь шла объ исторіи, какъ области человѣческаго знанія; теперь будемъ разсматривать исторію, какъ процессъ, который составляетъ предметъ изученія для исторіи, какъ знанія. Исторія, какъ процессъ, исторія какъ явленіе въ ряду другихъ явленій, должна и мѣть и дѣйствительно имѣетъ свои особенности.

Въ чемъ они состоятъ? Чѣмъ отличается въ глазахъ мыслящаго человѣка явленіе историческої жизни отъ паденія камня, отъ броженія гніющей жидкости, отъ процесса пищеваренія, отъ разнообразныхъ явленій жизни, наблюдаемыхъ въ какомъ-нибудь аквaріумѣ?

Мой вопросъ можетъ показаться страннымъ, потому что всякому читателю придетъ сейчасъ на умъ слѣдующее: историческій процессъ совершается человѣкомъ, народами, человѣчествомъ, и въ этомъ уже достаточное отличіе этого процесса отъ всего остальнаго. Но это не совсѣмъ такъ. Во первыхъ, геологи съ нѣкоторымъ правомъ говорятъ объ исторіи земли; астрономы-теоретики — объ исторіи міра. Во вторыхъ, далеко не все въ человѣкѣ, въ народахъ, входитъ въ процессъ исторической жизни. Въ ежедневной дѣятельности самыхъ важныхъ историческихъ личностей есть много такого, что самый тщательный біографъ никогда не записывалъ и никогда не запишетъ, точно также какъ жизнь заячь человѣческихъ единицъ, съ перваго до послѣдняго ихъ дыханія, не представляетъ никакого интереса для изслѣдователя. Въ жизни обществъ историкъ не записываетъ явленій, повторяющихся ежегодно съ математическою правильностью, но отмѣчаетъ лишь то, что **измѣняется**. Многіе историки выдѣляютъ изъ всей массы человѣчества лишь нѣкоторые народы и нѣкоторыя расы, назы

вая ихъ историческимъ, и оставляютъ все бе
толковое человѣчество на долю этнографіи, ан
тропологіи, лингвистики, словомъ, какой вамъ
угодно науки, лишь бы не исторіи. И они въ
одномъ отношеніи правы. Вопросы на
уки о жизни этихъ народовъ и методы мы
шленія о нихъ совершенно подобны тѣмъ,
съ которыми зоологъ обращается, къ дан-
ной породѣ птицъ и муравьевъ. Зоологъ опи
сываетъ анатомическія нравы и особенности
этихъ животныхъ, ихъ способы вить гнѣзда
или строить муравейники, ихъ борьбу съ
другими животными и т. п. Этнографу
представляются тѣ же вопросы. Правда
отправленія человѣка сложнѣе и описывать
приходится больше. Лингвистъ узнаетъ не
только способъ выраженія, а смыслъ словъ я
зыка, но и зоологъ, если бы умѣлъ, очень охот
но узналъ-бы отъ птицъ значеніе того и-
ли другого перелива звука. Антропологъ за
писываетъ знанія, ремесла, орудія, мифы, при
вычки, но вопросъ его тотъ же, что у зооло
га: записать данные факты такъ, какъ о-
ни есть. Предметы изученія антрополога для
насъ интереснѣе, потому что людей мы не
только изучаемъ, мы имъ еще и сочувствуемъ.
Но это не должно насъ обманывать относи
тельно научнаго значенія прилагаемаго метода.
Антропологъ есть только естествоиспытатель,
избравшій себѣ предметомъ изученія - человѣ

БИБЛИОТЕКА

Онъ описываетъ лишь то, что есть.

Но я сказалъ, что историки, раздѣляющіе народы и расы на историческія и неисторическія, правы въ одномъ отношеніи. Дѣйствительно, есть другое, которое дѣлаетъ правильность этого раздѣленія крайне сомнительною. Едва-ли существуетъ такой несчастный островъ, жители котораго были-бы одинаково описаны двумя путешественниками, раздѣленными сотнею лѣтъ. Эти жители въ промежуткѣ, между двумя эпохами, періодъ жизни — измѣнились. Это измѣненіе такъ общее, что наука имѣетъ полное право его предполагать и тамъ, гдѣ о немъ не существуетъ свѣдѣній, и потому антропологъ, къ своимъ изслѣдованіямъ о какомъ либо племени, всегда прибавляетъ еще указанія, болѣе или менѣе гипотетическія, о томъ, какъ измѣнилась въ теченіи времени культура племени и какъ она произошла. Но эти вопросы историкъ съ нѣкоторымъ правомъ причисляетъ къ своей области. Конечно, въ наше время теорія преобразованія видовъ дѣйствительно позволяетъ распространить вопросы объ измѣненіи этихъ видовъ и на породы внѣ человѣка, но здѣсь натуралистъ имѣетъ предъ собой событія, представляющія примѣры общаго процесса перехода однихъ органическихъ формъ въ другія, и прямо

а цѣль его всегда — изучить <u>законы</u> этого общаго процесса. Частный случай есть не болѣе какъ средство изслѣдованія. Появленіе частной формы при тѣхъ или другихъ условіяхъ получаетъ интересъ лишь въ смыслѣ изученія законовъ зависимости между данными условіями среды и появляющимися при этомъ формами. Кромѣ того, наиболѣе изслѣдованную часть явленій измѣненія органическихъ формъ представляютъ измѣненія растеній и животныхъ подъ вліяніемъ человѣка, что входитъ уже въ область исторіи самого человѣка. Конечно, есть въ сферѣ зоологіи явленія, которыя совершенно аналогичны тому, что изучаетъ историкъ. Это — явленія развитія и измѣненія обычаевъ животныхъ. До сихъ поръ можно лишь заключить, что такія явленія должны были совершаться, совершались и совершаются, но зоологамъ не удалось еще наблюдать ни одного подобнаго явленія въ самомъ процессѣ его совершенія. Міръ зоологовъ, такъ какъ его даетъ <u>наука</u>, есть міръ неизмѣнно-повторяющихся явленій. По этому, до сихъ поръ лишь умозрѣніе можетъ перенести на животныхъ аналогію человѣческой исторіи, а въ дѣйствительности исторія ограничивается лишь человѣкомъ.

Во всѣхъ прочихъ процессахъ изслѣдова-

тель ищетъ закона, охватывающаго явленiе во всѣхъ его повторенiяхъ; только въ историческомъ процессѣ представляетъ интересъ не законъ повторяющагося явленiя, а совершившееся измѣненiе само по себѣ.
Форма даннаго кристалла интересуетъ лишь наблюдателя-профана; минералогъ вд водитъ уродливыя искаженныя формы къ неизмѣннымъ типамъ, подчиненнымъ строгимъ геометрическимъ законамъ. Данная анатомическая аномалiя есть лишь поводъ для анатома установить законъ, который показалъ бы, между какими предѣлами отклоненiя колеблется нормальное устройство того или другого органа. Но явленiя человѣческой жизни, личной или коллективной, имѣютъ уже двойственный интересъ.
Каспаръ Гаузеръ внезапно явился на улицахъ Нюрнберга и черезъ 5 лѣтъ былъ зарѣзанъ*). Кеплеръ нашелъ законы движенiя

---

*) Одинъ читатель сдѣлалъ мнѣ замѣчанiе, что едва ли кто въ наше время, особенно изъ русскихъ читателей, помнитъ Каспара Гаузера и знаетъ, что это за личность. Это совершенно справедливо и лучше бы взять другой примѣръ, но предпочитаю поправить дѣло примѣчанiемъ. Въ 1882 году на улицѣ Нюренберга встрѣченъ былъ молодой человѣкъ въ крестьянской одеждѣ, при которомъ оказалась записка [объясняющая], что онъ найденышъ, родился 7 октября 1812 г. и выученъ читать и писать. Стран

планетъ. Сѣверо-Американское междоусобіе вызвало страшную потерю людей и денегъ въ Америкѣ и отозвалось экономическимъ кризисомъ въ Европѣ. Что мы изучаемъ въ этихъ событіяхъ? Для психолога Каспаръ Гаузеръ представляетъ интересъ рѣдкаго экземпляра личности, вступившей взрослою въ общество, экземпляра, на которомъ удобнѣе изслѣдовать нѣкоторые общіе законы психическихъ явле-

---

ность его обращенія повела къ изслѣдованію. Вышло, что онъ во всю жизнь видѣлъ только одного человѣка, его воспитавшаго, питался лишь хлѣбомъ и водой, жилъ въ подземельѣ и даже своего воспитателя узналъ не задолго до своего освобожденія. Прежде этотъ незнакомецъ, если слова Гаузера принять за правду, перемѣнялъ его пищу и одежду во время сна (вѣроятно давая ему въ пищѣ усыпляющія вещества, что и повело къ нервному разстройству, къ судорожнымъ движеніямъ лица и тѣла, замѣченнымъ въ Гаузерѣ). Сперва несчастный молодой человѣкъ сдѣлался предметомъ празднаго городскаго любопытства, грубыхъ опытовъ и потерпѣлъ немало. Потомъ въ немъ приняли участіе многіе замѣчательные люди, особенно Ансельмъ Фейербахъ (знаменитый юристъ, отецъ философа). Какъ рѣдкій экземпляръ взрослаго ребенка, вступившаго въ общество, Каспаръ представилъ предметъ интересныхъ психическихъ изслѣдованій. Но еще большій интересъ возбудилъ вопросъ о его происхожденіи. Всѣ розыскыванія оказывались тщетны. А. Фейербахъ, напечатавшій о Каспарѣ особое сочиненіе, подалъ въ 1832 г. королевѣ баварской (изъ баденскаго дома) секретную записку (теперь напечатанную), гдѣ доказывалъ, что Каспаръ есть, вѣроятно, поль[illegible]

нiй чѣмъ на другихъ личностяхъ. Для бiографа и для историка Каспаръ Гаузеръ представляетъ обособленное явленiе данной эпохи, результатъ странной совокупности однажды встрѣтившихся обстоятельствъ, вслѣдствiе которыхъ это загадочное существо было до 17 лѣтъ выдѣлено изъ всѣхъ общественныхъ сношенiй, а чрезъ 5 лѣтъ погибло отъ руки убiйцы. Когда Ансельмъ Фейербахъ предполагалъ въ немъ послѣдняго представителя дома Церингенъ, онъ изслѣдовалъ не повторяющееся, а единственное историческое явленiе.

Точно также для логика процессъ открытiй Кеплера есть не болѣе какъ примѣръ общихъ законовъ научнаго мышленiя.

Милль и Юэль (Whewell) могли спорить о томъ, представляетъ-ли этотъ процессъ образецъ истинной индукцiи или нѣтъ.

Но для историка эти открытiя суть однажды совершившiеся событiя, не менѣе

нiй представитель мужской линiи баденскаго дома Церингенъ, устраненный морганатическою супругою В. Г. Карла Фридриха, происходившею изъ рода Гейеръ фонъ Гейерсбергъ, для доставленiя престола своему сыну, Леопольду. Освобожденiе Каспара объяснялъ Фейербахъ смертью честолюбивой его преслѣдовательницы 1824 г. Въ 1829 г. сдѣлана неизвѣстнымъ лицомъ попытка убить Каспара. 29 Мая 1833 г. умеръ А. Фейербахъ. 17 Декабря того же 1833 г. зарѣзанъ Каспаръ Гаузеръ. Убiйца не отысканъ. Происхожденiе Каспара осталось неизвѣстно.

щее возможности повториться, потому что оно было обусловлено крайне-сложною совокупностью предшествующихъ научныхъ открытій общественнаго развитія въ началѣ XVII-го вѣка, особенностей событій въ Германіи этого времени и еще большихъ особенностей біографіи Кеплера. Но какъ только это событіе имѣло мѣсто, оно сдѣлалось элементомъ новаго умственнаго развитія, процессъ котораго опять не можетъ повториться, потому что представляетъ результатъ сплетенія научныхъ, философскихъ, религіозныхъ, политическихъ, экономическихъ и случайныхъ біографическихъ элементовъ.

Въ группѣ явленій, связанныхъ съ Сѣверо-Американскимъ междоусобіемъ, соціологъ найдетъ подобнымъ же образомъ рядъ примѣровъ для <u>общихъ законовъ</u> разныхъ областей общественной жизни; историкъ же разсмотритъ эту группу въ ея сложности какъ обособленное явленіе, наблюдаемое <u>однажды</u>, и которое именно въ своей цѣлости и сложности, повторенія не допускаетъ.

На сколько историческія явленія представляютъ матеріалъ для установленія постояннаго закона психическихъ явленій въ личности, экономическихъ явленій въ собраніи личностей, неизбѣжной смѣны политическихъ формъ или идеальныхъ влеченій въ народахъ, на столько эти историческія

явленія представляютъ интересъ для психологіи, для соціологіи, для феноменологіи личнаго или общественнаго духа, словомъ, для одного изъ отдѣловъ естествознанія въ его приложеніи къ человѣку. Но для историка они не экземпляры неизмѣннаго закона, а характеристическія черты однажды происшедшаго измѣненія.

Противъ предыдущаго могутъ возстать съ двухъ точекъ зрѣнія. Историческіе теоретики скажутъ, что я не понимаю требованія исторіи, какъ науки; что она, какъ всѣ науки, ищетъ неизмѣнныхъ законовъ, и факты историческаго процесса для историка важны лишь на столько, на сколько они уясняютъ ему общіе законы этого процесса; что факты сами по себѣ никакой важности не имѣютъ, и придавать имъ ее, значитъ обращать исторію въ тотъ калейдоскопъ пестрыхъ картинокъ трагическаго или комическаго свойства, который для досужихъ историковъ и теперь составляетъ идеалъ исторіи. Найдутся также читатели, которые съ нѣкоторымъ правомъ признаютъ въ сказанномъ повтореніе давно избитой мысли, что лишь человѣкъ имѣетъ исторію, и что въ исторіи событія не повторяются, а представляютъ постоянно новыя комбинаціи. Послѣднимъ я замѣчу, что я не выдаю этой мысли за новость; но иногда и старое

не дурно напомнить, а это старое дѣло до-
шлось напомнить именно потому, что въ
послѣднее время произошла нѣкоторая пу-
таница понятій въ отношеніи смысла сло-
ва: историческій законъ. Многіе привержен-
цы Бокля, напримѣръ, говорятъ, что онъ от-
крылъ нѣкоторые законы исторіи. Я не и-
мѣю въ виду здѣсь подтверждать или отрицать
точность его открытій, но, каковы бы они
ни были, они относятся не къ законамъ ис-
торіи. Онъ только помощью исторіи уста-
навливалъ нѣкоторые законы соціологіи, т.е.
опредѣлялъ, при пособіи историческихъ при-
мѣровъ, какъ преобладаніе того или другого
элемента дѣйствуетъ на развитіе общества
вообще, и какъ оно всегда будетъ дѣйствовать,
если повторится это преобладаніе. Это вовсе
не законъ историческаго процесса, какъ пони-
мали установленіе подобнаго закона Вико,
Боссюэтъ, Гегель, Контъ, Бюшэ.

Что касается до историковъ-теоретиковъ,
то я думаю, что они согласятся со мною въ
двухъ пунктахъ. Первое, что всѣ попытки
мыслителей, которые, подобно Вико, стара-
лись свести исторію на процессъ повторя-
ющихся явленій, оказались весьма неудач-
ны; какъ только дѣло дошло до сравненія
двухъ періодовъ въ частностяхъ; слѣдователь-
но, что исторія представляетъ процессъ, въ
которомъ представляется опредѣленная послѣдова-

тельную связь явленій, *одинъ этотъ разъ представляющая* историку въ данной совокупности, въ каждый моментъ процесса. Второе, что законъ исторической послѣдовательности въ ея цѣломъ еще не найденъ, но ищется. Если такъ, — будемъ искать.

Прежде всего, чтобы найти какую-либо руководящую нить въ пестромъ калейдоскопѣ событій, желательно отдѣлить важнѣйшее отъ менѣе важнаго. Естествоиспытателю это сдѣлать легко: что повторяется въ неизмѣнной связи, то важнѣе, потому что въ немъ-то и есть законъ; что-же относится къ случайнымъ видоизмѣненіямъ, то маловажно и берется лишь къ свѣдѣнію, для будущихъ возможныхъ соображеній. Вѣроятно ни одинъ изслѣдователь не нашелъ двухъ человѣческихъ сердецъ, совершенно тождественныхъ по формѣ и объему, но, откидывая индивидуальныя измѣненія, какъ маловажныя, онъ отнесъ къ наукѣ лишь неизмѣнныя черты общаго строенія. Въ исторіи этотъ критерій невозможенъ, потому что явленіе не повторяется. Но это единственная мѣрка важности явленій, которую наблюдатель можетъ черпать изъ самихъ явленій, единственный *объективный* способъ судить о важности явленій. Такъ какъ онъ въ исторіи не приложимъ, то важность историческихъ явленій и оцѣнивается не объек

тивно. Они цѣнятся личностью по той мѣрѣ, которую личность прилагаетъ вообще къ дѣйствіямъ человѣка. Они подлежатъ оцѣнкѣ по нравственному ихъ вліянію. Сознательно или безсознательно, человѣкъ прилагаетъ ко всей исторіи человѣчества ту нравственную выработку, которой онъ самъ достигъ. Одинъ ищетъ въ жизни человѣчества лишь того, что способствовало образованію или разрушенію сильныхъ государствъ. Другой слѣдитъ преимущественно за борьбою, усиленіемъ и гибелью національностей. Третій старается убѣдить себя и другихъ, что торжествующая сторона была всегда правѣе побѣжденной. Четвертый интересуется фактами, насколько они осуществили ту или другую идею, принимаемую имъ за безусловное благо для человѣчества. Всѣ они судятъ объ исторіи субъективно, по своему взгляду на нравственные идеалы, да иначе и судить не могутъ.

Пусть читатель не полагаетъ, что историкъ можетъ получить объективный критерій для обсужденія важности событія, беря въ соображеніе число личностей, подлежащихъ вліянію того или другаго событія. Какъ для Августина или Боссюэта событія, имѣвшія вліяніе на жителей маленькой Палестины, были несравненно важнѣе походовъ Чингисхана или Александра Македонскаго,

такъ и для современнаго историка завоеваніе огромной Китайской имперіи Монголами будетъ, я думаю, менѣе значительно, чѣмъ борьба нѣсколькихъ горныхъ кантоновъ Швейцаріи съ Габсбургами.

Итакъ, волей неволей, приходится прилагать къ процессу исторіи субъективную оцѣнку, т.е. усвоивъ, по степени своего нравственнаго развитія, тотъ или другой нравственный идеалъ, расположить всѣ факты исторіи въ перспективѣ, по которой они содѣйствовали, или противудѣйствовали, этому идеалу, и на первый планъ исторіи выставить, по важн[illegible], —тѣ факты, въ которыхъ это содѣйствіе, или противудѣйствіе, выразилось съ наибольшею яркостью. Но здѣсь представляются еще два многозначительныя обстоятельства. Во первыхъ, при этой точкѣ зрѣнія, всѣ явленія обособляются, какъ благодѣтельныя или вредныя, какъ нравственное добро или зло. Во вторыхъ, мы, — съ нашимъ нравственнымъ идеаломъ, опредѣляющимъ перспективу процесса исторіи, — становимся въ конецъ этого процесса; все предыдущее становится къ нашему идеалу въ отношеніе подготовительныхъ ступеней, ведущихъ неизбѣжно къ опредѣленной цѣли. Слѣдовательно, исторія представляется намъ борьбою благодѣтельнаго и вреднаго начала, гдѣ благодѣтельное, въ

неизмѣнномъ видѣ или въ постепенность развитія, достигло наконецъ той точки, на которой оно есть для насъ высшее благо человѣчества. Итакъ въ процессѣ исторіи мы неизбѣжно видимъ <u>прогрессъ</u>. Если мы сторонники начала, торжествующаго въ наше время, то мы разсматриваемъ свою эпоху, какъ вѣнецъ всего предыдущаго. Если наши симпатіи принадлежатъ тому, что, очевидно, ослабѣло, то мы вѣримъ, что наша эпоха критическая, переходная, патологическая, за которою послѣдуетъ непремѣнно эпоха торжества. Вѣровавшіе въ близкій конецъ міра, — при чемъ міръ представлялся имъ исполнившимъ дѣла, — вѣрили въ долженствующее послѣдовать за тѣмъ блаженство праведниковъ. Принимавшіе первобытное состояніе совершенства вступали со слѣдующаго шага въ теорію прогресса. Даже приверженцы круговорота въ исторіи (что мы, впрочемъ, теперь развивать не будемъ) невольно подчиняются этому общему закону человѣческаго мышленія. По неизбѣжной необходимости этого мышленія, <u>для человѣка</u> процессъ исторіи всегда представляется — болѣе или менѣе ясно и послѣдовательно, — борьбою за прогрессъ и окончательнымъ торжествомъ прогресса, и лишь это явленіе вноситъ историче-скія въ строгомъ смыслѣ этого слова, то

торыя вѣшали на этотъ прогрессъ.

Я знаю, что мое пониманіе слова *прогрессъ* многимъ и многимъ не понравится. Всѣ, желающіе придать исторіи то объективное безпристрастіе, которое присуще процессамъ природы, возмутятся тѣмъ, что для меня прогрессъ зависитъ отъ личнаго взгляда изслѣдователя. Всѣ, вѣрующіе въ безусловную непогрѣшимость своего нравственнаго міросозерцанія, хотѣли бы себя увѣрить, что не только *для нихъ*, но и *само въ себѣ* важнѣе лишь то въ историческомъ процессѣ, что имѣетъ ближайшее отношеніе къ основамъ этого міросозерцанія. Но, право, пора бы людямъ мыслящимъ усвоить себѣ очень простую вещь: что различіе важнаго и не важнаго, благодѣтельнаго и вреднаго, хорошаго и дурнаго, суть различія существующія лишь *для человѣка*, а вовсе чуждыя природѣ и вещамъ самимъ въ себѣ; что одинаково неизбѣжна для человѣка необходимость прилагать ко всему свой, человѣческій (антропологическій) способъ воззрѣнія, и, для вещей въ ихъ совокупности, необходимость слѣдовать процессамъ, неимѣющимъ ничего общаго съ человѣческимъ воззрѣніемъ. *Для человѣка* важны общіе законы, а не индивидуальные факты, потому что онъ понимаетъ предметы, лишь обобщая ихъ; но наука, съ ея общими законами яв

леній, присуща лишь человѣку, а внѣ человѣка существуютъ только одновременныя и послѣдовательныя сцѣпленія фактовъ, столь мелкихъ и дробныхъ, что человѣкъ едва ли можетъ уловить во всей ихъ мелкости и дробности. Для человѣка изъ непрерывной нити подробностей жизни выдѣляются въ біографіяхъ и въ исторіяхъ нѣкоторыя мысли, чувства и дѣла человѣка (или группы людей) какъ важнѣйшія, имѣющія идеальное значеніе, историческую важность; но это выдѣленіе совершается только имъ, человѣкомъ; безсознательные процессы природы вырабатываютъ мысль о всемірномъ тяготѣніи, о солидарности людей совершенно также, какъ ворсинку на ногѣ жука, или стремленіе лавочника сорвать лишнюю копѣйку съ покупщика; Гарибальди и ему подобные для природы — совершенно такіе же экземпляры породы человѣка въ XIX вѣкѣ, какъ любой сенаторъ Наполеона III, любой бюргеръ маленькаго городка Германіи, любой изъ тѣхъ пошляковъ, которые гранятъ тротуары Невскаго проспекта. Наука не представляетъ никакихъ данныхъ, по которымъ безпристрастный изслѣдователь имѣлъ-бы право перенести свой нравственный судъ о значительности общаго закона, геніальной или героической личности, изъ области человѣческаго пониманія и желанія, въ область без

сознательной и безстрастной природы. ......
При этомъ, мнѣ приходится высказаться
относительно понятія о прогрессѣ двухъ за-
мѣчательныхъ мыслителей, повидимому,
несогласныхъ съ приведеннымъ выше опредѣ-
леніемъ. „Прогрессъ — говоритъ Прудонъ (Phi-
losophie du progrès, 24) — это — утвержденіе всеоб-
щаго движенія, слѣдовательно, отрицаніе
всякой неизмѣнной формулы.... приложен-
ной къ какому бы то ни было существу;
всякаго ненарушимаго строя, не исключая
строя вселенной; всякаго субъекта или объ-
екта, эмпирическаго или трансцендентна,
который бы не измѣнялся". Это, какъ будто,
совершенно объективная точка зрѣнія,
закалывающая собственныя убѣжденія на
алтарь всемірнаго процесса измѣненія.
Но продолжайте читать великаго мыс-
лителя и вы узнаете, что для него прогрессъ
въ разныхъ областяхъ — синонимъ группиров-
ки идей, свободы личности, справедливос-
ти, т. е. что онъ называетъ прогрессомъ
тѣ измѣненія, которыя ведутъ къ луч-
шему пониманію вещей, къ высшему нрав-
ственному идеалу личности и общества,
какъ этотъ идеалъ выработался у него,
Прудона. Безусловно лучшее существова-
ло и для Прудона, какъ существовало и
будетъ существовать для всякаго разви-
того человѣка; оно называлось для Пру-

на: истина, свобода, справедливость, и это безусловное становилось здѣсь цѣлью и сущностью прогресса съ такою-же субъективною обязательностью, какъ тысячелѣтнее царство для хиліастовъ. Съ послѣднимъ взглядомъ на прогрессъ соглашается впрочемъ и самъ Прудонъ въ другомъ мѣстѣ, именно въ девятомъ этюдѣ своего большаго труда „О справедливости въ революціи и въ церкви".

Спенсеръ говоритъ („Собраніе сочиненій", вып. 1,2): „Чтобы правильно понять прогрессъ мы должны изслѣдовать сущность этихъ измѣненій, разсматривая ихъ независимо отъ нашихъ интересовъ.... Оставляя въ сторонѣ побочныя обстоятельства и благодѣтельныя послѣдствія прогресса, спросимъ себя, что онъ такое самъ въ себѣ". Затѣмъ онъ называетъ органическимъ прогрессомъ переходъ отъ однороднаго къ разнородному и доказываетъ, что это есть законъ всякаго прогресса. Тутъ же, повидимому, онъ совершенно объективно смотритъ на явленіе. Но прочтите внимательно самый приступъ Спенсера къ дѣлу и вы увидите, что онъ выходитъ изъ точки зрѣнія совершенно субъективной. Онъ за _данныя_ принимаетъ обиходныя понятія о прогрессѣ, какъ увеличеніе числа народа, количества матеріальныхъ продуктовъ, улучшеніе ихъ качества, увеличеніе числа познанныхъ фактовъ и понятыхъ законовъ, словомъ, — всего, что прямо или косвенно стремится къ возвышенію человѣческаго счастія. Онъ только находитъ въ этихъ понятіяхъ _неясность_,

личина прогресса, а не самый прогрессъ. Онъ хочетъ
усвоить *именно эти* явленія, какъ *сущность*
именно этого процесса и полагаетъ, что на-
шелъ ее въ дифференцированіи, по аналогіи орга-
ническаго развитія, которое ему угодно назвать
прогрессомъ. Но заключаетъ ли органическое раз-
витіе характеристическій признакъ тѣхъ яв-
леній, изъ которыхъ авторъ заимствовалъ поня-
тіе о прогрессѣ? — весьма сомнительно. Увели-
ченіе числа людей, увеличеніе матеріальныхъ
и умственныхъ богатствъ имѣютъ ту общую
черту, что въ нихъ мы видимъ нѣчто *лучшее*,
болѣе желательное, болѣе соотвѣтственное *тре-
бованіямъ* отъ человѣка и человѣчества. Но что
лучшаго въ новорожденномъ животномъ сравни-
тельно съ зародышемъ или яйцемъ, изъ кото-
раго оно произошло? или почему взрослое живот-
ное лучше новорожденнаго? Если позволительно
говорить о *прогрессѣ* въ развитіи животна-
го, то столь же правильно будетъ говорить о
прогрессѣ въ природѣ, о желаніяхъ растеній, о
государствѣ солнечной системы. Къ тому
же желательно знать, назвалъ ли бы самъ Спен-
серъ прогрессомъ переходъ отъ однороднаго къ
разнородному въ человѣческомъ обществѣ, ес-
ли бы это дифференцированіе дошло до того,
что каждый человѣкъ говорилъ бы особымъ
языкомъ, имѣлъ бы особыя понятія объ ис-
тинномъ, справедливомъ и прекрасномъ?
Мысль Спенсера вообще вѣрна, такъ какъ

опять доказалъ, что въ значительномъ числѣ случаевъ приближенiе личности и общества къ нравственному идеалу <u>его</u>, Спенсера, тью нуженъ дифференцированiя; но это понятiе не покрываетъ собою всѣхъ явленiй прогресса и даже не всегда исключаетъ полное несогласiе съ прогрессомъ, какъ процессомъ выработыванiя даннаго нравственнаго идеала. Да и въ тѣхъ случаяхъ, когда она вѣрна, она указываетъ лишь <u>причину</u> -са., ~~та~~ онъ самъ все-таки слѣдитъ въ субъективномъ взглядѣ мыслителя на то, что лучше или что хуже для человѣка или для человѣчества. Итакъ, я полагаю что два мыслителя, взятые мною для примѣра, расходятся съ приведенными взглядами на прогрессъ лишь на словахъ, а въ сущности стоятъ, какъ и всѣ, на той же почвѣ, обусловливаемой природою человѣческаго мышленiя. Они ставятъ сами или заимствуютъ у другихъ нѣкоторый нравственный идеалъ, видятъ въ событiяхъ исторiи борьбу за это высшее благо и приближенiе къ нему. И всѣ поступаютъ точно также.

Письмо третье.

Величина прогресса въ человѣчествѣ.

Все сказанное въ предъидущемъ письмѣ, требуетъ, конечно, чтобы я выставилъ пред-

читателемъ опредѣлительно, въ чемъ собственно я вижу цѣль прогрессивнаго движенія человѣчества. Я это и сдѣлаю.

<u>Развитіе личности въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи. Воплощеніе въ общественныхъ формахъ истины и справедливости</u> – вотъ краткая формула, обнимающая, какъ мнѣ кажется, все, что можно считать прогрессомъ; и прибавлю, что я въ этой формулѣ ни считаю ничего мнѣ лично принадлежащимъ: болѣе или менѣе ясно и полно высказанная, она лежитъ въ сознаніи всѣхъ мыслителей послѣднихъ вѣковъ, а въ наше время становится ходячею истиною, повторяемою даже тѣми, кто дѣйствуетъ несогласно съ нею и желаетъ совершенно иного.

Эта формула, при своей краткости, допускаетъ обширное развитіе и, развивая ее, можно получить полную теорію какъ личной, такъ и общественной нравственности. Конечно, здѣсь не мѣсто развивать эти вопросы – да я и не думаю дѣлать этого. Я только укажу на нѣкоторыя условія, необходимыя для осуществленія прогресса въ томъ смыслѣ, который указанъ выше.

Развитіе личности въ <u>физическомъ</u> отношеніи тогда только возможно, когда она пріобрѣла нѣкоторый минимумъ гигіеническихъ и матеріальныхъ удобствъ, ниже котораго въ

роятность страданія, болѣзней, постоянныхъ заботъ, далеко превосходитъ вѣроятность како го либо развитія, дѣлаетъ поглощное достояніе лишь исключительныхъ личностей, а всѣ остальныя обрекаетъ на вырожденіе въ безпощадной борьбѣ за существованіе, безъ всякой надежды на улучшеніе своего положенія.

Развитіе личности въ умственномъ отношеніи лишь тогда прочно, когда личность выработала въ себѣ потребность критическаго взгляда на все, ей представляющееся, увѣренность въ незыблемости законовъ управляющихъ явленіями, и пониманіе, что справедливость, въ своихъ результатахъ, тождественна съ стремленіемъ къ личной пользѣ.

Развитіе личности въ нравственномъ отношеніи лишь тогда вѣроятно, когда общественная среда дозволяетъ и поощряетъ въ личностяхъ развитіе самостоятельнаго убѣжденія; когда личности имѣютъ возможность отстаивать свои различныя убѣжденія и тѣмъ са мымъ принуждены уважать свободу чужого убѣжденія; когда личность сознаетъ, что ея достоинство лежитъ въ ея убѣжденіи, и что уваженіе достоинства чужой личности есть уваженіе собственнаго достоинства.

Воплощеніе въ общественныхъ формахъ истины и справедливости предполагаетъ прежде всего для ученаго и мыслителя возможность высказать положенія, считаемыя имъ за выра-

жения истины и справедливости; затемъ оно предполагаетъ въ обществѣ нѣкоторый минимумъ общаго образованія, дозволяющій большинству понять эти положенія и оцѣнить аргументы, приводимые въ ихъ пользу; наконецъ оно предполагаетъ такія общественныя формы, которыя допускали бы измѣненіе, лишь только оказалось, что эти формы перестали служить воплощеніемъ истины и справедливости.

Я вовсе не такъ увѣренъ въ томъ, что читатель согласится съ этими условіями прогресса, какъ надѣялся на безприкословное принятіе имъ короткой формулы, поставленной въ началѣ; но это общая судьба формулъ. Весьма многіе согласны съ ними, пока онѣ не уяснены; какъ только начинается уясненіе, люди, ихъ принимавшіе, начинаютъ угадывать, что они, приверженцы одной и той же формулы, не совсѣмъ понимали другъ друга. Для меня эти условія кажутся необходимыми и я предоставляю тому, кто несогласенъ со мною, удержавъ формулу, поставить ей другія условія. Но, поставивъ *эти* условія, я позволю себѣ спросить читателя: имѣемъ ли мы вообще право говорить въ настоящее время о прогрессѣ *человѣчества*? Можно ли сказать, что для большинства 1.300 милліоновъ, изъ которыхъ состоитъ современное человѣчество, *начальныя* условія прогресса уже осуществлены? Даже *нѣкоторыя* изъ этихъ условій осу-

ществлены-ли? и для какой доли изъ этихъ 1.300 миллiоновъ? Но можно-ли безъ нѣкотораго ужаса подумать, во что обошлось несчастнымъ миллiонамъ погибшихъ поколѣнiй осуществленiе прогресса для маленькой горсти личностей, которыхъ историки считаютъ представителями цивилизацiи? Я бы счелъ оскорбленiемъ для читателя, если-бы усомнился на минуту въ томъ, какъ онъ отвѣтитъ на вопросъ: осуществлены-ли начальныя условiя прогресса? Здѣсь возможенъ лишь одинъ отвѣтъ: всѣ условiя прогресса не осуществлены ни для одного человѣка и ни одно изъ нихъ не осуществлено для большинства. — Всюду и всегда личности, выработавшiя въ себѣ какой-либо прогрессъ, должны были бороться съ неисчислимыми препятствiями, тратить на эту борьбу самую значительную долю своихъ силъ и своей жизни, чтобы только отстоять свое право на физическое, умственное развитiе. Лишь при особенно выгодныхъ обстоятельствахъ имъ это удавалось. Лишь при исключительномъ положенiи личностей борьба за существованiе не имѣла смысла, а время и силы шли на борьбу за увеличенiе наслажденiй. Еще исключительнѣе было положенiе тѣхъ, которые воспользовались не столько совершившеюся за нихъ борьбою другихъ личностей, чтобы бороться за нравственное наслажденiе сознательнаго развитiя въ себѣ [illegible]

вѣчныхъ началъ и воплощенія ихъ въ общест=
венныя формы. И во всѣхъ этихъ случаяхъ
борьба требовала такую долю силъ и жизни,
что на самое осуществленіе цѣли при борьбѣ оста
валось и того и другаго крайне мало, такъ
что немудрено, если человѣчество, даже въ части,
всего лучше обставленной, достигло еще столь
не многаго. Удивительно еще, что при столь
невыгодныхъ условіяхъ, нѣкоторая часть чело-
вѣчества все-таки достигла чего-то, имѣю
щаго право назваться не осуществленіемъ, а
развѣ подготовленіемъ правильнаго прогресса.
Но за то какъ мала эта доля *успѣвшихъ*?
и чего это стоило *остальнымъ*?
Всего далѣе подвинулось человѣчество относи=
тельно условій физическаго развитія лично-
сти, между тѣмъ даже и въ этомъ отноше
ніи какъ еще незначительно число лицъ, для
которыхъ осуществленъ *необходимый* мини=
мумъ гигіеническихъ и матеріальныхъ удобствъ!
Какое ничтожное меньшинство изъ 1.300 мил
ліоновъ человѣчества пользуется достаточно
ю и здоровою пищею, имѣетъ одежду и жи
лище, удовлетворяющія основнымъ требова=
ніямъ гигіены, можетъ обратиться къ меди
ку въ случаѣ болѣзни, къ общественной забот=
ливости въ случаѣ голода, или внезапнаго не
счастія! Какое огромное большинство про
водитъ почти всю свою жизнь въ непрестан=
ныхъ забо тахъ о насущномъ хлѣбѣ, въ неуто-

симой борьбѣ за свое жалкое существованіе и притомъ еще не всегда въ состояніи отстоять себя! — Сочтите племена, которымъ эта борьба и до сихъ поръ не дозволила выйти изъ состоянія, почти ничѣмъ не отличающагося отъ другихъ породъ животныхъ. Сочтите жертвы голода, эпидеміи въ многочисленныхъ племенахъ, лишенныхъ всѣхъ пособій раціональной культуры. Сочтите въ средѣ цивилизованной Европы ту массу населенія, которая осуждена всю жизнь биться изъ-за завтрашняго куска хлѣба. Припомните страшные отчеты о гигіеническихъ условіяхъ жизни рабочаго въ самыхъ <u>развитыхъ</u> странахъ Европы. Посмотрите въ таблицахъ смертности, какія цифры соотвѣтствуютъ вздорожанію хлѣба на нѣсколько процентовъ, какъ измѣняется вѣроятность жизни для бѣдняка и для богатаго. Припомните, какъ малъ заработокъ огромнаго большинства европейскаго населенія. — Когда эти цифры предстанутъ предъ вами въ ихъ ужасающей реальности, тогда можете спросить себя, какая доля человѣчества <u>пользуется дѣйствительно</u> тѣми жизненными удобствами, тѣми необходимыми условіями физическаго развитія для человѣка, которыя вырабатываетъ современная культура въ ея фабрикахъ, медицинскихъ факультетахъ, въ ея комитетахъ о бѣдныхъ? Какъ велико <u>практическое</u> значеніе человѣческой науки и человѣче

кой филантропіи въ наше время для другихъ большинства людей, для ихъ развитія? А при этомъ нельзя не сознаться, что увеличеніе матеріальныхъ удобствъ жизни въ Европѣ бросается въ глаза, и что безспорно количество личностей, имѣющихъ возможность пользоваться удобствами здоровой пищи, здороваго жилища, медицинскаго пособія въ случаѣ болѣзни и полицейской охраны отъ случайностей — очень увеличилось въ послѣдніе вѣка. На этой-то небольшой долѣ человѣчества, охраненной отъ самой тяжкой нужды, лежитъ въ наше время вся человѣческая цивилизація.

Далеко, далеко ниже стоитъ человѣчество на пути осуществленія условій умственнаго развитія. Нечего и говорить о выработкѣ критическаго взгляда на вещи, о пониманіи неизмѣнности законовъ природы и утилитарнаго значенія справедливости для огромнаго числа людей, которые должны еще отстаивать свое существованіе противъ ежеминутной опасности. Но и меньшинство, болѣе или менѣе огражденное отъ этихъ тяжелыхъ заботъ, заключаетъ въ себѣ лишь самую незначительную долю личностей, привыкшихъ смѣшивать критически усвоившихъ смыслъ слова: законъ явленій, и ясно понимающихъ собственную пользу. Слишкомъ много слыхали и негодовали, приводя примѣры господства моды, привычки, преданій, всякаго рода авторитетовъ въ цивилизованномъ меньшинствѣ,

чтобы мнѣ нужно было распространяться объ этомъ предметѣ, и повторять тысячу разъ повторенную истину - что люди, выработавшіе въ себѣ привычку критически мыслить <u>вообще</u>, суть замѣчательной рѣдкости. Нѣсколько больше, хотя и то очень мало, людей, привыкшихъ обобщать явленія какой-либо одной, болѣе или менѣе широкой, сферы явленій. Внѣ этой сферы, они большею подчинены безсмысленному повторенію чужихъ мнѣній, какъ и все остальное большинство человѣчества. - Что касается до усвоенія понятія о неизмѣнности законовъ, управляющихъ явленіями, то его можно искать только въ маленькой группѣ лицъ, серьезно занимавшихся наукою. Но и между ними далеко не всѣ, которые его проповѣдуютъ на словахъ, могутъ считаться усвоившими его въ самомъ дѣлѣ. Эпидеміи новѣйшихъ маговъ: магнетизеровъ, вызывателей духовъ, спиритистовъ, дали длинные списки именъ лицъ, увлеченныхъ этими эпидеміями, и въ числѣ этихъ именъ встрѣчаются, къ сожалѣнію, люди науки. Да и внѣ этихъ эпидемій, особенно въ минуты жизненной опасности, душевныхъ потрясеній и т. п. не разъ люди науки обращались къ амулетамъ и заклинаніямъ (конечно, въ ихъ общеупотребительной формѣ), показывая, какъ не крѣпко въ ихъ умахъ убѣжденіе въ неизмѣнности хода явленій и въ невозможности отклонить процессъ природы отъ ихъ неизбѣжнаго совершенія. Мудрено-ли, что

изъ этого, что амулеты и заклинанія играютъ свою роль среди блестящей культуры Европы XIX вѣка столь-же эффектно, какъ въ пустыняхъ Африки у нашихъ современниковъ, или за нѣсколько тысячелѣтій у нашихъ предковъ. Наука природы отвоевала лишь кое-что у сфера чудеснаго, такъ что культура нашего времени въ мелочахъ жизни представляетъ пеструю смѣсь раціональныхъ и предразсудочныхъ пріемовъ, и вѣра въ чудесное готова пробудиться въ большинствѣ <u>образованнаго</u> класса при первомъ удобномъ къ тому поводѣ. — Я не рѣшаюсь даже поставить вопроса о развитіи пониманія утилитарной стороны справедливости. Мы видимъ безпрестанно людей, дѣйствующихъ справедливо по минутному настроенію, по привычкѣ, по внутреннему влеченію характера, но за то не менѣе, если не болѣе, видимъ и дѣйствій несправедливыхъ, иногда совершаемыхъ тѣми же самыми личностями. Шаткость въ этихъ случаяхъ происходитъ несравненно чаще отъ дурнаго пониманія личной выгоды, чѣмъ отъ злаго намѣренія, и можетъ уменьшиться лишь съ пониманіемъ тождества справедливости и эгоистическаго разсчета, взявшаго въ соображеніе всѣ обстоятельства. Но весь этотъ прогрессъ еще въ будущемъ, если онъ когда либо будетъ имѣть мѣсто. Въ настоящемъ, число единицъ, усвоившихъ себѣ подобный взглядъ въ теоріи и на практикѣ, совершенно незамѣтно,

Какъ ни мало достигнуты условія умствен-
наго прогресса, даже въ средѣ меньшинства, обез-
печеннаго отъ прямой борьбы за существованіе,
но все-таки эти условія, хотя частью выпол-
няются. Есть небольшая группа людей, выра-
ботавшихъ въ себѣ привычку критически мыс-
лить хотя въ частной области знанія. Не-
измѣнность законовъ явленій теоретически при-
знана большинствомъ ученыхъ, хотя очень ма-
ло вошла въ личное убѣжденіе. Только утили-
тарное значеніе справедливости, даже въ теоріи,
сознано очень мало.

Но что сказать объ условіяхъ нравственнаго
развитія личности? Такъ какъ объ убѣжде-
ніяхъ можно говорить только въ кругу людей,
выработавшихъ въ себѣ способность критически
мыслить, то и условія нравственнаго развитія
существуютъ для этой маленькой группы. Но
лишь одна доля ея находится въ странахъ, гдѣ
законъ ограждаетъ личное убѣжденіе, а не ка-
раетъ его. Лишь небольшая доля этой доли жи-
ветъ въ общественной средѣ, которая не смот-
ритъ на самостоятельность убѣжденій, какъ
на нравственный порокъ, не старается иско-
ренить его съ дѣтства воспитаніемъ, внушаю-
щимъ покорность общепринятому, не гонитъ
его всѣми средствами въ жизни, какъ непри-
личіе, вредящее общественному спокойствію. Когда
личности этой, едва замѣтной, группы чело-
вѣчества, счастливѣе другихъ поставленной

въ отношеніи условій нравственнаго развитія, выработали въ себѣ убѣжденіе, то лишь маленькая доля ихъ сохраняетъ терпимость въ отношеніи чужихъ убѣжденій, и еще меньшая къ этому присоединяетъ сознаніе, что достоинство человѣка лежитъ въ его убѣжденіи. Судите же по этому, для какой самомалѣйшей части человѣчества въ каждомъ поколѣніи возможенъ нравственный прогрессъ. А въ нравственности прогрессъ каждое поколѣніе повторяетъ ту же работу, такъ какъ сила и самостоятельность убѣжденій, а также готовность стоять за него, не передается отъ одной личности другой, а вырабатывается каждою личностью самостоятельно. Прогрессъ заключается здѣсь лишь въ числѣ личностей, усвоившихъ сильныя и самостоятельныя убѣжденія. По малочисленности лицъ, для которыхъ это убѣжденіе вообще возможно, нѣтъ никакихъ средствъ опредѣлить: существуетъ ли этотъ прогрессъ или нѣтъ. Можно бы предполагать, что онъ имѣетъ мѣсто вслѣдствіе расширенія географической территоріи, гдѣ законъ ограждаетъ свободу мысли, но зато лучшія средства административнаго надзора стѣсняютъ ее болѣе, чѣмъ прежде; въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ существуетъ въ этомъ отношеніи репрессивное законодательство, что рѣшеніе этого вопроса предстоитъ будущему. Для настоящаго онъ и не имѣетъ особой важно-

сти по незначительности той доли человѣчества, до которой этотъ вопросъ касается. Замѣчу, что Бокль, отрицая нравственный прогрессъ въ человѣчествѣ, имѣлъ въ виду совсѣмъ иное.

Переходимъ къ условіямъ, необходимымъ для воплощенія въ общественныхъ формахъ истины и справедливости. Первое изъ нихъ — возможность высказать свои научныя знанія и философскія убѣжденія — выполнено, болѣе или менѣе, въ довольно значительной части цивилизованнаго міра, и это — самый дѣйствительный прогрессъ человѣческой исторіи. Но второе — достаточный минимумъ общественной образованности — какъ мы видѣли, осуществилось лишь для незначительнаго меньшинства, обезпеченнаго отъ самой упорной борьбы за существованіе и привыкшаго критически мыслить: всѣ остальные члены общества или подавлены ежедневными заботами, или привыкли идти за авторитетами. Третье условіе — возможность обсужденія и измѣненія отжившихъ общественныхъ формъ, до нѣкоторой степени осуществлено въ иныхъ мѣстностяхъ, т.е. тамъ существуетъ законный органъ общественнаго мнѣнія, облеченный правомъ законодательства. Но прогрессивное значеніе этого учрежденія въ значительной степени умаляется двумя причинами, коренящимися въ недостаточности осуществленія условій физическаго развитія массъ,

умственнаго уже и нравственнаго — почти для всѣхъ. Такъ какъ тяжелая забота о насущномъ хлѣбѣ дѣлаетъ для огромнаго большинства личностей совершенно невозможнымъ участіе въ законодательствѣ, при сложныхъ формахъ, которая ему придана, и такъ какъ даже не многимъ личностямъ этого большинства, и лишь случайно, возможность развиться умственно, настоящій общественный строй, въ большей части случаевъ, полагаетъ всевозможныя препятствія, — то и наличныя общественныя формы обсуживаются и измѣняются лишь представителями обезпеченнаго меньшинства. Такъ какъ это меньшинство критически развито весьма мало и всего менѣе въ отношеніи пониманія утилитарнаго значенія справедливости, — то справедливое сужденіе въ этомъ случаѣ составляетъ случайность, а общимъ правиломъ является сужденіе и рѣшеніе на основаніи исключительныхъ, эгоистическихъ интересовъ меньшинства, поставленнаго обстоятельствами у двигателя законодательной машины. Смотря по знаніямъ этого меньшинства и по его лучшему или худшему пониманію собственныхъ интересовъ, оно воплощаетъ въ законодательствѣ эти интересы болѣе или менѣе полно. При болѣе критическомъ отношеніи къ <u>своимъ</u>

интересамъ, оно полезнѣе вліяетъ и на весь общественный строй. Но недостатокъ критической мысли въ обществѣ высказывается въ этомъ случаѣ еще иначе, и еще болѣе ограничиваетъ возможность послѣднихъ измѣненій путемъ законодательства до нашего времени. Не только <u>интересы</u> меньшинства препятствуютъ улучшенію общественныхъ формъ; ему препятствуютъ еще болѣе усвоенныя <u>привычки</u>, освященныя временемъ <u>преданія</u>. Въ глазахъ значительнаго числа личностей самыхъ развитыхъ обществъ, обсужденію и законному измѣненію всегда подлежали лишь нѣкоторыя политическія и нѣкоторыя маловажныя экономическія формы. Все остальное остается <u>неприкосновенною</u> святынею даже въ глазахъ многихъ изъ тѣхъ, которые болѣе чѣмъ ос-ніе терпятъ отъ этой неприкосновенной святыни, тѣмъ болѣе въ глазахъ тѣхъ, которые не чувствуютъ ея тяжести. Было время, когда ни одинъ политическій ораторъ свободной республики не могъ бы заикнуться объ уничтоженіи рабства. Было время, когда терпимость къ иновѣрцамъ представляла тему, способную повести на костеръ. Но еще и въ наше время въ парламентахъ многихъ народовъ можно спокойно обсуждать тарифы и займы, а радикальное обсужденіе вопроса о распредѣленіи богатствъ не возможно. Пренія объ отвѣтственности министровъ допускаются.

но предложеніе о замѣнѣ одной династіи дру
гою или династіи выборнымъ на время пре-
зидентомъ не могло-бы имѣть успѣха. Эко-
номическую сторону семейныхъ отношеній по
двергаютъ пересмотру, но до нравственной о
сновы этихъ отношеній и не касаются. Во
многихъ случаяхъ нельзя сказать, чтобы при
косновеніе къ этимъ святынямъ было пря-
мо запрещено закономъ или подвергало бы на
рушителя опредѣленной карѣ. Мнѣніе мо
жетъ быть высказано, если между законода
телями найдется критически-мыслящая и
смѣлая личность. Но привычка и преда-
ніе не дозволяетъ большинству законодате
лей и значительной части общества даже
приступить про себя приступить къ обсу-
жденію вопросовъ. Мнѣніе будетъ отвергну
то не выслушаннымъ, несознаннымъ, и не по
тому, чтобы его противникамъ казались ар
гументы его слабыми или интересы ихъ при
этомъ затронутыми, а просто потому что
это мнѣніе въ ихъ глазахъ не подлежитъ об
сужденію. При недостаткѣ критическаго
развитія въ средѣ обезпеченнаго меньшинства,
поставляющаго законодателей, и при слабо
мъ страданіи интересовъ этого меньшин
ства отъ неприкосновенныхъ святынь, по-
слѣднія долго остаются фактически свя
тыми даже и послѣ того, какъ въ области
мысли онѣ уже давно потеряли свою не-

прикосновенность, послѣ того какъ огромное большинство чувствуетъ ихъ гнетъ, хотя еще и не сознало необходимости измѣнить неприкосновенныя формы. Когда критически-мыслящее меньшинство повторяетъ свои нападенія на нихъ, оно встрѣчаетъ неодолимыя препятствія. Все остается, какъ есть, пока мнѣніе о негодности этихъ формъ (конечно, взятое на вѣру) не распространится на довольно значительное число личностей. Тогда отжившія формы разрушаются, но уже не путемъ правильнаго измѣненія, а путемъ революціи, вызывающей обыкновенно наибольшія бѣдствія въ массѣ, подавленной ежедневными заботами, особенно же въ той части этой массы, которая не принимала участія въ переворотѣ и не воспользовалась имъ хотя для временнаго облегченія своего положенія. Замѣчая, какъ мало выполнены условія человѣческаго прогресса, мы, конечно, перестанемъ удивляться существованію печальнаго хора писателей, во всѣ вѣка повторявшихъ горькія жалобы на бѣдствія человѣчества, и сѣтовавшихъ на непрочность такъ называемыхъ историческихъ цивилизацій. Какъ въ наше время огромное большинство человѣчества обречено на непрестанный физическій трудъ, отупляющій умъ и нравственное чувство, на вѣроятность смерти отъ голода или отъ эпидеміи, такъ и всегда большинство было въ подобномъ положеніи.

вѣчно трудящейся человѣческой машины, часто голодающей и всегда озабоченной завтрашнимъ днемъ, едва ли лучше въ наше время, чѣмъ было въ другіе періоды. Для нея прогресса нѣтъ. Ей мало дѣла и до культуры, стоящей надъ ея головою со своими дворцами, парламентами, храмами, академіями, студіями. Она опасна лишь въ эпоху голода, когда страданія ея дѣлаются невыносимыми. Она служитъ прочною опорою лишь тогда, когда вѣритъ въ заботливость меньшинства о ней; когда связана съ этимъ меньшинствомъ или фактическимъ вѣрованіемъ, или общностью матеріальныхъ интересовъ; когда для особенно даровитыхъ и энергическихъ личностей изъ ея среды существуетъ возможность пробиться въ обезпеченное меньшинство. Если этой связи не существуетъ между массою неимущихъ и цивилизованнымъ большинствомъ, то цивилизація его всегда не прочна. Столкновеніе съ чужеземнымъ завоевателемъ, проповѣдь новой религіи, стихійный взрывъ голодной массы, могутъ уничтожить въ самое короткое время всю эту блестящую культуру, не смотря на ея кажущееся преобладаніе по матеріальнымъ, умственнымъ и нравственнымъ условіямъ. Единственное средство для цивилизаціи быть болѣе прочною, это — поставить въ связь со своимъ существованіемъ матеріальные, умственные и нравственные ин

тересы немыслящаго большинства, расширяя на большее и большее число лицъ выгоды матеріальныхъ удобствъ жизни, развивающее дѣйствіе науки, сознаніе личнаго достоинства и привлекательное вліяніе болѣе справедливыхъ общественныхъ формъ. Лишь распредѣляя равномѣрнѣе скопленный капиталъ благосостоянія, умственнаго и нравственнаго развитія, цивилизованное меньшинство можетъ доставить вѣроятность прочности своему собственному развитію.

Древнія восточныя царства, точно также какъ царства Мексики, Перу и, вѣроятно, того безыменнаго общества, которое оставило дворцы и храмы въ слѣдахъ Паленке, были снесены со всѣми ихъ цивилизаціями первою соціальною бурею. Это былъ не рядъ случайностей, а совершенно естественный продуктъ формы этихъ цивилизацій. Когда монополія умственнаго развитія принадлежала теократіи, когда монополія жизненныхъ благъ и культурныхъ улучшеній принадлежала небольшому кружку наслѣдственныхъ собственниковъ или людей, переходившихъ за порогъ царскаго дворца, когда дворцы для одного и храмы для немногихъ были результатами невыгоднаго труда всѣхъ, когда для большинства не предвидѣлось ни значительнаго улучшенія быта, ни сохраненія туземныхъ общественныхъ формъ, ни зна

чительнаго вреда отъ подчиненія чуждому завоевателю, тогда что могло искренно связывать это большинство съ цивилизаціею, составлявшею для него лишь любопытное зрѣлище, отдаленное и безполезное? Приходилъ чуждой завоеватель и легко сметалъ съ вершины общества небольшой слой цивилизованнаго меньшинства. Пустѣли, рушились и обростали лѣсомъ великолѣпные дворцы и храмы въ Ниневіи, чтобы подняться въ Вавилонѣ; затѣмъ падалъ Вавилонъ, чтобы притянуть трудъ и капиталы въ Сузу и Персеполь. Большинство теряло лишь пестрое зрѣлище, а трудилось безъ пользы для Сеннахериновъ такъ, какъ для Навуходоносоровъ; было связано интересами и жизнію съ Асаргадономъ столь же мало, какъ съ Даріемъ; гибло машинально въ войскахъ Кира, какъ оно гибло въ войскахъ Креза. Глубокая несправедливость распредѣленія условій физическаго, умственнаго и нравственнаго развитія придавала крайнюю непрочность всѣмъ этимъ цивилизаціямъ.

То же явленіе повторилось при паденіи греко-римскаго міра. Но здѣсь всё-таки кругъ распространенія цивилизаціи шире былъ, форма ея нѣсколько справедливѣе; поэтому классическая цивилизація была и устойчивѣе, потому и не такъ легко поддалась она напору внѣшнихъ и внутреннихъ разрушительныхъ силъ; потому и слѣды ея въ исторіи

человѣчества чуждое и многочисленные. Съ нею связаны были интересы экономическіе значительнаго числа гражданъ, интересы умственные всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ возможность, устранивъ самыя тяжелыя заботы, придти въ одинъ изъ городскихъ центровъ мысли и политической жизни. Унизительный деспотизмъ личности смѣнился идеализированнымъ деспотизмомъ государства и закона. Съ теократіей исчезла монополія умственнаго развитія. Точная наука, независимое философское мышленіе, сознательное участіе гражданина въ политическомъ цѣломъ — расширили осуществленіе условій физическаго, умственнаго и нравственнаго развитія. Тѣмъ не менѣе, подъ слоемъ свободныхъ гражданъ, находился несравненно многочисленнѣйшій классъ рабовъ, которымъ предоставленъ былъ весь ремесленный трудъ, и которые ничѣмъ не были связаны съ политическою жизнію гражданъ. За стѣнами самодержавныхъ городовъ расширялись территоріи, подчиненныя произволу и эксплуатаціи, чуждыя научному и философскому развитію центровъ. Педагогическое дѣйствіе научной и философской мысли было слабо, и, вмѣсто того чтобы расширить кругъ знающихъ, философы писали на дверяхъ академіи запретъ незнающему войти. Высоко и быстро поднялась греческая мысль, но лишь единицы стояли на этой высотѣ учені-

непонятные обществу, философы, чуждые обыденныхъ интересовъ жизни. Неизбѣжный фатумъ не заставилъ себя долго ждать. Многочисленные граждане, не связавшіе своихъ интересовъ съ интересами ремесленниковъ-рабовъ и подвластныхъ территорій, не отстояли свободы своихъ городовъ отъ внѣшняго насилія. Въ продолжительной борьбѣ, населеніе городовъ, хранившее традицію гражданственности, смѣшалось съ пришлымъ большинствомъ, чуждымъ этой традиціи, и центра древней политической жизни потеряли свое живое значеніе. Малочисленные ученые и передовые мыслители, не связавшіе своей мысли педагогически съ мыслью значительнаго числа лицъ, не отстояли правъ и методовъ своей критики отъ фетишизма массы, отъ лѣни и непослѣдовательности умовъ обезпеченнаго меньшинства. Подъ вліяніемъ военныхъ временъ діадоховъ и римскаго завоеванія критически-мыслящее меньшинство утонуло въ большинствѣ, чуждомъ критики; потребность нелѣпыхъ вѣрованій подавила потребность вѣрованій, продуманныхъ, также какъ потребность матеріальнаго обезпеченія подавила потребность гражданской жизни. Эллинскій идеалъ справедливой жизни смѣнился римскимъ идеаломъ законной формы. Кругъ городовъ-эксплуататоровъ сузился сначала въ кругъ консуляровъ <u>одного</u> города, эксплуа

тировавшаго мiръ, потомъ въ кругъ привилеген-ныхъ одного человѣка, повелѣвавшаго мiромъ. Когда внѣшніе враги древняго Рима пришли по грабить его, онъ развалился подъ ихъ рукою, потому что некому было дорожить императорскимъ фискомъ съ его тяжелымъ гнетомъ. Когда новые чудотворцы бросили въ глаза потомкамъ Аристотеля, Архимеда и Эпикура требованіе чудесъ немыслимое, критика заглохла, наука была похоронена и философія пошла въ рабство, потому что ихъ представители были уединены или сами поддались вѣянію массы, чуждой умственныхъ интересовъ. Недостаточная справедливость древней цивилизаціи подорвала ея прочность, несмотря на ея замѣчательныя условія, сравнительно съ прежними формами общежитія. Но новая цивилизація Европы можетъ разсчитывать на свою прочность лишь настолько, насколько матеріальные, умственные и нравственные интересы меньшинства, ея представляющаго, будутъ связаны экономически съ благосостояніемъ большинства, педагогически съ его развитіемъ, юридически съ убѣжденіемъ большинства личностей, что ихъ достоинство солидарно съ существующею цивилизаціею. Справедливѣйшая въ своемъ распредѣленіи цивилизація есть и долговѣчнѣйшая. Но долговѣчіе цивилизаціи иногда покупается цѣною ея способности развиваться. Если географическія условія нѣкоторымъ образомъ обезпечиваютъ

цивилизацію извнѣ, то она можетъ оградиться отъ опасностей изнутри тѣмъ, что помѣшаетъ развиваться въ своей средѣ личностямъ съ критическою мыслію, которыхъ вовсе не такъ много, чтобы нельзя было каждый разъ ихъ подавлять при появленіи. Для многихъ расъ человѣчества, крѣпче другихъ держащихся за свои привычки и за свою старину, а можетъ быть, и по строю мозга менѣе склонныхъ къ критическому развитію, образуется, наконецъ, въ рядѣ поколѣній, привычка къ опредѣленному складу мысли, повторяющемуся съ такою же неизмѣнною силою, какъ строй улья у пчелъ и постройка термитовъ. Тогда въ обществѣ могутъ происходить дворцовыя революціи, кровавыя войны, смѣна династій, даже образованіе многотомной литературы, но цивилизація его не измѣняется, а жизнь __историческая__ въ немъ прекращается. Китай представляетъ довольно обычный примѣръ подобнаго застоя. Впрочемъ не должно думать, чтобы самыя высшія расы, были совершенно избавлены отъ опасности впасть въ застой. Византія прошла довольно далеко по этому же пути. Московское царство уже склонялось къ нему. Но и болѣе развитыя формы государственности могутъ придти къ окоченѣнію. Такимъ образомъ всякой цивилизаціи грозятъ постоянно двѣ опасности. Если она ограничивается слишкомъ малочисленнымъ

и слишкомъ исключительно поставленнымъ меньшинствомъ, то ей грозитъ опасность исчезнуть. Если она не дастъ развиться въ средѣ цивилизованнаго меньшинства критически мыслящимъ единицамъ, ее оживляющимъ, ей грозитъ застой.

Письмо четвертое.

Цѣна прогресса.

Впродолженіе своего долгаго существованія, человѣчество выработало нѣсколько центальныхъ личностей, которыхъ историки съ гордостію называютъ его представителями, героями. Для того, чтобы эти герои могли дѣйствовать, для того, далѣе, чтобы они могли появиться въ тѣхъ обществахъ, которые были осчастливлены ихъ появленіемъ, должна была образоваться маленькая группа людей, сознательно стремившихся къ развитію въ себѣ человѣческаго достоинства, къ расширенію знаній, къ уясненію мысли, къ укрѣпленію характера, къ установленію болѣе удобнаго для нихъ строя общества. Для того, чтобы эта маленькая группа могла образоваться, необходимо было, чтобы, среди большинства, борющагося ежечасно за свое существованіе, оказалось меньшинство, обезпеченное отъ самыхъ тяжелыхъ заботъ жизни. Для того,

чтобы большинство борющихся за насущный хлѣбъ, за кровъ и одежду могло выдѣлить изъ себя этотъ <u>цвѣтъ народа</u>, этихъ <u>единственныхъ представителей цивилизацiи</u>, надобно было большинству просуществовать; а это было вовсе не такъ легко, какъ оно можетъ показаться съ перваго взгляда.

Въ первоначальной борьбѣ за существованiе съ своими братьями-животными, человѣку приходилось плохо. У него нѣтъ такихъ могучихъ естественныхъ орудiй нападенiя и защиты, какъ у другихъ породъ, которыя выработались среди враговъ, именно благодаря подобнымъ орудiямъ; и, въ борьбѣ физическими средствами сильнѣйшiя животныя его поражали. Ему недостаетъ органовъ для лазенья, прыганья, полета или плаванья, чтобы легче избѣжать опасности, тогда какъ другiя, слабѣйшiя породы именно этимъ органамъ, вѣроятно, обязаны своимъ сохраненiемъ. Человѣку нужно <u>выучиться</u> всему, приноравливаться ко всему; иначе онъ погибнетъ. По мнѣнiю нѣкоторыхъ писателей, дѣтеныши человѣка, среднимъ числомъ въ продолженiи 1/5 ихъ жизни, составляютъ для родителей безпомощную тягость, тогда какъ для прочихъ породъ это число не превышаетъ никогда 1/20. Допустимъ далѣе, что въ первобытность человѣчества эта разница варьировалась болѣе близкими между собою чи-

самим, оно все-таки неизбѣжно было не въ пользу человѣка. Слѣдовательно, просуществованіе человѣку вообще въ средѣ животнаго царства было крайне трудно.

Одинъ органъ въ своемъ постепенномъ развитіи *могъ* доставить человѣку торжество въ этой борьбѣ, замѣнивъ преимущества всѣхъ прочихъ породъ и превзойдя ихъ. Это былъ органъ *мысли*. Вѣроятно неисчислимое множество двуногихъ особей погибло, въ безнадежной борьбѣ со своими врагами-звѣрями, прежде чѣмъ выработались счастливые единицы, способныя *лучше* мыслить, чѣмъ эти враги, способные изобрѣсть средства для охраненія своего существованія. Онѣ *отстояли* себя цѣною гибели всего остальнаго, и эта *первая*, совершенно *естественная*, аристократія между двуногими *создала* человѣчество. Наслѣдственная способность, или переимчивость - перенесли изобрѣтенія этихъ первобытныхъ геніевъ на небольшое меньшинство, поставленное въ наиболѣе выгодныя условія для переимчивости. Существованіе человѣчества было упрочено.

Если и прежде человѣкъ боролся съ человѣкомъ, какъ со всякимъ другимъ животнымъ, чтобы отнять у него пищу или пожрать его, то теперь серьезная для будущности война ограничилась этой борьбою между особями. Шансы были здѣсь болѣе равносильны,

а потому борьба должна была быть упорные и продолжительные. Всякое совершенствованіе въ ловкости тѣла, въ употребленіи орудій нападенія и защиты, въ подражаніе первымъ учителямъ-звѣрямъ, всякое изобрѣтеніе, удававшееся единицѣ, выдавало число многихъ единицъ. Гибли временные дѣятели, гибли беременная или только что родившая самка, гибли слабѣйшіе, менѣе ловкіе, менѣе изобрѣтательные, менѣе осторожные, менѣе нерѣшительные. Выдерживалъ дѣятель, который по крѣпкой организаціи, могъ раньше обойтись безъ ухода чѣмъ другіе, или, по счастливой обстановкѣ, могъ дольше пользоваться уходомъ; выдерживалъ способнѣйшій талантомъ и силою; выдерживалъ счастливѣйшій изъ равно способныхъ. Онъ питался лучше; онъ спалъ спокойнѣе; онъ зналъ больше; онъ имѣлъ время лучше обдумать свои дѣйствія. Эти счастливцы составили вторую аристократію человѣческихъ породъ, успѣвшихъ просуществовать цѣлого истребленія всѣхъ своихъ братій.
Защита беременной самки, въ виду будущаго наслажденія или будущей помощи отъ нея, во время сна, была, вѣроятно, первымъ и величайшимъ дѣломъ для нравственного развитія человѣчества. Это были первая утилитарная связь между людьми и первый урокъ — какъ выгодна связь личностей

для каждой изъ нихъ. Это должно было, рано или поздно, повести къ сохраненію дѣтенышей, къ образованію семьи, къ традиціонной передачѣ умѣнья и мысли, къ происхожденію народовъ. Въ присутствіи этихъ сплоченныхъ силъ, изчезли безъ всякой возможности отстоять себя всѣ тѣ, которые своевременно не додумались до союза въ какомъ бы то ни было видѣ, или не переняли почему либо этого изобрѣтенія. Истребительная борьба семей противъ одиночекъ и семей между собою, должна была быть еще неумолимѣе прежнихъ, потому что, въ видахъ сохраненія дѣтей и ихъ пропитанія, а также во время беременности женщинъ, каждому взрослому и здоровому приходилось добывать болѣе пищи, чѣмъ для одного себя. Цѣною этого истребленія большинства, человѣчество купило возможность непрерывнаго прогресса культуры; путемъ передачи ея отъ одного поколѣнія другому, купило привычку общественности и привязанности, традицію знанія и вѣрованія.

Борьба продолжалась между семьями и родами. Безжалостно истреблялись побѣжденные противники, пока дѣло шло только о борьбѣ за существованіе; но первый урокъ о пользѣ чужой жизни, для удобства собственной, не могъ пропасть даромъ. Желаніе увеличить свои наслажденія побуди

его обдумать — не выгоднѣе ли *иногда* не убивать побѣжденнаго? Не выгоднѣе ли побѣдителю развивать въ себѣ только ловкость ума и мысли, взваливъ трудъ добыванія необходимаго на другаго? Тѣ геніальныя личности доисторическаго человѣчества, которыя додумались до этого утилитарнаго начала, положили въ немъ основу уваженія къ чужой жизни и уваженія къ собственному достоинству. Онѣ первыя сами поставили себѣ и своимъ потомкамъ въ обязанность, въ нравственный идеалъ, развитіе физическое и умственное, культуру и науку. Онѣ обезпечили себѣ и потомству *досугъ* для прогресса. Онѣ *создали* прогрессъ въ средѣ человѣчества, какъ ихъ геніальные и счастливые предшественники создали человѣчество среди звѣрей, создали человѣческія породы въ борьбѣ между людскими особями, создали *возможность* будущаго прогресса. Но этотъ прогрессъ небольшаго меньшинства былъ купленъ *порабощеніемъ* большинства, лишеніемъ его возможности добиться той же ловкости тѣла и мысли, которая составила достоинство представителей цивилизаціи.

Сознаніе великаго значенія культуры и науки, какъ силы и какъ наслажденія, вело само собою къ желанію монополизировать эту силу и это наслажденіе. Правное принужденіе, организація общества, кара закона, рели

гіозной ужасъ, привычная традиція, внушаемая съ колыбели, отдѣляли меньшинство породистыхъ, знающихъ, развивающихся отъ всего остальнаго. Цѣною неустанной работы и борьбы за существованіе этого остальнаго, немногіе смогли выбирать себѣ лучшихъ женщинъ, производить лучшее поколѣніе, питать и воспитывать его лучше; смогли употреблять время на наблюденіе, обдумываніе, соображеніе, не заботясь о пищѣ, кровѣ и простѣйшихъ удобствахъ; смогли добиваться истины, взвѣшивать справедливость, искать техническихъ улучшеній, лучшаго общественнаго строя, смогли развивать въ себѣ страстную любовь къ истинѣ и справедливости, готовность принести за нихъ въ жертву свою жизнь и свое благополучіе, рѣшимость проповѣдывать истину и осуществлять справедливость.

Проповѣдь истины и справедливости шла отъ уединенныхъ и понимающихъ единицъ въ небольшой кружокъ людей, для которыхъ развитіе составляло наслажденіе; она образовала въ этомъ кружкѣ воспріимчивыхъ приверженцевъ, къ которымъ примыкали вѣрующіе изъ обезличеннаго меньшинства. Сила и соглашеніе вносили ученіе истиннаго и справедливаго въ законъ и привычку. Какъ развитая личность изъ внутренней потребности стремилась къ воплощенію справедливо

сти и къ распространенію истины, такъ раз
суждающее меньшинство, для собственной поль
зы, находило лучшимъ подѣлиться <u>частью</u> у
добствъ жизни съ большинствомъ и расширить
кругъ знающихъ до нѣкоторой степени. Я уже
говорилъ, что прочность цивилизаціи зависѣла
отъ сознанія необходимости подобнаго расши
ренія. Но пониманіе распространялось медлен
но; мелкій расчетъ всегда побуждалъ удѣлять
возможно меньше удобствъ другимъ людямъ, ог
раничивать возможно болѣе сферу доступнаго
имъ знанія. Негодная система побуждала ви
дѣть во всѣхъ новыхъ требованіяхъ времени нѣ
что враждебное общественному порядку, нѣчто
преступное и грѣшное, а потому монополисты
знаній большею частью противились всѣми
средствами ихъ прогрессу. Слабость этого прог
ресса вызывала, неизбѣжно, дурное пониманіе
человѣческаго достоинства и формъ справедли
вости. Отсюда продолжительная непроч-
ность цивилизаціи; отсюда же постоян-
ное стремленіе къ застою ея; отсюда, на
конецъ, та крайняя незначительность про
гресса въ средѣ человѣчества, на которую ука
зано въ предыдущемъ письмѣ, несмотря
на то, что за нѣсколько великихъ людей
въ продолженіи тысячелѣтій, и за прог-
рессъ едва замѣтнаго меньшинства заплаче
но миліардами жизней, океанами крови,
несчетными страданіями и невзгодами.

трудомъ поколѣній. Дорого заплатило человѣчество за то, чтобы нѣсколько мыслителей, въ своемъ кабинетѣ, могли говорить о его прогрессѣ. Дорого заплатило оно за нѣсколько маленькихъ семинарій, гдѣ воспитывало себѣ педагоговъ, которые, впрочемъ, до сихъ поръ еще принесли ему мало пользы. Если бы счесть образованное меньшинство нашего времени, число жизней, погибшихъ въ минувшемъ въ борьбѣ за его существованіе, и оцѣнить работу ряда поколѣній, трудившихся только для поддержанія своей жизни и для развитія другихъ, и если бы вычислить, сколько потерянныхъ человѣческихъ жизней, и какая цѣнность труда приходится на каждую личность, нынѣ живущую нѣсколько человѣческою жизнію — если бы все это сдѣлать, то вѣроятно иные наши современники, ужаснулись бы при мысли — какой капиталъ крови и труда израсходованъ на ихъ развитіе. Къ успокоенію ихъ чуткой совѣсти служитъ то обстоятельство, что подобный разсчетъ невозможенъ.

Впрочемъ, слѣдуетъ ужасаться не тому, что прогрессъ меньшинства обошелся дорого, но развѣ тому, что онъ обошелся *такъ* дорого и что за эту цѣну сдѣлано *такъ* мало. Если бы меньшинство раньше и старательнѣе позаботилось о распространеніи вокругъ себя развитія, пріобрѣтеннаго въ

области культуры и знаній, то число пожранныхъ денегъ и труда было бы не такъ велико; жатва, приходящаяся на каждаго изъ насъ, была бы меньше, и не увеличивалась бы такъ громадно съ каждымъ поколѣніемъ. Надъ законами естественной необходимости мы не властны, а потому разсудительный человѣкъ долженъ съ ними примириться, ограничиться ихъ спокойнымъ изслѣдованіемъ и, на сколько возможно, воспользоваться ими для своихъ цѣлей. Не властны мы и надъ исторіею; прошлое доставляетъ намъ лишь факты, которые могутъ намъ служить для справленія будущаго. За грѣхи отцевъ мы отвѣтственны лишь на столько, на сколько продолжаемъ эти грѣхи и пользуемся ими, не стараясь исправить ихъ послѣдствій. Мы властны въ нѣкоторой степени лишь надъ будущемъ, такъ какъ наши знанія и наши дѣйствія составляютъ матеріалъ, изъ котораго организуется все содержаніе будущей истины и справедливости. Каждое поколѣніе отвѣтственно предъ потомствомъ за то лишь, что оно <u>могло</u> сдѣлать и не сдѣлало. Поэтому и намъ, въ виду суда потомства, предстоитъ рѣшить вопросы: какая доля неизбѣжнаго, естественнаго зла слѣдуетъ въ томъ процессѣ, который мы

называемъ громкимъ именемъ историческаго прогресса? На сколько наши предки, доставившіе намъ, цивилизованному семейству, возможность воспользоваться выгодами этого прогресса, ведь нужды увеличили и продолжали страданія и труда большинства, выгодами прогресса никогда не пользовавшагося? Въ какомъ случаѣ отвѣтственность за это дѣло можетъ пасть и на насъ въ глазахъ будущихъ поколѣній? Законъ борьбы за существованіе такъ общъ для міра животныхъ, что мы не имѣемъ ни малѣйшаго повода обвинять первобытное человѣчество, когда этотъ законъ прилагался къ нему, пока не пробудилось въ людяхъ сознаніе взаимной солидарности, потребность истины и справедливости. Такъ какъ это сознаніе едва ли могло пробудиться, пока люди, взаимно истребляя другъ друга, не дошли до замѣны убійства эксплуатаціею, то и на весь неисчислимый періодъ борьбы между особями, а можетъ быть и на значительную часть періода борьбы между семьями, — намъ приходится смотрѣть лишь какъ на зоологическій фактъ. Едва ли можно себѣ представить и накопленіе знаній, развитіе идеи о правѣ и обязанности въ первое время иначе, какъ процессомъ, совершающимся въ с

единицахъ, поставленныхъ въ особенно выгодны
я обстоятельства, т.е. въ особяхъ, имѣющихъ
досугъ, лучшее питаніе и воспитаніе на
счетъ другихъ особей, которыя доставляютъ
первымъ этотъ досугъ, питаніе и воспита-
ніе увеличеніемъ своего труда, если не цѣ-
ною собственно жизни или значительныхъ
страданій. Прежде чѣмъ учиться, надо и
имѣть учителей. Большинство можетъ
развиваться лишь дѣйствіемъ на него бо-
лѣе развитаго меньшинства. Поэтому въ
человѣчествѣ или должно было отсутство
вать всякое развитіе, или приходилось
большинству сначала вынести на своихъ
плечахъ счастливѣйшее меньшинство, рабо
тать на него, страдать и гибнуть изъ-за
него. Это повидимому тоже законъ приро
ды. Въ виду его намъ остается или стадо-
ма не желать вовсе развитія, купленнаго
такою цѣною; или посмотрѣть и на это,
какъ на антропологическій фактъ. Но въ
началѣ предъидущаго письма я уже усло
вился съ читателемъ относительно
нравственныхъ требованій составляющихъ
предположеніе прогресса, слѣдовательно до
пуская отказъ отъ развитія вообще, впалъ
бы въ противорѣчіе. Примиримся же съ
фактомъ, что человѣчеству для его развитія
было необходимо, очень, очень дорогою цѣно
ю приготовить себѣ педагогическую семи

нарію и болѣе развитое меньшинство, чтобы наука и разносторонняя жизненная практика, сношеніе и техника, накопляясь въ этихъ центрахъ, постоянно разливались на большее и большее число людей.

Необходимое, естественное зло въ прошедшемъ ограничивается предъидущимъ, и за предѣлами этихъ законовъ начинается отвѣтственность человѣческихъ поколѣній, въ особенности же цивилизованнаго меньшинства. Вся кровь, пролитая въ исторіи внѣ прямой борьбы за существованіе, въ періодъ болѣе или менѣе яснаго сознанія правъ человѣка на жизнь, есть кровь преступно пролитая и лежащая на отвѣтственности поколѣнія ее проливавшаго. Всякое цивилизованное меньшинство, которое не желало быть цивилизующимъ, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, несетъ отвѣтственность за всѣ страданія современниковъ и потомства, которыя оно могло устранить, еслибы не ограничивалось ролью представителя и хранителя цивилизаціи, а взяло на себя роль ея двигателя. Если мы, съ этой точки зрѣнія, оцѣнимъ панораму исторіи до нашего времени, то, вѣроятно, должны будемъ признаться, что всѣ историческія поколѣнія проливали рѣки крови, даже не имѣя оправданія въ борьбѣ за существованіе, и что почти все

да и вездѣ меньшинство, гордившееся своею цивилизацiею, крайне мало дѣлало для распространенiя этой цивилизацiи. Немногiя личности заботились о расширенiи образованiя въ человѣчествѣ; еще меньшее число — объ укрѣпленiи мысли и розысканiи справедливѣйшихъ формъ общества; личности же цивилизованнаго меньшинства, стремившiяся воплотить въ дѣло подобныя формы, встрѣчаются въ весьма незначительномъ числѣ. Многiя блестящiя цивилизацiи заплатили своею гибелью за это неумѣнiе связать съ своимъ существованiемъ интересъ большаго числа личностей. Во всѣхъ цивилизацiяхъ, безъ исключенiя, большая часть людей, пользовавшихся удобствами культуры, вовсе не думала о всѣхъ тѣхъ, которые ею не пользовались и не могли пользоваться, а тѣмъ менѣе о цѣнѣ, которою куплены прiобрѣтенныя удобства жизни и мысли. Но не мало всегда было и лицъ, которыя, на каждой ступени цивилизацiи, признавали эту ступень предѣломъ общественнаго развитiя, возмущались противу всякаго критическаго отношенiя къ ней, противу всякой попытки распространить благо цивилизацiи на большее число лицъ, уменьшить трудъ и страданiе большинства, его не пользующагося, и внести въ мысль болѣе истины, въ общественныя формы бо-

стѣ справедливости. Если этимъ проповѣдникамъ застоя крайне рѣдко удавалось положить совершенную преграду общественному прогрессу, то имъ часто удавалось замедлить его и усилить страданія большинства. Въ виду этого, мы должны признать, что выгоды современной цивилизаціи оплачены не только __неизбѣжнымъ__ зломъ, но еще огромнымъ количествомъ совершенно ненужнаго зла, отвѣтственность за которое слагается на предъидущихъ поколѣніяхъ цивилизованнаго меньшинства, частью по бездѣятельности, частью по прямому противодѣйствію всякой цивилизующей дѣятельности. Это зло мы уже исправить въ прошедшемъ не можемъ. Страдавшія поколѣнія умерли большинства не облегченныя въ своемъ трудѣ. Нынѣшнее цивилизованное меньшинство пользуется ихъ трудомъ и страданіями. Мало того: оно пользуется еще страданіями и трудомъ огромнаго числа своихъ современниковъ и можетъ вліять на увеличеніе труда и страданій ихъ потомства. Такъ какъ за это послѣднее обстоятельство мы несемъ и будемъ нести нравственную отвѣтственность предъ потомствомъ, то историческое изслѣдованіе цѣны совершившагося прогресса приводитъ къ слѣдующему практическому вопросу: какія средства имѣетъ настоящее поколѣніе цо

ба уменьшить свою отвѣтственность? Если
ба живущія личности различнаго развитія
спросили себя: что намъ дѣлать, чтобы не
отвѣчать предъ потомствомъ за новыя
страданія человѣчества? и если ба всѣ о
ни ясно поняли свое дѣло, то отвѣты
были ба конечно различны.
Членъ большинства, борющагося ежеднев
но за физическое существованіе, какъ боро
лись его предки въ первые періоды жизни
человѣчества, сказалъ ба себѣ: борись как
знаешь и какъ умѣешь! отстаивай пра
во на жизнь для себя и для тѣхъ, къ кому
ты привязанъ! это былъ законъ твоихъ от
цовъ; твое положеніе не лучше ихъ поло-
женія; это единственный законъ и для те
ба. Болѣе несчастная личность изъ того
же большинства, въ которой цивилизація
пробудила сознаніе ея человѣческаго достоин
ства, но лишь только и ограничилась, —
сказала бы себѣ: борись какъ знаешь, и какъ
можешь отстаивай свое и чужое досто
инство, — умри за него, если нужно!
Членъ цивилизованнаго меньшинства, же
лающій лишь увеличить и упрочить сво
е наслажденіе, но склонный искать его бо
лѣе во области удобствъ жизни, чѣмъ
въ области мысли, сказалъ ба себѣ: твоя
польза требуетъ улучшенія положенія
большинства; то, чѣмъ мы пожертву-

ешь, изъ сохраняющихъ благъ съ этою цѣлью возвратится тебѣ въ видѣ большей прочности остальнаго, большаго спокойствія въ наслажденіи сохраненными благами, большаго вліянія на большинство, которое, не смотря на свое несчастное положеніе, есть все таки сила. Извлекай же свою дѣйствительную пользу; стремись къ улучшенію положенія другихъ: это тебѣ всего полезнѣе.

Членъ небольшой группы меньшинства, видящій свое наслажденіе въ собственномъ развитіи, въ отысканіи истины и въ воплощеніи справедливости, скажетъ себѣ: каждое удобство жизни, которымъ я пользуюсь, каждая мысль, которую я имѣлъ досугъ пріобрѣсти или выработать, куплена кровью, страданіями или трудомъ милліоновъ. Прошедшее я исправить не могу, и какъ ни дорого оплачено мое развитіе, я отъ него отказаться не могу: оно именно и составляетъ идеалъ, возбуждающій меня къ дѣятельности. Лишь безсильный и неразвитый человѣкъ падаетъ подъ отвѣтственностью, на немъ лежащей, и бѣжитъ отъ зла въ Ѳиваиду или въ могилу. Зло надо исправить на сколько можно, а это можно сдѣлать лишь въ жизни. Зло надо задушить. Я сниму съ себя отвѣтствен-

ности за кровавую цѣну своего развитія, если употреблю это самое развитіе на то, чтобы уменьшить зло въ настоящемъ и въ будущемъ. Если я развитой человѣкъ, то я обязанъ это сдѣлать, и эта обязанность для меня легка весьма, такъ какъ совпадаетъ именно съ тѣмъ, что составляетъ для меня наслажденіе: отыскивая и распространяя болѣе истинъ, уясняя себѣ справедливѣйшій строй общества и стремясь воплотить его, я увеличиваю собственное наслажденіе и въ то же время дѣлаю все, что могу для страждущаго большинства въ настоящемъ и въ будущемъ. Итакъ, мое дѣло ограничивается однимъ простымъ правиломъ: живи сообразно тому идеалу, который ты самъ себѣ поставилъ, какъ идеалъ развитаго человѣка!

Это было бы все такъ легко и просто, если бы всѣ личности поняли дѣло, но бѣда именно въ томъ, что весьма немногія понимаютъ его. Предъидущимъ правиламъ слѣдуетъ лишь часть лицъ первой категоріи и нѣкоторые изъ остальныхъ. Другая часть, борющаяся за свое физическое существованіе, отстаиваетъ себя не довольно энергически; не потому, чтобъ не знала какъ это сдѣлать, или не умѣла того, но по недостатку рѣши

лости, по апатіи. Большинство лицъ второй категоріи жертвуетъ своимъ достоинствомъ для насущнаго хлѣба и унижается въ собственныхъ глазахъ, не имѣя все таки возможности выйти изъ своего положенія. Большинство лицъ третьей категоріи не понимаетъ собственной пользы, дѣйствуетъ по рутинѣ и не умѣетъ доставить себѣ спокойствія въ наслажденіи т.е. именно того, къ чему стремится. Большинство же лицъ послѣдней категоріи преставитъ идолъ на мѣсто истины и справедливости, чѣмъ ограничивается истиною и справедливостью въ смыслѣ, а не въ жизни, или не хочетъ видѣть, какое незначительное меньшинство пользуется выгодами прогресса цивилизаціи.

А цѣна этого прогресса все растетъ....

Письмо пятое.

Дѣйствіе личностей

Послѣдніе два письма мои приводятъ въ концѣ къ одному и тому же результату. Обществу угрожаетъ опасность застоя, если оно заглушитъ въ себѣ критически мы

слящія личности. Его цивилизаціи грозитъ гибель, если эта цивилизація, какова бы она ни была, сдѣлается исключительнымъ достояніемъ небольшаго меньшинства. Слѣдовательно, какъ ни малъ прогрессъ человѣчества, но и то, что есть, лежитъ исключительно на критически-мыслящихъ личностяхъ: безъ нихъ онъ безусловно невозможенъ; безъ ихъ стремленія распространить его онъ крайне непроченъ. Такъ какъ эти личности полагаютъ обыкновенно себя въ правѣ считаться развитыми, и такъ какъ за <u>ихъ-то</u> именно развитіе и заплачена та страшная цѣна, о которой говорено въ послѣднемъ письмѣ, то нравственная обязанность расплачиваться за прогрессъ лежитъ на нихъ же. Эта уплата, какъ мы видѣли, есть посильное распространеніе удобствъ жизни, умственнаго и нравственнаго развитія на большинство, внесеніе научнаго пониманія и справедливости въ общественныя формы.

Поговоримъ же объ этихъ личностяхъ, единственныхъ орудіяхъ человѣческаго прогресса. Каковъ бы онъ ни былъ, онъ зависитъ отъ нихъ. Онъ не выростетъ изъ земли, какъ выростаетъ сорная трава. Онъ не размножается отъ плавающихъ въ воздухѣ зародышей, какъ инфузоріи въ гніющей жидкости. Онъ не окажется внезапно въ че-

человѣчествѣ результатомъ мистическихъ идей, о которыхъ такъ много толковали тому назадъ лѣтъ двадцать, а многіе и теперь еще толкуютъ. Его сѣмя есть, дѣйствительно, идея, но не мистически присутствующая въ человѣчествѣ: она зарождается въ мозгу личности, тамъ развивается, потомъ переходитъ изъ этого мозга въ мозги другихъ личностей, разростается качественно въ увеличеніи умственнаго и нравственнаго достоинства этихъ личностей, количественно въ увеличеніи ихъ числа и становится общественною силою, когда эти личности сознаютъ свое единомысліе и рѣшаются на единодушное дѣйствіе; она торжествуетъ, когда такія личности, ею проникнутыя, внесли ее въ общественныя формы. Если личность, говорящая о своей любви къ прогрессу, не хочетъ критически пораздумать объ условіяхъ его осуществленія, то она, въ сущности, прогресса никогда не желала, да и не была даже никогда въ состояніи искренно желать его. Если личность, сознающая условія прогресса, ждетъ, сложа руки, чтобы онъ осуществился самъ собою, безъ всякихъ усилій съ ея стороны, то она есть худшій врагъ прогресса, самое гадкое препятствіе на пути къ нему. Всѣмъ жалобщикамъ о развратѣ времени, о ничтожествѣ людей, о застоѣ и

ретроградность убѣжденій слѣдуетъ поставить вопросъ: а вы сами, зрячіе среди слѣпыхъ, здоровые среди больныхъ, что вы сдѣлали, чтобы содѣйствовать прогрессу?..

При этомъ вопросѣ большинство изъ васъ сошлется на слабость силъ, недостатокъ таланта, малый кругъ дѣйствія, враждебныя обстоятельства, враждебную среду, враждебныхъ людей и т.д. „Какіе мы дѣятели, говорятъ они, и учили насъ не доучили, и статейку журнальную написать не сумѣемъ, и пророческимъ краснорѣчіемъ Господь обдѣлилъ, и мѣстечко по службѣ ничтожное, а то и никакого нѣтъ, и капитала родители не оставили, а зарабатаешь лишь на столько, чтобы сидѣть въ проголодь. Вотъ если бы то и другое: капиталъ, да мѣсто большое, да талантъ, то мы бы себя показали."

Я не говорю о тѣхъ, которые всю жизнь бьются изъ за куска хлѣба. Въ прошломъ письмѣ я упомянулъ о нихъ и на нихъ не падаетъ ни одного обвиненія. Если прогрессъ прошелъ надъ ихъ головами, не давъ имъ даже развитія, то они лишь жертвы. Если [illegible] скудное умственное развитіе, если сознаніе лучшаго заставило въ нихъ ненавидѣть [illegible] и [illegible], но обстоятельства задавили въ нихъ всякое проявленіе этого сознанія и ограничили ихъ жизнь заботою о насущномъ хлѣбѣ; если, при этомъ, они

все-таки сохранили человѣческое достоинство, то они своимъ примѣромъ, своимъ существованіемъ суть самые энергическіе дѣятели прогресса. Передъ этими незамѣтными героями человѣчества, не совершившими ни одного яркаго дѣла, по историческому значенію ничтожны величайшіе историческіе дѣятели. Еслибы первыхъ не было, то послѣдніе никогда не смогли-бы осуществить ни одного своего начинанія, но, между тѣмъ, какъ замѣтные герои борются и часто даже гибнутъ въ борьбѣ за мнѣніе, въ это время, не смотря на неблагопріятныя условія, незамѣтные герои поддерживаютъ въ обществѣ традицію человѣческаго достоинства, сознаніе лучшаго, и когда одному на сто изъ великихъ дѣятелей удается провести въ жизнь свои идеи, онъ вдругъ видитъ около себя группу крѣпкихъ людей, закаленныхъ работою, непоколебимыхъ въ своихъ убѣжденіяхъ, радостно протягивающихъ ему свои руки. Изъ этихъ-то незамѣтныхъ героевъ создается во всякую историческую великую минуту почва для преобразованій. Они хранятъ въ себѣ всю возможность будущаго. Въ томъ обществѣ, гдѣ не было бы ихъ, прекратился бы разомъ всякій историческій прогрессъ. Дальнѣйшая жизнь такого общества ничѣмъ не отличалась бы въ нравственномъ отношеніи отъ жизни другихъ общественныхъ животныхъ.

Но эти энергическіе дѣятели заключаютъ лишь возможность прогресса. Его осуществленіе никогда не принадлежитъ и не можетъ принадлежать имъ по очень простой причинѣ: каждый изъ нихъ, принявшійся за осуществленіе прогресса, умеръ бы съ голода или пожертвовалъ бы своимъ человѣческимъ достоинствомъ, исчезнувъ, въ обоихъ случаяхъ, изъ ряда прогрессивныхъ дѣятелей. Осуществленіе прогресса принадлежитъ лицамъ, которыя избавлены отъ самой гнетущей заботы о насущномъ хлѣбѣ, но изъ этихъ послѣднихъ всякій, критически мыслящій, можетъ осуществлять прогрессъ въ человѣчествѣ.

Да, всякій. Не говорите, пожалуйста, о недостаткѣ таланта и знанія. Для этого не нужно ни особеннаго таланта, ни обширнаго знанія. Если вашего таланта и знанія хватило на то, чтобы критически отнестись къ существующему, сознать потребность прогресса, то вашего таланта и знанія достаточно, чтобы эту критику, это знаніе воплотить въ жизнь. Только не упускайте ни одного случая, гдѣ жизнь представляетъ дѣйствительно для этого возможность. Положимъ, ваша дѣятельность мелочна; но изъ неизмѣримо малыхъ частицъ состоитъ все вещество; изъ безконечно малыхъ толчковъ состоятъ ...

самыя громадная сила. Количество пользы, полученной отъ вашей дѣятельности, ни вы и никто другой оцѣнить не въ состояніи; оно зависитъ отъ тысячи различныхъ обстоятельствъ, отъ многочисленныхъ совпаденій, предвидѣть которыя невозможно. Прекраснѣйшія намѣренія приводятъ къ отвратительнымъ результатамъ, какъ мало важное, съ перваго взгляда, дѣйствіе разростается въ неисчислимыя послѣдствія. Но мы можемъ, съ нѣкоторою вѣроятностію ожидать, что, придавая цѣлому ряду дѣйствій одно и тоже направленіе, мы получимъ лишь немногіе результаты, прямо противуположные данному направленію, а хотя нѣкоторыя дѣйствія совпадутъ съ удобными условіями для того, чтобы оказались замѣтные результаты въ этомъ самомъ направленіи. Можетъ быть мы не увидимъ этихъ результатовъ, но они непремѣнно __будутъ__, если мы сдѣлали все отъ насъ зависящее. Землевладѣлецъ, выработавшій почву и посѣявшій сѣмена, знаетъ, что многія сѣмена погибнутъ, что онъ никогда не оградитъ ниву отъ потравы, отъ неурожая, отъ ночного хищника, но и послѣ неурожая онъ несетъ на поле снова горсть сѣмянъ, ожидая будущей жатвы. Если

каждый человѣкъ, критически мыслящій, будетъ постоянно активно стремиться къ лучшему, то какъ бы ни былъ ничтоженъ кругъ его дѣятельности, какъ бы ни была мелка сфера его жизни, онъ будетъ вліятельнымъ двигателемъ прогресса и оплатитъ свою долю той страшной цѣны, которую стоило его развитіе. Но точно ли есть мелочныя и важныя сферы дѣятельности? Въ какихъ это сферахъ люди имѣютъ монополію на право прогрессивности? Ужъ не литераторы ли? не художники ли? не ученые ли? Посмотрите на этого литератора-прогрессиста, который такъ великолѣпно пишетъ о благѣ общества и еще лучше эксплуатируетъ своихъ братій, или въ своемъ лицѣ дѣлаетъ идеи, которымъ, повидимому, служитъ, посмѣшищемъ для противниковъ. А я еще не говорю о разныхъ „странныхъ сонмищахъ“, для которыхъ литература есть орудіе самаго отвратительнаго приниженія мысли, приниженія человѣческаго достоинства, орудіе застоя и общественнаго развращенія.
Посмотрите на этого художника-прогрессиста, воспѣвающаго свободу слова, хотя онъ вовсе не прочь угодливо

ваше въ организацiи, стѣсняющей слово,
и внѣ своей студiи никогда не подумав-
шаго, чѣмъ отличается жверное дѣло отъ
хорошаго. А я не упоминаю о всѣхъ бу-
– [illegible], – которые, по скро-
мной оцѣнкѣ стихотворнаго, музыкаль-
наго, живописнаго, скульптурнаго, архи-
тектурнаго творчества, только и сидѣ-
ли, что къ пенсiямъ, орденамъ, высо-
кимъ чинамъ и огромнымъ домамъ.
Посмотрите на этого прогрессивнаго
профессора, который готовъ изъ своей
эрудицiи, смотря по обстоятельст-
вамъ, дѣлать арсеналъ для какого угод-
но направленiя. А еще сколько бездушныхъ
аргументирующихъ и экспериментиру-
ющихъ и экспериментирующихъ человѣ-
ческихъ приборовъ, которые, слѣдя всю
жизнь за процессами химическаго замѣ-
щенiя и разложенiя, за разрастанiемъ
клѣточекъ и сокращенiемъ мышцъ, за
склоненiями и спряженiями греческихъ
тирановъ, за переборомъ звуковъ въ сан-
скритѣ и зендѣ, за отличенiями приз-
наками утвари временъ Александра
Невскаго и Ивана Грознаго, – никогда
не подумали, что ихъ умъ и знанiе
есть сила, оплаченная страданiями
поколѣнiй, – сила, за которую надо уже 44

заплатить и мнѣ; что эта сила налагаетъ на нихъ обязанность и что аргументированіе и экспериментированіе могутъ низвести человѣка на одинъ уровень съ наукою точно также, какъ могутъ довести ученаго на высшую точку человѣческаго достоинства, доступную въ его время.

Ни литература, ни искусство, ни наука не спасаютъ отъ безнравственнаго индифферентизма. Они не заключаютъ и не обусловливаютъ сами по себѣ прогресса. Они доставляютъ лишь для него орудія. Они накопляютъ для него силы. Но лишь тотъ литераторъ, художникъ или ученый дѣйствительно служитъ прогрессу, который сдѣлалъ все, что могъ для приложенія силъ, имъ пріобрѣтенныхъ, къ распространенію и укрѣпленію цивилизаціи своего времени; кто боролся со зломъ, воплощая свои художественные идеалы, научныя истины, философскія идеи, публицистическія стремленія въ произведенія, живущія полною жизнію его времени, и въ дѣйствія, строго соотвѣтственныя количеству его силъ. Кто же сдѣлалъ меньше; кто изъ-за личнаго разсчета остановился на полдорогѣ; тотъ

изъ-за красивой головки вакханки, изъ-за интересныхъ наблюденій надъ инфузоріями, изъ-за самолюбиваго спора съ литературнымъ соперникомъ – забылъ объ огромномъ количествѣ зла и невѣжества, противъ котораго слѣдуетъ бороться, тотъ можетъ быть чѣмъ угодно: изящнымъ художникомъ, замѣчательнымъ ученымъ, блестящимъ публицистомъ, но онъ самъ себя вычеркнулъ изъ ряда сознательныхъ дѣятелей историческаго прогресса. По нравственному значенію, какъ человѣкъ, онъ стоитъ ниже бездарнаго писаки, всю жизнь неутомимо твердящаго своимъ же бездарнымъ читателямъ старыя истины о борьбѣ со зломъ и невѣжествомъ; ниже недознайки-учителя, съ жаромъ вколачивающаго популярныя знанія въ умы неразвитыхъ мальчиковъ. Эти сдѣлали все, что умѣли, что могли, съ нихъ и требовать больше нечего. Если изъ сотенъ читателей одинъ, два найдутся поталантливѣе, повпечатлительнѣе и примѣнятъ въ жизни тѣ истины, которыя они узнали отъ писаки, то прогрессъ былъ. Если жаръ учителя зажегъ хотя въ небольшомъ числѣ учениковъ жажду поразмыслить, поработать самому, жажду знанія и труда, то прогрессъ опять былъ. Я уже не говорю, какъ неизмѣримо ниже, – при всей ихъ художественной талантливости, – при всей ихъ учености,

при всей ихъ публицистической дѣятельно сти, – стоятъ упомянутые господа, сравнительно съ ними, совершенно незначительными дѣятелями прогресса, о которыхъ сказано выше, и которые хранятъ въ себѣ всю возможность прогресса для будущаго.

Мнѣ скажутъ, что я несправедливъ въ отношеніи какъ къ искусству, такъ и къ наукѣ. Прекрасное произведеніе, даже не осмысленное художникомъ, есть все-таки увеличеніе развивающагося капитала человѣчества; не говоря о другомъ дѣйствіи искусства, [illegible] прекраснаго человѣка вообще, переводитъ изъ міра пошлости въ область истины и справедливости. Оно возбуждаетъ вниманіе, увеличиваетъ впечатлительность и, слѣдовательно, есть уже, само по себѣ, орудіе прогресса независимо отъ смысла, одушевлявшей художника. Точно также, всякій новый фактъ знанія, какъ бы онъ ни былъ мелокъ и ничтоженъ для современныхъ жизненныхъ вопросовъ, есть увеличеніе капитала человѣческой мысли. Лишь классифицируя и изучая всѣ существа природы, какъ они суть на самомъ дѣлѣ, человѣкъ получаетъ возможность классифицировать и изучать ихъ по отношенію къ человѣческому благу, по ихъ полезности и вредности для [illegible]ства. Сегодня энтомологъ по

радуется, что въ его коллекціи прибавилось два-три незамѣченныхъ жучка, а черезъ нѣсколько времени, посмотришь, изученіе одного изъ этихъ жучковъ даетъ технику новое средство для удешевленія послѣдняго продукта, слѣдовательно, для увеличенія удобствъ жизни большинства. А за тѣмъ, другой изъ этихъ жучковъ сталъ исходной точкой розысканій ученаго о законахъ развитія живаго формъ, — законахъ, охватывающихъ человѣчество въ его неизслѣдованномъ прошедшемъ, позволяющихъ человѣку трезвѣе смотрѣть въ далекое будущее и уясняющихъ для него отличія <u>необходимаго</u> <u>зоологическаго</u> элемента въ процессѣ исторіи отъ возможнаго элемента человѣческаго прогресса. Сегодня лингвистъ съ восторгомъ отмѣтилъ особенности спряженія глаголовъ древняго языка; завтра эта особенность связала нѣсколько языковъ, до тѣхъ поръ разрозненныхъ; послѣ завтра эта связь уяснила рядъ мифовъ доисторическаго періода; и, тамъ, смотришь, оказалась возможность прослѣдить вліяніе этихъ мифовъ на современность, понятнѣе сталъ меньшинству строй мыслей большинства и, слѣдовательно, стало удобнѣе найти средства для развивающей прогрессивной дѣятельности. Искусство и наука въ ихъ произведеніяхъ суть орудія

прогресса, независимо отъ настроенія и стремленія художника и ученаго, даже противъ ихъ желанія. Лишь бы произведеніе искусства было въ самомъ дѣлѣ художественно, лишь бы открытіе ученаго было въ самомъ дѣлѣ научно, — оно уже принадлежитъ прогрессу.

Я и не думаю говорить, что искусство и наука не суть орудія прогресса, что художественное произведеніе и научное открытіе, какъ <u>факты</u>, не служатъ прогрессу. Но безспорно, и элементы, образующіеся въ почвѣ, и шелкъ, вырабатываемый шелковичнымъ червемъ, суть тоже <u>орудія</u> прогресса, факты для него. Художникъ, имѣющій въ виду только искусство и никогда не подумавшій о человѣчномъ его вліяніи, можетъ представлять огромную эстетическую силу. Его произведеніе прекрасно; его вліяніе можетъ быть огромно и даже весьма полезно. Но его сила, по нравственному достоинству, не выше той, конечно, громадной силы, которая разбросала по землѣ [illegible] сельди, заключила въ болота и озера желѣзо, а относительно пользы элементовъ для человѣческой цивилизаціи никто спорить не станетъ. Эстетическая сила, сама по себѣ, сила безнравственная. Нравственною, цивилизаціонною, прогрессивною силою она становится, независимо отъ художника, лишь въ [illegible] того, кто, вдохновившись

прекраснымъ произведенiемъ, подвинуся на благо; въ томъ, кто сдѣлался лучше, впечатлительнѣе, развитѣе, энергичнѣе, дѣятельнѣе подъ влiянiемъ впечатлѣнiя, полученнаго отъ произведенiя художника; какъ элементъ сдѣлался цивилизацiонною силою лишь въ мозгу того, кто придумалъ изъ него первое полезное орудiе. Художникъ, какъ художникъ, стоитъ въ уровень со всякимъ могучимъ физическимъ или органическимъ процессомъ, не имѣющимъ никакого человѣчнаго значенiя. И звукъ, и кровообращенiе могутъ быть источникомъ мысли, желанiя добра, рѣшимости на дѣло, но они не суть, ни мысль, ни добро, ни рѣшимость. Чтобы художникъ <u>самъ</u> былъ цивилизацiонною силою, для этого онъ долженъ <u>самъ</u> вложить въ свои произведенiя человѣчность; онъ долженъ выработывать въ себѣ источникъ прогресса и рѣшимость его осуществить; долженъ приступать къ работѣ проникнутый прогрессивною мыслiю и тогда, въ процессѣ творчества, не насилуя себя, онъ будетъ сознательнымъ историческимъ дѣятелемъ, потому что сквозь прелесть дуемой имъ идеалъ красоты будетъ и для него всегда стоять требованiе истины и справедливости. Онъ не забудетъ о борьбѣ противъ зла, которая обязательна для

каждаго, а для него тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе естественной силы въ немъ заключается. То же можно сказать объ ученомъ. Накопленіе знаній, само по себѣ, нисколько не имѣетъ болѣе высокаго нравственнаго значенія, какъ накопленіе воска въ ульѣ. Но воскъ становится орудіемъ цивилизаціи въ рукахъ пчеловода, въ рукахъ техника. Они очень благодарны пчеламъ, очень цѣнятъ ихъ и сознаютъ, что безъ пчелъ воска бы не было. Но все таки пчелы не люди; нравственными дѣятелями цивилизаціи пчелъ называть нельзя и выдѣленіе ими воска по внутренней потребности, есть лишь матеріалъ прогресса. Энтомологъ, собирающій жуковъ, и минералогъ, отыскивающій сраженія, если они это дѣлаютъ только изъ внутренняго удовольствія созерцать коллекцію жуковъ, или знать, что что-то слагается такъ-то, нисколько не ниже, да и не выше пчелы, выдѣляющей свой комочекъ воска. Если этотъ комочекъ попадетъ въ руки техника, который обратитъ его въ восковой пластырь, или въ руки химика, который откроетъ на немъ новый обобщающій законъ, комочекъ будетъ матеріаломъ цивилизаціи; если онъ безполезно растаетъ на солнцѣ, то работа пчелы пропала даромъ для прогресса. Но въ обоихъ случаяхъ

чела ни причемъ: она удовлетворила своей потребности, переработала пищу въ комочекъ воска, внесла этотъ комочекъ въ свою постройку, какъ слѣдуетъ животному, и потомъ полетѣла за новою пищею. Подобно тому и фактъ знанія становится орудіемъ цивилизаціи лишь двумя путями. Во-первыхъ въ мозгу того, кто его употребитъ въ техникѣ или въ обобщенной мысли; во-вторыхъ въ мозгу того самаго, кто вырабатываетъ фактъ науки, но не изъ удовольствія созерцать его, какъ новый комочекъ воска, а съ заранѣе обдуманною цѣлью, какъ матеріалъ, имѣющій въ виду опредѣленное техническое примѣненіе, или опредѣленное научное и философское обобщеніе. Наука и искусство суть могущественныя орудія прогресса, но я уже сказалъ въ началѣ этого письма, что прогрессъ осуществляется лишь въ личностяхъ; лишь личности могутъ быть его двигателями; а въ этомъ отношеніи художникъ и ученый, какъ личности, могутъ не только не быть могучими двигателями прогресса, но могутъ совершенно стать внѣ прогрессивнаго движенія, несмотря на свой талантъ и знаніе, наравнѣ съ безсознательнымъ металломъ или съ животнымъ, отъ котораго никто нравственности и не требуетъ. Другіе, *настоящіе*, люди, можетъ быть менѣе талантливые и менѣе ученые, могутъ при

дать человѣчное значеніе матеріалу, накопленному великими художниками и великими тружениками, но они придадутъ человѣчное значеніе этимъ трудамъ своимъ пониманіемъ. Они внесутъ эти труды въ прогрессъ исторіи.

Я нарочно остановился на наукѣ и искусствѣ, какъ на самыхъ могучихъ элементахъ цивилизаціи, чтобы указать, что и эти сферы, сами по себѣ, не составляютъ прогрессивнаго процесса; что ни талантъ, ни знаніе не дѣлаютъ еще, сами по себѣ человѣка двигателемъ прогресса; что съ меньшимъ талантомъ и знаніемъ, въ этомъ отношеніи, можно сдѣлать болѣе, если сдѣлать все что можешь. Да, повторяю, всякій человѣкъ, критически мыслящій и рѣшающійся воплотить свою мысль въ жизнь, можетъ быть дѣятелемъ прогресса.

Письмо шестое.
Культура и мысль.

Положимъ, что личность, критически мыслящая, сознала себя какъ возможнаго и обязательнаго дѣятеля для прогресса человѣчества. Спрашивается, какъ она обязана поступать, во имя этого сознанія, чтобы сдѣлаться дѣй-

ственнымъ органомъ прогресса?
Конечно, прежде всего она должна отнестись критически къ себѣ; къ своему знанію, къ своимъ силамъ. Поприще, на которомъ ей не достаетъ знанія, надо изучить или оставить въ сторонѣ. Дѣло, для котораго у нея недостаетъ силъ, лучше не трогать, пока, не наберешь достаточно силъ для его совершенія. Не то что бы цѣлая сфера дѣятельности была, таким образомъ, закрыта для кого нибудь, но надо, — чтобы человѣкъ, обращаясь къ этой сферѣ, ясно поставилъ и рѣшилъ вопросъ: что именно могу я сдѣлать въ этой сферѣ съ моими знаніями и при моихъ силахъ? Только рѣшивъ этотъ вопросъ, можно разумно ставить себѣ и жизненную задачу. Но, приступая къ ней, личность имѣетъ предъ собою нѣсколько ученій, какъ будто противуположныхъ между собою и читатель, знакомый съ извѣстнымъ взглядомъ Милля на индивидуализмъ и общественность, можетъ быть, видя большое значеніе придаваемое мною личности въ исторіи, заподозрѣлъ автора этихъ писемъ въ склонности къ индивидуализму въ томъ именно смыслѣ этого слова, который приданъ ему знаменитымъ французскимъ соціалистомъ. Я не долго остановлюсь на этомъ вопросѣ, потому что считаю его болѣе вопросомъ

о словахъ, чѣмъ о дѣлѣ.

Индивидуализмъ, какъ его понимаетъ Луи Бланъ, былъ стремленіемъ *подчинить* общее благо личнымъ, эгоистическимъ интересамъ единицъ, также какъ общественность, съ ее точки зрѣнія, склоняется къ *поглощенію* личности, въ ея особенности, интересами общества. Но личность лишь тогда подчиняетъ интересы общества своимъ собственнымъ интересамъ, когда смотритъ на общество и на себя, какъ на два начала, *одинаково реальныя*, и соперничествующія въ своихъ интересахъ. Точно также, поглощеніе личности обществомъ можетъ имѣть мѣсто лишь при представленіи, что общество можетъ достигать своихъ цѣлей не въ личностяхъ, а въ чемъ то *иномъ*. Но и то и другое - призракъ. Общество внѣ личностей не заключаетъ ничего реальнаго. Ясно понятые интересы личности требуютъ, чтобы она стремилась къ осуществленію общихъ интересовъ; общественныя цѣли могутъ быть достигнуты исключительно въ личностяхъ. По этому истинная общественная теорія требуетъ, *не подчиненія* общественнаго элемента личному, и не *поглощенія* личности обществомъ, а *слитія* общественныхъ и частныхъ интересовъ. Личность должна

развить пониманіе въ себѣ общественныхъ инте-
ресовъ, которые суть и ея интересы; она должна
направить свою дѣятельность на внесеніе истины
и справедливости въ общественныя формы, по-
тому что это есть не какое-либо отвлечен-
ное стремленіе, а самый близкій эгоистичес-
кій ея интересъ. Индивидуализмъ на этой
ступени становится осуществленіемъ обща-
го блага помощью личныхъ стремленій, но об-
щее благо и не можетъ иначе осуществиться.
Общественность становится реализиро-
ваніемъ личныхъ цѣлей въ общественной
жизни, но онѣ и не могутъ быть реализи-
рованы въ какой-либо другой средѣ.
И такъ жизненная задача личности, если
это критически мыслящая личность, не
противуполагаетъ ея интересовъ интере-
самъ общества. Но, пожалуй, можно поду-
мать, что эти двѣ половины условій про-
гресса могутъ быть выполнены каждая от-
дѣльно. Развитіе личности и воплощеніе
его въ общественныя формы истины и спра-
ведливости могутъ быть обособлены мыс-
ленно, и возникаетъ задача, которую различ-
ные мыслители рѣшали различно. Воз-
никаютъ вопросы: Долженъ ли человѣкъ
преимущественно работать надъ собою, ста-
вя свою личное цѣлью совершенство, незави-
симо отъ общественныхъ формъ, его окру-
жающихъ и участвуя въ общественной

жизни лишь на столько, на сколько ея формы вполнѣ соотвѣтствуютъ его требованiямъ:
Или онъ долженъ направить свою дѣятельность преимущественно на выработку изъ данныхъ общественныхъ формъ возможно лучшихъ результатовъ для настоящаго и будущаго, хотя бы формы, въ которыхъ ему приходится дѣйствовать, были крайне неудовлетворительны, дѣятельность его весьма незначительна.
Оба рѣшенiя, принятыя въ своей исключительности, приводятъ къ искаженiю личности и ея дѣятельности. Создавая свои нравственные идеалы, личность никогда не съумѣетъ взять въ соображенiе всѣхъ историческихъ условiй жизни общества въ его цѣлости и въ его разнообразiи; по этому идеалы личности всегда будутъ и должны быть далеко выше исторической дѣйствительности; слѣдовательно личность имѣла бы въ большей части случаевъ поводъ удалиться отъ общественной дѣятельности. Чѣмъ она развитѣе и совершеннѣе, тѣмъ скорѣе ей пришлось бы это сдѣлать и смотрѣть сложа руки, съ безпослѣдною иронiею, какъ дѣла-бы шли своимъ порядкомъ, т.е. какъ-бы ихъ направляли личности съ болѣе слабымъ нравственнымъ развитiемъ. Такое самосовершенствованiе вызвалось-бы общественному индифферентизму. Впрочемъ, оно было бы

и противуречиво въ самомъ себѣ. Личность, способная пройти индифферентно мимо общественнаго дѣла, когда она могла, хотя бы частью, помочь ему, неспособна развить въ себѣ ничего болѣе, кромѣ кажущейся силы мысли - схоластическаго и вполнѣ безполезнаго набора громкихъ правилъ, или мистическаго самовозвышенія въ отчужденіи отъ всего реальнаго. Къ тому же, если среда, въ которой живетъ разсматриваемая личность, дозволила развиться ей до критическаго отношенія ко всему окружающему, то среда эта еще не безусловно дурна; въ ней можетъ развиться и другой и третій, лишь бы имъ представились тѣ же условія, т. е. только бы въ этой средѣ устранить наиболѣе стѣснительныя, удушающія формы. Лучше въ ней возможно и если личность не видитъ этого, значитъ она не достаточно развила сама себя, а только кажется себѣ развитою.

Но вполнѣ приноравливаясь къ даннымъ общественнымъ формамъ, легко незамѣтно перейти къ полному подчиненію себя этимъ формамъ. Довольствуясь все меньшимъ и меньшимъ результатомъ своей дѣятельности, можно наконецъ удовольствоваться и отсутствіемъ всякаго результата. Тогда общественный дѣятель сходитъ на весьма незавидную ступень бѣлки, бѣгающей въ колесѣ, или фризуна произносящаго пламенную рѣчь въ пу[illegible]

комнатѣ. Откинувъ въ сторону требованіе личнаго достоинства, состоящаго въ томъ, чтобы въ своей дѣятельности не спускаться ниже даннаго уровня, — личность не только отказывается отъ самосовершенствованія; она отказыв. и отъ способности оцѣнить, приноситъ ли она обществу пользу или вредъ, служитъ ли она въ немъ какъ производитель, или какъ паразитъ. Оба высказанныя выше требованія нераздѣльно связаны одно съ другимъ. Личность не способна иначе развиваться всесторонне, какъ на критикѣ реальнаго. Критика реальнаго міра, природы, указываетъ человѣку безусловные предѣлы собственной и чужой дѣятельности, неизбѣжные законы, противъ которыхъ вооружаться нелѣпо. Критика реальнаго прошлаго, исторіи, позволяетъ ему оцѣнить неизбѣжную почву, на которой онъ стоитъ вмѣстѣ со всеми другими современниками, почву, допускающую переработку, но при условіи: взять самую почву въ соображеніе такою, *какова она есть*. Критика реальнаго общества научаетъ человѣка отличать людей съ самостоятельнымъ стремленіемъ къ прогрессу, отъ людей живущихъ чужою мыслью и отъ сторонниковъ реакціи, научаетъ отличать главное зло отъ второстепеннаго, сегодняшній вопросъ отъ вопроса, который можно оставить до завтра. Критика реальнаго *я* позволяетъ человѣку взвѣсить свои силы и опредѣлить свою дѣятель

ность, безъ-самоуниженія и безъ высокомѣрія.
Но всѣ эти формы критики суть ни что иное, какъ развитіе собственной личности; въ то же время, онѣ не возможны или призрачны если личность не принимаетъ самаго живаго участія въ общественныхъ вопросахъ и страданіяхъ, если ея критика не есть лишь предверіе къ полезной дѣятельности.
Съ другой стороны, общественная дѣятельность мѣряетъ человѣческій смыслъ лишь при само-развитіи, при постоянной повѣркѣ самого себя, своихъ-силъ, своихъ знаній, своихъ убѣжденій, своего умѣнья и своей рѣшимости отстаивать эти убѣжденія. На дѣятельности упражняются и растутъ силы; опытъ жизни и ея задачи - увеличиваютъ знанія; въ борьбѣ крѣпнетъ убѣжденіе и способность его отстаивать. Сознаніе своего участія въ общественномъ дѣлѣ есть уже начало возвышающее, вызывающее развитіе. Какъ личность можетъ нормально развиться только во взаимодѣйствіи съ общественною жизнію, такъ полезная общественная дѣятельность можетъ мѣрить смысло лишь при саморазвитіи личностей въ ней участвующихъ.
Это самое устанавливаетъ предѣлъ за который личность не роняя своего достоинства не можетъ перейти въ своемъ участіи въ общественной жизни. Тамъ, гдѣ есть еще ~~возмож~~ ность оживленія, поднятія уровня обществен

ныхъ интересовъ, — тамъ, гдѣ есть еще надежда
внести человѣчность въ механизмъ жизни, раз
будить смыслъ, укрѣпить убѣжденіе, возбудить
ненависть и отвращеніе къ обыденности жизни, —
тамъ личность можетъ и обязана стать въ
ряды дѣятелей общественнаго прогресса. Но
если она сознала что около нея пошлость сле
ла жизнь, которую одинокая личность про
рвать не въ силахъ; если человѣку необходимо
содѣйствіе другихъ для дѣла, а эти другіе
живутъ паразитами на тѣлѣ общества,
нисколько не думая объ его требованіяхъ; ес
ли чинопочитаніе, формальность и низкопок
лонничество задавили въ чиновничествѣ вся
кую мысль о государственной пользѣ; если
на ученьяхъ и парадахъ, изъ-за вѣрнаго тем
па и ровнаго фронта, военный совсѣмъ забылъ
что онъ человѣкъ и гражданинъ; если обще
ственное собраніе глухо ко всему, внѣ личной
вражды, личныхъ связей и сословныхъ ин
тересовъ; если зло растетъ въ обществѣ, а
трусость и подлость закрываютъ передъ
нимъ глаза и рабски аплодируютъ ему, — тог
да разумному, сознательному, но безсильно
му дѣятелю остается отойти отъ это
го омута въ сторону — когда можетъ. Его
силы недостаточны, чтобы остановить
общественное зло даже въ малѣйшей его
долѣ; онъ по крайней мѣрѣ не приложитъ
рукъ къ продолженію и усиленію зла. Среди

общественнаго отупенія, онъ присоединится къ тѣмъ незамѣтнымъ хранителямъ традицій прогресса, о которыхъ я говорилъ въ предыдущемъ письмѣ. Можетъ быть придетъ минута, когда его участіе въ общественной жизни будетъ возможно. Если же она не придетъ, то онъ передастъ другому поколѣнію традицію истины и справедливости, которая для него осталась лишь въ области сознанія, которую воплотить въ жизнь онъ не смогъ или не умѣлъ. Въ этомъ случаѣ, уже и то составляетъ нѣкоторую заслугу, что онъ не преклонился предъ всеобщимъ зломъ, не сдѣлался его орудіемъ. Другой, съ лучшимъ пониманіемъ, съ большею энергіею, съ большими силами, съумѣлъ бы, можетъ быть, и тутъ быть положительнымъ дѣятелемъ, съумѣлъ бы бороться и, если не побѣдить, то дать показать другимъ примѣръ борьбы. Не у всѣхъ равная сила. Развившись въ данную эпоху, при данныхъ условіяхъ, иногда и тѣ люди составляютъ исключеніе, которые умѣютъ <u>устраниться</u> отъ общаго зла, отнестись къ нему критически и выгородиться изъ него въ своей частной жизни.

Но какъ только возможность участвовать явилась, какъ только есть элементы борьбы и жизни въ обществѣ, устранить себя отъ этой борьбы не имѣетъ права человѣкъ развитой. Какъ ни противно среди грязныхъ

мужъ отыскивать і рогу, ея отыскивать все таки надо. Какъ ни утомительно толкаться между сотнями полу-людей чтобы найти въ сотнѣ одного-двухъ доступныхъ пробужденію къ жизни, искать все-таки приходится. Можно напередъ предвидѣть, что неудачъ будетъ много. Даже и тѣ люди, которые кажутся доступными свѣжей мысли, въ большинствѣ случаевъ поддадутся трусости или мелочнымъ побужденіямъ, побѣгутъ за жирной подачкой, или пожертвуютъ дѣломъ изъ-за громкаго слова. Многіе отстанутъ, многіе разбѣгутся; еще большее число оставитъ знамя изъ за мелкихъ ссоръ, иногда въ самомъ пылу боя. Самые шансы борьбы будутъ измѣняться, и когда, по видимому, ряды защитниковъ прогресса будутъ всего гуще и неодолимѣе, можетъ оказаться вдругъ, что это призракъ. что достаточно раздавить двухъ трехъ передовыхъ дѣятелей, чтобы псевдорыцари прогресса попрятались по угламъ, измѣнили знамени или отреклись отъ него. Все это конечно, очень противно и возмутительно, но еслибы борцамъ прогресса приходилось только торжествовать, ихъ дѣло было бы черезчуръ легко. Все таки для успѣха борьба необходимо дѣйствовать въ той средѣ, которая дана каждому историческимъ процессомъ въ настоящемъ. Вооружаться при

ходится тѣмъ орудіемъ, которое удобнѣе именно въ <u>этой</u> средѣ и для <u>того</u> именно сорта битвы, которой предстоитъ въ настоящемъ. Отойти въ сторону имѣетъ право лишь тотъ, кто сознаетъ себя безсильнымъ. Тотъ же, кто чувствуетъ или воображаетъ что у него есть силы, — не имѣетъ права нравственнаго тратить ихъ на мелкій, частный кругъ дѣятельности, когда есть какая либо возможность расширить этотъ кругъ. Развитой человѣкъ, по мѣрѣ расширенія своего развитія, долженъ оплатить и болѣе значительную цѣну, израсходованную человѣчествомъ на это развитіе; поэтому на немъ лежитъ нравственная обязанность избрать столь широкій кругъ общественной дѣятельности, какой только ему доступенъ.

Отсюда рождается необходимость уяснить себѣ: какіе элементы въ сложномъ строѣ общества представляютъ <u>почву</u> дѣйствія, и какіе — <u>орудія</u> дѣятельности? Гдѣ болѣе или менѣе блестящая, но сама по себѣ мертвая, форма, и гдѣ живая сила?

Потребности обусловливаютъ процессы міра неорганическаго, развитіе растительности, размноженіе животныхъ. Онѣ составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ физіологіи, психологіи человѣка и соціологіи. Онѣ составляютъ и неизбѣжную точку исхода для об

ясненія всякаго историческаго явленія. Потребности суть факты общіе для массъ, но разнообразіе физіологическихъ и психологическихъ особенностей въ особяхъ — вызываетъ вслѣдствіе разнообразіе влеченій, вызываемыхъ потребностями. Эти потребности и влеченія составляютъ самой прочной, если можно такъ выразиться, самый натуралистическій элементъ въ жизни обществъ. Они даютъ тѣ неизмѣнные экономическіе и статистическіе законы, то взаимное опредѣленіе физическихъ условій страны и ея цивилизаціи, которыя лежатъ въ основѣ этой исторіи. Они вызываютъ первую технику, слѣдовательно и первыя знанія; подъ ихъ вліяніемъ происходитъ первое обособленіе людей во имя наслажденія или разсчета. Общественная жизнь, истекающая изъ одного источника, есть уже жизнь _культурная_, и человѣкъ, немыслимый безъ потребностей и влеченій, тѣмъ самымъ немыслимъ безъ какой либо культуры. Наравнѣ съ нѣкоторыми другими своими собратьями изъ міра насѣкомыхъ и позвоночныхъ, онъ принадлежитъ къ животнымъ культурнымъ.

Но уже первая техника и первый разсчетъ пользы представляетъ работу _мысли_, и вотъ культура обществъ разнообразится по мѣрѣ развитія ихъ мысли. Подъ вліяніемъ ея работы, разнообразятся потребности, измѣняются влеченія, и другія

располагаются въ различныя перспективы, какъ влеченія лучшаго и худшаго, какъ потребности высшія и низшія. Является потребность въ истинѣ и справедливости, независимо отъ пользы: создаются начала науки и искусства. Является потребность ставить себѣ жизненные идеалы и воплощать ихъ въ нравственную жизнь. Человѣкъ становится способенъ противодѣйствовать своимъ влеченіямъ, своимъ потребностямъ и предаваться безраздѣльно идеѣ, представленію жизненной цѣли, – иногда призраку; – жертвуя ей всѣмъ и даже не думая подвергнуть ее критикѣ: общество одушевляется религіей. Какъ только работа мысли на почвѣ культуры обусловила общественную жизнь требованіями науки, искусства, нравственности или религіи, то культура перешла въ цивилизацію и человѣческая исторія началась.

Результаты работы мысли одного поколѣнія не остаются для послѣдующаго, слѣдующаго за нимъ, въ сферѣ одной лишь мысли. Они обращаются въ жизненныя привычки, въ общественныя преданія. Для людей, получившихъ ихъ въ этомъ видѣ, ихъ происхожденіе безразлично; самая глубокая мысль, повторяемая привычно, или по преданію, представляетъ для человѣчества не болѣе значенія, какъ привычныя постройки вообра-

и ячеи для бобровъ и пчелъ. Изобрѣтеніе перваго топора, перваго обожженнаго глинянаго горшка было громадною работою мысли, но современное человѣчество употребляетъ топоры и обожженную глину, со столь же малымъ сознаніемъ, какъ птица вьетъ свое гнѣздо. Первые протестанты, чуждаясь пестраго великолѣпія католическихъ храмовъ и собираясь около своего проповѣдника, дѣйствовали подъ вліяніемъ ясно сознанной мысли; нынѣшніе же потомки ихъ большею частью идутъ въ этотъ храмъ, а не въ другой на воскресную проповѣдь потому только, что ихъ отцы и дѣды ходили именно въ подобный храмъ и слушали подобныя же проповѣди, точно такъ какъ аистъ, возвращаясь изъ перелета, садится на ту же крышу, гдѣ сидѣлъ годъ тому назадъ. Даже въ высшей сферѣ человѣческой мысли, повторяется то же явленіе: нынѣшніе преподаватели и нынѣшніе ученики повторяютъ мысль Архимеда о законахъ равновѣсія и рычага, мысль Ньютона о всемірномъ тяготѣніи, мысль Пруста о законѣ химическихъ пропорцій, мысль Адама Смита о законѣ спроса и предложенія; но это совершается гораздо чаще по педагогическому преданію, — что такъ учили, такъ учатъ и такъ слѣдуетъ учить, — чѣмъ вслѣдствіе живой самостоятельной

умственной потребности, неизбѣжно приво
дящей въ данную минуту къ данному вопро
су и вызывающей на этотъ вопросъ именно
такой отвѣтъ, а не другой. Надо пола=
гать что и бобры валятъ и обдираютъ
деревья, сплавляютъ ихъ и возводятъ свои
постройки, вслѣдствіе подобнаго же педаго
гическаго и техническаго преданія. Вообще
часть цивилизаціи отцовъ, въ формѣ при
вычекъ и преданій, составляетъ ничто ино
е, какъ культурный элементъ въ жизни
потомковъ, и надъ этою культурою вто
рой формаціи должна критически рабо
тать мысль новаго поколѣнія, чтобы об
щество не предалось застою, чтобы, въ чи
слѣ унаслѣдованныхъ привычекъ и преданій,
оно разглядѣло тѣ, которыя представля
ютъ возможность дальнѣйшей работы
мысли на пути истины, красоты и
справедливости, отбросило остальное,
какъ отжившее, и создало новую цивили
зацію, какъ новый строй культуры, о
живленной работою мысли. И въ каж=
домъ поколѣніи человѣческомъ повторяет
ся тоже. Оно получаетъ отъ природы и
исторіи совокупность потребностей и
влеченій, которыя въ значительной сте
пени обусловливаются культурными при
вычками и преданіями. Оно удовлетво
ряетъ этимъ потребностямъ и влече

ніямъ — обиходомъ жизни и унаслѣдованными общественными учрежденіями, ремесленнымъ искусствомъ и рутинною техникою. Все это составляетъ его культуру, или зоологическій элементъ въ жизни человѣчества. Но въ числѣ унаслѣдованныхъ привычекъ всякой цивилизаціи заключается привычка критики и она-то вызываетъ человѣчный элементъ исторіи, работу мысли. Критика науки вноситъ въ міросозерцаніе болѣе истины; критика нравственности расширяетъ въ жизни приложеніе науки и справедливости; критика искусства вызываетъ болѣе полное усвоеніе истины и справедливости; придаетъ жизни болѣе стройности, культурѣ — болѣе человѣчнаго изящества. Насколько въ обществѣ преобладаютъ культурныя начала и подавляется работа мысли, настолько оно приближается къ строю муравьевъ и пчелъ, какъ бы высше ни была блестяща его культура; это не болѣе, какъ разница въ степени, въ формѣ потребностей и влеченій. На сколько въ обществѣ сильна работа мысли, критическое отношеніе къ своей культурѣ, насколько общество человѣчнѣе и болѣе освобождается отъ низшаго животнаго міра, даже если и борьба, вызываемая работою мысли, критикою существующаго, имѣла слѣдствіемъ въ частности грустная картина и

отнимала у общества спокойствіе и поря-
докъ: весьма часто, оно временнымъ волне-
ніемъ и безпорядкомъ, способно купить лучше-
е обезпеченіе спокойствія и порядка для боль-
шинства въ будущемъ. Когда Тразивулъ съ
афинскими изгнанниками явился въ Афины
возмущать отечество противъ олигархіи
тридцати тирановъ, онъ, конечно, произвелъ
волненіе и безпорядокъ. Когда гуманисты
XV-го вѣка и реалисты XVIII-го повели войну
противъ схоластики, они произвели чрезвы-
чайное волненіе въ школахъ и страшный без-
порядокъ въ умахъ. Когда англійскія коло-
ніи Сѣверной Америки отложились отъ
метрополіи, это былъ явный анархизмъ. Ко-
гда Гарибальди со своею тысячею присталъ
къ берегамъ Сициліи, тутъ не было слѣда ува-
женія къ порядку. Когда Дарвинъ низвер-
нулъ кумиръ неизмѣннаго вида, онъ спуталъ
ботаническія и зоологическія классифика-
ціи и разрушилъ основы ихъ. Но за свободу
Афинъ, за новую европейскую науку, за поли-
тическій идеалъ Сѣверо-Американской респу-
блики, за низверженіе неаполитанскихъ бур-
боновъ, за величественное обобщеніе разви-
тія органическаго міра — стоило заплатить
нѣкоторымъ безпорядкомъ и волненіемъ.
Культура общества есть среда, данная ис-
торіею для работы мысли и обусловли-
вающая возможное для этой работы въ

данную эпоху съ такою же неизбѣжностью, съ какою во всякое время ставитъ предѣлы этой работѣ неизмѣнный законъ природы. Мысль есть единственный дѣятель, сообщающій *человѣчное* достоинство общественной культурѣ. Исторія мысли, обусловленной культурою, въ связи съ исторіею культуры, измѣняющейся подъ вліяніемъ мысли, вотъ вся исторія цивилизаціи. Въ разумную исторію человѣчества могутъ войти лишь событія, уясняющія исторію культуры и мысли въ ихъ взаимодѣйствіи.

Потребности и влеченія даются природой; мысли порождаются культурой и вызываютъ общественныя формы. Внести въ эти общественныя формы истину и справедливость — дѣло мысли. Что въ общественныя формы вложила *природа*, — то мысль измѣнить не можетъ и должна только принять къ свѣдѣнію. Мысль не можетъ отнять у человѣка потребность въ пищѣ и въ воздухѣ, не можетъ уничтожить полового влеченія, не можетъ сдѣлать, чтобы рядомъ со взрослыми не существовали малолѣтніе, не можетъ измѣнить процесса своего распространенія такъ, чтобы личность не являлась неизбѣжнымъ ея органомъ. Но все внесенное въ общественныя формы *культурою* — подлежитъ критикѣ мысли. Культура должна быть взята въ соображеніе при работѣ

мысли, какъ исторически-данная среда, но не какъ неизмѣнный законъ. Если сравнимъ культуру разныхъ эпохъ, то легко замѣтимъ, насколько самые основные элементы культуры подлежатъ измѣнчивости. Тѣмъ не менѣе для личностей, жившихъ въ эпоху господства данной культуры, эта культура представляла среду, въ которой приходилось дѣйствовать всякой личности, не имѣя возможности сдѣлать среду своей дѣятельности иною. Естественныя потребности и влеченія, подъ вліяніемъ критической мысли, должны выработать себѣ общественныя формы, заключающія наибольшее количество истины и справедливости, допускаемое даннымъ состояніемъ культуры.

Итакъ передъ нами опредѣленная задача прогресса: <u>культура</u> должна быть переработана <u>мыслью</u>. Передъ нами также опредѣленный, единственный реальный дѣятель прогресса: <u>личность</u>, опредѣляющая свои силы и цѣль ей доступное. Мысль реальна лишь въ личности. Культура реальна въ общественныхъ формахъ. Слѣдовательно <u>личность</u> остается со своими силами и со своими требованіями лицомъ къ лицу съ <u>общественными</u> <u>формами</u>.

Письмо седьмое.

Личность и общественныя формы.

Положимъ, что личность рѣшила важнѣйшій

изъ самыхъ жизненныхъ вопросовъ: она вызвала свои силы и опредѣлила себѣ дѣло.

Передъ нею различныя общественныя формы. Бываютъ случаи, что эти формы, по своей сущности и по своей ширинѣ, соотвѣтствуютъ убѣжденіямъ человѣка о научности и справедливости. Тогда онъ блаженъ: онъ можетъ дѣйствовать въ этихъ формахъ, не борясь съ ними и не измѣняя ихъ. Онъ блаженъ, но, въ этомъ случаѣ, ему нечего и считать себя <u>дѣятелемъ</u> прогресса. Онъ, какъ критически-мыслящая личность, по своей полезности, не стоитъ нисколько выше другихъ личностей, немыслящихъ критически. Всѣхъ ихъ несетъ волна прогресса, движенію которой они подчиняются. Онъ только <u>сознаетъ</u> лучше другихъ, что дѣлается.

Но это сказка Шехеразады! Гдѣ же, когда, всѣ общественныя формы удовлетворяли даже довольно умѣреннымъ требованіямъ научности и справедливости? — Когда личность видитъ около себя всюду добро, всюду благополучіе, всюду разумность, она можетъ быть увѣрена, что она ничего не продумала критически, не догадывалась по невниманію или по врожденной нравственной близорукости. У нея недостаетъ развитости, или недостаетъ силъ сдѣлаться вполнѣ критически мыслящею личностью.

Тотъ, кто мыслитъ критически, неудержимо и [illegible] не наслажденія совершенствъ существующа

чается, гдѣ начинается дѣло, какъ враждебное противодѣйствіе прогрессу, или какъ пошлость и рутина. Пусть всѣ тѣ, которые не живутъ личною жизнію, наслаждаются прекрасными людьми на сколько эти люди прекрасны; разными утонченными удобствами общественнаго быта, на сколько эти удобства утонченны; разными веселенькими игрушками жизни, на сколько въ этихъ игрушкахъ есть веселости. Людямъ — не личностямъ, оно и слѣдуетъ: для нихъ самостоятельная борьба невозможна.

Но человѣкъ, критически мыслящій, роется въ глубинѣ мыслей и дѣйствій прекраснаго человѣка, чтобы отыскать, гдѣ этотъ человѣкъ перестаетъ быть прекраснымъ, и оцѣнить его во имя единства его недостатковъ и его достоинствъ. Одному можно только указать его слабости и надѣяться, что онъ самъ увидитъ, пойметъ и исправитъ ихъ. Другого, — уставшаго и разбитаго, — можно поддержать и придать ему новую энергію для дальнѣйшаго, быстрѣйшаго движенія. Третьяго, сворачивающаго съ пути, можно направить снова на прежнюю дѣятельность. Четвертому можно простить его слабости во имя его дѣлъ, когда онъ не въ силахъ вырвать изъ себя то, что у него отнимаетъ часть силъ, но все остальное направляетъ на содѣйствіе прогрессу. Съ пятаго можно рѣшительно сорвать маску и обличить его пошлость или противодѣйствіе прогрессу. Но все

это требуетъ изученія, изученія <u>именно</u> зла въ человѣкѣ, изученія его слабостей, наравнѣ съ его силами, его маленькихъ сторонъ, еще болѣе, чѣмъ его яркихъ достоинствъ.

Точно также критическая мысль лишь на мгновеніе отдыхаетъ въ укромныхъ уголкахъ, въ тихихъ убѣжищахъ жизни. Покорная жена, желанныя дѣти, обезпеченное существованіе и видное мѣсто, безукоризненная честность и безупречная совѣсть, огромная эрудиція и знаменитость ученаго, безспорный талантъ художника и хорошая плата за его произведенія — все это прекрасно, все это блага, но все это — лишь <u>механизмъ</u> культурной человѣческой жизни. Въ этой пестрой оболочкѣ, въ этой вѣчной хлопотливости, человѣкъ можетъ всю жизнь провести не человѣкомъ, а разсуждающимъ муравьемъ, способствуя лишь тому, чтобы годъ за годомъ, поколѣніе за поколѣніемъ, повторялись отцы и матери, нарождающіе дѣтей, капиталисты, проживающіе свои доходы, чиновники, сдающіе дѣла, ученые, пишущіе диссертаціи, художники, ласкающіе эстетическій вкусъ поколѣній.

Человѣческій муравейникъ обращается въ общество людей лишь тогда, когда критика, съ своими неумолимыми запросами, начинаетъ нарушать мирное благоденствіе или мирную рутину укромныхъ уголковъ. Точно ли искренно, по-человѣчески, сознательно вы любите другъ друга,

вѣрныя супруги? Точно ли вы развиваете дѣтей, а не только нарождаете ихъ? Точно ли вы заработали свой капиталъ и свое положеніе, счастливый спекуляторъ? Точно ли вы трудитесь на пользу общества, честный чиновникъ? Точно ли вы двигали науку, многописавшій ученый? Точно ли вы творили современно-поэтическія произведенія, художникъ? Точно ли всѣ эти формы, въ которыя вы драпируетесь, которыми вы прикрываетесь какъ святыней, которыми питаетесь, и на разработку которыхъ уходитъ вся ваша жизнь — точно ли эти формы, какъ онѣ суть и какими вы ихъ сдѣлали, заключаютъ разумное человѣческое содержаніе? Точно ли онѣ не должны быть иными во имя истины и справедливости? Точно ли противъ нихъ не слѣдуетъ бороться, чтобы ихъ оживить? Точно ли онѣ не идолы, въ которыхъ вы поклоняетесь своей рутинѣ, своей боязни мысли, своему эгоизму въ узкомъ значеніи этого слова? Точно ли не слѣдуетъ свергнуть эти идолы, чтобы поставить на ихъ мѣсто настоящую святыню?

Но, здѣсь, я чувствую, что со всѣхъ сторонъ возстанутъ возраженія. Какъ! личность! одинокая, ничтожная, безсильная личность, думаетъ критически относиться къ общественнымъ формамъ, выработаннымъ исторіею народовъ, исторіею человѣчества! Личность считаетъ себя въ правѣ и въ силахъ низвергнуть, какъ идола, то, что остальная масса общества признаетъ святынею!

Это преступно, потому что единица передъ массою, единица правъ не имѣетъ. Это вредно, потому что благоденствие массы, довольной существующими формами, важнѣе страданий единицы, отрицающей ихъ, какъ зло. Это безполезно, потому что рядъ поколѣний выработалъ данныя общественныя формы, въ сумм[ѣ] усилие всякой отдѣльной личности. Это безумно, потому что личность безсильна предъ обществомъ и его историею. — Разберемъ эти выражения по порядку.

Прежде всего о правѣ. Идея прогресса ..., и если она есть воплощение въ общественныя формы сознанной лжи и несправедливости. Я сознаю истину и справедливость въ иныхъ формахъ чѣмъ тѣ, которыя на лицо, указываю на ложь и несправедливость въ томъ, что есть, и могу бороться противъ этой сознанной лжи и несправедливости. Гдѣ право, отрицающее мое право на это? Въ большинствѣ личностей? Но пусть они доказываютъ мнѣ, что я ошибся; пусть спорятъ со мною; пусть борются со мною; это ихъ право; я его не отрицаю; но и я имѣю то право имъ доказывать, что они ошибаются, имѣю право съ ними спорить и бороться. Въ цѣломъ обществѣ? но это абстрактъ, который, какъ абстрактъ, противъ меня, существа реальнаго, не имѣетъ ровно никакого права; а въ своемъ реальномъ содержании, распадается на личности, имѣющия не болѣе права

какъ и я. 2) Въ исторіи? Но все решеніе содержанія исторіи заключается опять-таки въ дѣятельности личностей. Изъ нихъ одни умерли и противъ меня, живого, мертвецы никакого права не имѣютъ; другія живы и имѣютъ права столько же, какъ и я. И такъ <u>право</u> бороться за истину и справедливость никто отнять у меня не можетъ, если я самъ не отниму его у себя во имя <u>вреда</u>, который можетъ выйти изъ моей дѣятельности; во имя недовѣрія къ своему личному <u>разуму</u>, въ виду историческаго разума общества; во имя своего <u>безсилія</u>, въ виду громадныхъ силъ организованнаго общества. Первый пунктъ личность уже выиграла; остается три. Какой вредъ можетъ быть отъ того, что я укажу обществу на ложь и несправедливость въ его формахъ и буду стремиться вносить въ жизнь истину и справедливость? Если я буду говорить и меня не послушаютъ, если мои дѣйствія будутъ безъ успѣха, то пострадаю только я. Если же меня послушаютъ, и общество устроится съ большею истиною и справедливостью, то это будетъ не вредъ, а польза, потому что истина и справедливость въ общественныхъ формахъ есть условіе наибольшаго наслажденія для личностей и расширенія наслажденія на наибольшее количество личностей. Конечно, если одна часть послушаетъ меня и за-

нетъ на свою сторону, а другая будетъ сопротивляться, то начнется борьба, которая временно возмутитъ спокойствіе всего того, что пользовалось удобствами общественнаго строя. Одни не будутъ наслаждаться потому, что въ ихъ душѣ будетъ теперь постоянно пребывать сознаніе, что они наслаждаются въ силу несправедливыхъ общественныхъ формъ. Другіе не будутъ наслаждаться потому, что мень будутъ сильнѣть ихъ противники, а еще болѣе будетъ сильнѣть страхъ, что вотъ-вотъ придетъ конецъ ихъ благополучію. Не спорю, что положеніе непріятное для всѣхъ, пользующихся удобствами данной цивилизаціи. Но можно ли его назвать, безусловно, вреднымъ? Едва ли. Въ предыдущемъ письмѣ приведено нѣсколько примѣровъ тому, какія благодѣтельныя слѣдствія выходятъ иногда изъ нѣкотораго безпорядка, внесеннаго въ установившуюся жизнь. — Я уже говорилъ въ письмѣ третьемъ и четвертомъ, что до сихъ поръ удобствами прогресса пользуется лишь весьма небольшое меньшинство; что за его развитіе заплачена цѣна, которую и счесть оказалось невозможно; что эта цѣна можетъ быть оплачена только стремленіемъ распространить въ обществѣ истину и воплотить въ немъ болѣе справедливости. Если это такъ, то борьба изъ за подобнаго воплощенія есть не только

не вредъ, а единственный путь — доставить данной цивилизаціи прочность. Во всѣ времена, большинство страдало, слѣдовательно, страданіе не есть что-либо небывалое въ человѣчествѣ; надо только стремиться, чтобы страданія были наименѣе безполезны для исторіи, а какія же страданія могутъ быть полезнѣе тѣхъ, которыя ведутъ къ воплощенію истины и справедливости? Во-первыхъ, если счастливцы, пользующіеся удобствами данной цивилизаціи, заплатятъ за это пользованіе нѣкоторымъ страданіемъ, они не оплатятъ этимъ и малой доли того, что для нихъ выстрадали предшествовавшіе милліоны. Во-вторыхъ, если уже считать вредъ, такъ надо помнить, что исторія не кончается живущимъ поколѣніемъ, что за этимъ послѣдуютъ другія и безусловное количество вреда, приносимаго какимъ-либо дѣйствіемъ, измѣряется суммою приращеній зла, послѣдующаго отъ этого дѣйствія для всего будущаго. Если этимъ удастся дѣйствительно воплотить въ общественныя формы болѣе истины и справедливости, то количество зла уменьшится для длиннаго ряда послѣдующихъ поколѣній, которыя воспользуются долею добра, внесеннаго въ жизнь. Если же откажутся отъ этого, изъ страданія возрастутъ, но въ

современномъ обществѣ, — или, точнѣе, въ меньшинствѣ, пользующемся удобствами современнаго общественнаго строя, — будетъ нѣсколько меньше страданій въ сущности все, и это замѣтно, потому что, на сколько въ обществѣ меньше истины и справедливости, на столько въ немъ больше страданія для однихъ, [illegible] достоинства для другихъ. И такъ съ одной стороны, безспорный вредъ для болѣе или менѣе длиннаго ряда поколѣній, съ другой — сомнительная выгода для текущаго поколѣнія, можетъ ли быть и вопросъ о томъ, въ которую сторону должно пасть рѣшеніе? Да и въ чемъ, собственно, неприятность? Положимъ, что нѣсколько человѣкъ узнаютъ, что форма, бывшая для нихъ правдою, вѣра, не есть, въ сущности, правда, и ее насаждать нельзя развѣ иному человѣку. Неужели неприятность сознанія о томъ есть зло? Положимъ, что общественный строй [illegible] есть страданіе однихъ людей на пути, чтобы стать человѣческимъ обществомъ. Неужели очеловѣченье людей есть зло? — И такъ утверждать свободу [illegible] истину и справедливость во всякомъ случаѣ безспорно, если только допускать о дѣйствительности истины и справедливости, если [illegible] возможенъ. Вредъ борьбы [illegible] тогда, а, слѣдовательно, право бороться [illegible] у себя лишь тогда, когда [illegible] въ своемъ пониманіи истины и справедливости, когда [illegible] въ своемъ без-

ствіи выполнить въ жизнь мое убѣжденіе.
Личность выбрала два пункта; обратимся къ
третьему. Посмотримъ на сколько борьба лич
ности противу общественныхъ формъ можетъ
быть признана <u>безсмысленною</u>.
Личность, критически разобравшая свои знанія
и свои умственныя силы, дополнила свои зна
нія въ данной отрасли, направила на нее сво
ю мысль и пришла къ опредѣленному убѣж
денію. Это убѣжденіе оказывается несоглас
нымъ съ формою, выработанною историчес
ки. И вотъ человѣку говорятъ: покорись, по
тому что противъ тебя духъ народа, опытъ
цѣлыхъ вѣковъ, разумъ исторіи. Есть ли доста
точный поводъ для личности, на основаніи
этихъ аргументовъ, отказаться отъ своего
убѣжденія, какъ <u>неразумнаго</u>? Что такое
духъ народа? Физическія особенности сооб
щими ряду поколѣній, жившему подъ влі
яніемъ извѣстной среды, изображаютъ при
родное основаніе народности? Небольшое
меньшинство изъ него, жившее исторически,
создало ему культуру, которая распростра
нилась въ разной степени и въ разныхъ фор
махъ на различные слои народа и, въ сво
ихъ видоизмѣненіяхъ, вошла въ народныя при
вычки, въ народныя преданія. Время отъ
времени новыя личности, развившія воз
можность увеличивать это меньшинство,
а чрезъ него и большинство. Эти лично

сти вносили въ преданія культурная форма новую смыслъ, или измѣняли нѣкоторыя культурныя формы во имя другой культуры, иногда же, выводя ихъ изъ новой жизни. Въ каждый моментъ своей исторіи народъ въ своей средѣ представляетъ результатъ этихъ трехъ элементовъ: естественно-необходимаго, исторически-привычнаго, лично-продуманнаго. Ихъ комбинація составляла и составляетъ народный духъ. Въ немъ неизбѣжно лишь то, что обусловлено физически и климатически. Все остальное — привычка, постоянно измѣняющаяся подъ вліяніемъ мысли личностей и ихъ дѣйствій. Если личности мало смыслятъ и мало дѣйствуютъ, то привычка не измѣняется въ продолженіи длиннаго ряда поколѣній, культура сохраняетъ свои особенности, цивилизація владѣетъ болѣе и болѣе въ застой, духъ народа получаетъ болѣе и болѣе опредѣленныя формы, которыя можно описать почти также, какъ описываютъ нравы животныхъ. Если же личности дѣятельны и мысль ихъ не ограничивается тѣснымъ кругомъ меньшинства, а стремится проникнуть въ большинство, то привычка едва успѣваетъ установиться, культура смѣняется быстро въ меньшинствѣ и нѣсколько медленнѣе распространяется на большинство; цивилизація рискуетъ сдѣлаться болѣе непрочною, чѣмъ оконченною. Духъ на-

рода тогда опредѣленіе крайне трудно и большею частью писатели, очень тонкую щіе, не понимаютъ другъ друга. Въ обществѣ безспорно присутствуютъ, на общемъ естественно-необходимомъ основаніи, нѣсколько слоевъ исторической привычной культуры, какъ результатъ болѣе быстраго измѣненія ея въ меньшинствѣ и болѣе медленнаго распространенія въ большинствѣ. Сообразно своему развитію, писатель пріурочиваетъ народный духъ къ тому или къ другому слою, ему наиболѣе сподручному, и видитъ настоящую народную исторію въ той или другой нормальной эпохѣ. Спросите французовъ: гдѣ нормальная Франція, выражающая истинный народный духъ? Одинъ укажетъ на ancien régime и Людовика XIV съ его Расиномъ и Буало, другой - на 1789 г. съ его „правами человѣка", третій - на Робеспьера, четвертый - на маленькаго капрала, пятый - на тихую эпоху парламентаризма при Людовикѣ-Филиппѣ, шестой - на эпоху спокойствія и славы подъ сѣнію Второй имперіи; а найдутся и такіе, которые вернутся къ эпохѣ Людовика Святого и инквизиціи. И всѣ приведутъ доводы, что это эпоха истиннаго народнаго духа Франціи. Спросите нашихъ соотечественниковъ: гдѣ истинный народный духъ Россіи? Кто укажетъ на Москву, 64

Ивана Васильевича Грознаго со Стоглавомъ и „Домостроемъ"; кто — на новгородскій въ вечевой колоколъ; кто на Владиміра — красное солнышко, да стольнаго Святогора; а то пойдутъ перетасовывать Великаго Петра, Великую Екатерину, Отрепьева съ его преобразованіями; кто остановится на 1854 году, кто на 1861, кто на 1863, кто на 1866. И всѣ будутъ спорить; всѣ будутъ доказывать, что во всѣхъ здѣсь условіяхъ, укладахъ, воплощенъ въ мысль, въ бытъ, въ укладъ или слово настоящій русскій народный духъ. Кто изъ нихъ правъ? На чемъ остановилось развитіе русскаго народнаго духа? на допетровскомъ славянскомъ бытѣ? на основѣ византійской культуры? или на основѣ Петровской цивилизаціи и чиновничества? Или этотъ духъ оставался собою, воспринимая въ себя все новые и новые элементы? Если другіе думаютъ не такъ, то позвольте иной стороны, при разнообразіи мнѣній, думать иначе и дѣйствовать сообразно этому убѣжденію. Позвольте спросить, что народный духъ имѣетъ со [illegible] какую болѣе [illegible] способность перерабатывать въ себя чужіе элементы, чѣмъ до окончанія [illegible] и тѣмъ. Позвольте, среди безконечнаго разнообразія понятій, о народномъ духѣ, или, лучше, объ истинномъ и справедливомъ [illegible] самаго народа, [illegible] [illegible] личности въ

сказать и проводить въ жизнь свое мнѣніе объ истинѣ и справедливости, надѣясь, что оно на столько же можетъ войти элементомъ въ народный духъ, какъ и многочисленныя силы, вошедшія въ него ранѣе. Почему авторъ „Домостроя" имѣетъ больше меня правъ на выраженіе народнаго духа? Почему одно выраженіе можетъ внести въ этотъ духъ новый живой элементъ, а другое не можетъ? Этому судья только критика исторіи, критика народнаго духа, критика истины, критика справедливости. А эта критика совершается и можетъ совершаться только въ личности. Именно во имя народнаго духа, но не зоологически-неизмѣннаго, а исторически развивающагося, личность должна подвергнуть народный духъ критикѣ, разобрать, что въ немъ естественно необходимо, на сколько культурные элементы не могутъ быть измѣнены въ данную минуту и что въ нихъ подлежитъ переработкѣ съ точки зрѣнія болѣе точной истины, болѣе широкой справедливости. Народный духъ въ данную эпоху есть духъ критически мыслящихъ личностей этой эпохи, понимающихъ исторію народа и желающихъ внести въ его настоящее возможно болѣе истины и справедливости. Точно также опытъ человѣчества есть ничто иное, какъ пониманіе его исторіи тѣми же критически мыслящими

ми и энергически желающими личностями. Что касается до разума исторіи, то это не болѣе, какъ слово, призракъ для мечтателей, пугало для трусовъ, если этимъ разумомъ есть что либо внѣ формулы: большинство всегда подчинялось необходимости; меньшинство всегда стремилось наслаждаться; немногія личности хотѣли понять и воплотить въ жизнь истину и справедливость. Личность, ясно понимающая лучшее и энергически желающая правды, есть, по своей природѣ, правомѣрнѣйшій цѣнитель истиннаго опыта человѣчества, правомѣрный истолкователь истиннаго разума исторіи. И такъ, если человѣкъ созналь въ себѣ ясное пониманіе лучшаго и энергическое стремленіе къ правдѣ, то онъ не можетъ и не долженъ отрекаться отъ выработаннаго имъ убѣжденія, въ виду историческихъ формъ общества, потому что разумъ, польза, право на его сторонѣ. Онъ только долженъ взвѣсить свои силы для предстоящей борьбы, не тратить даромъ тѣхъ, которыя у него есть, увеличить ихъ на сколько можетъ, оцѣнить возможное, достижимое, разсчитать свои дѣйствія и тогда рѣшиться. Итакъ остается одинъ послѣдній пунктъ.

Борьба личности противъ общественныхъ формъ, огражденныхъ привычкою, преданіемъ, закономъ, организаціею общества.

физическою силою, нравственнымъ идеаломъ, говорятъ, безумна. Что можетъ сдѣлать личность противъ массы личностей, крѣпко сплоченной, когда многіе изъ нихъ столь же сильны отдѣльно, какъ эта одинокая, борющаяся личность?
Но какъ же шла исторія? Кто ее двигалъ? — Одинокія борющіяся личности. Какъ же онѣ достигли этого? — Онѣ сдѣлались и должны были сдѣлаться силою. Слѣдовательно, четвертый пунктъ требуетъ отвѣта болѣе сложнаго. Передъ общественными формами личность дѣйствительно безсильна, однако борьба ея противъ нихъ безумна лишь тогда, когда она силою сдѣлаться не можетъ. Но исторія доказываетъ, что это возможно и что даже это единственный путь, которымъ осуществлялся прогрессъ въ исторіи. Итакъ намъ приходится поставить и рѣшить вопросъ: какъ обращаются слабыя личности въ общественную силу?

Письмо осьмое.
Растущая общественная сила.

„Одинъ въ полѣ не воинъ“ — говоритъ старинная пословица, и личность, являющаяся предъ лицомъ общества съ критикою общественныхъ формъ и съ требованіемъ воплотить въ нихъ справедливость, какъ безсильная единица, конечно, ничтожна. Тѣмъ не менѣе, подобныя личности создаютъ исторію, сдѣлавшись силою, увлекательными общес

ва. Какъ же онъ это сдѣлаетъ?

Прежде всего, надо признать фактъ, что если разсматриваемый дѣятель есть, дѣйствительно критически-мыслящая личность, то онъ никогда не одинокъ? Въ чемъ состоитъ его критика общественныхъ формъ? Въ томъ, что онъ понялъ яснѣе и глубже другихъ недостатки этихъ формъ, отсутствіе справедливости въ нихъ для настоящаго времени. Но если это такъ, то многое множество личностей, подъ тяжестью этихъ формъ, страждетъ и ропщетъ, мечется и гибнетъ. Только онѣ, какъ недостаточно-критически-мыслящія личности, не понимаютъ, отъ чего это имъ такъ не хорошо. Но если имъ сказать, то онѣ понять смогутъ, и тѣ, которыя поймутъ, почувствуютъ это такъ же хорошо, какъ тотъ, кто высказалъ мысль впервые, а пожалуй еще и лучше, потому что онѣ, можетъ быть, выстрадали вѣрность этой мысли гораздо полнѣе и разностороннѣе, чѣмъ ея первый провозвѣстникъ. И такъ, чтобы не быть совсѣмъ одинокимъ, человѣкъ, начинающій борьбу противъ общественныхъ формъ, долженъ только высказать свою мысль такъ, чтобы ее узнали: если она вѣрна, — онъ не будетъ одинокъ. Онъ будетъ имѣть товарищей, единомышленниковъ; они ему неизвѣстны: они разбросаны, не знаютъ одинъ о другомъ, чувствуютъ себя одинокими и безсильными предъ гнетомъ ихъ давящимъ, отчаиваются, и гибнутъ, еще болѣе несчастными,

когда до нихъ достигло слово, уясняющее имъ что имъ давящее. Но они и тогда, и теперь; и тѣмъ больше, чѣмъ смыслъ вѣрнѣе, справедливѣе. Это сила невидимая, неощутимая, непроявившаяся еще въ учрежденіи, но уже сила.

Чтобы дѣйствіе силы проявилось, нуженъ примѣръ. Чтобы личность почувствовала себя не одинокою, надо чтобы она узнала, что есть другая личность, не только понимающая какъ тяжело, и почему такъ тяжело, но и дѣйствующая противъ этого зла. Нужно не только слово, нужно дѣло. Нужны энергическіе, фанатическіе люди, рискующіе всѣмъ и готовые жертвовать всѣмъ. Нужны мученики, легенда которыхъ переросла бы далеко ихъ истинное достоинство, ихъ дѣйствительную заслугу. Имъ припишутъ энергію, которой у нихъ не было. Въ ихъ уста вложатъ лучшую мысль, лучшее чувство, до котораго додумаются ихъ послѣдователи. Они станутъ недосягаемымъ, невозможнымъ идеаломъ для людей толпы. Но за то ихъ легенда возбудитъ тысячи ту энергію, которая нужна для борьбы. Никогда несказанныя слова будутъ повторяться сначала полушопотомъ, потомъ понятые лучше и лучше, и мысли никогда не возбуждавшіяся оригинала идеальной исторической фигура, воплотятся въ дѣло подражателей покойника, какъ бы ея внушеніе. Число мучениковъ тутъ не важно. Легенда всегда ихъ размножитъ до послѣдней возможности. Кон-

серватора же общественныхъ формъ, какъ доказываетъ исторія, съ поразительнымъ самоотверженіемъ всегда поставляли на поклоненіе толпы достаточное число погубленныхъ борцовъ, чтобы была возможность оппозиціи противъ той и другой общественной формы составить длинный мартирологъ своихъ героевъ. При этомъ фазисѣ борьбы, критически мыслящія личности имѣютъ предъ собою уже дѣйствительную силу, только силу нестройную. Она тратится большею частію безполезно, изъ-за пустыхъ мелочей, которыя прежде всего бросаются въ глаза. Люди гибнутъ изъ-за проявленія зла, а сущность его остается нетронутою. Страданія не уменьшаются, а, пожалуй, и увеличиваются, потому что, по мѣрѣ усиленія борьбы, озлобленіе противниковъ растетъ. Въ средѣ самихъ борцовъ начинается раздоръ, распаденіе, потому что, чѣмъ жарче они борются, тѣмъ ревнивѣе слѣдятъ другъ за другомъ. При всей энергіи дѣятелей, при всѣхъ жертвахъ, результатъ незначителенъ. Сила проявилась, но растрачивается задаромъ. Тѣмъ не менѣе, это уже сила, сознавшая себя.

Чтобы сила не тратилась даромъ, надо ее организовать. Критически мыслящія и энергически желающія личности должны желать не только борьбы, но побѣды; для этого надо понимать не только цѣль, къ которой стремишься, но и средства, которыми можно ея достигнуть. Если борьба была серьезна, то въ числѣ борцовъ про-

тиву устарѣвшихъ общественныхъ формъ находятся не всѣ только личности, борющіяся во имя своего страданія и понявшія это страданіе лишь съ чужого слова, съ чужой мысли. Въ числѣ борцовъ есть и личности, критически продумавшія положеніе дѣлъ. Имъ приходится отыскивать другъ друга; имъ приходится соединиться, стать во главѣ партіи и руководить другими. Тогда сила организована; ея дѣйствіе можно направить на данную точку, концентрировать для данной цѣли; ея задача теперь чисто техническая: съ наименьшею тратою силъ совершить наибольшую работу. Пора безсознательныхъ страданій и мечтаній прошла; пора героическихъ дѣятелей и фанатическихъ мучениковъ, безразсчетной траты силъ и безполезныхъ жертвъ прошла. Настала пора спокойныхъ предводителей, разсчитанныхъ ударовъ, строгой мысли и неуклонной, терпѣливой дѣятельности.

Этотъ фазисъ самый трудный. Первые два фазиса развиваются естественнымъ путемъ. Страданіе рождаетъ въ единицахъ мысль; мысль высказывается и распространяется; страданіе становится сознательнымъ; тамъ и здѣсь прорываются болѣе энергическія личности; являются мученики; ихъ число увеличиваетъ энергію; ихъ число усиливаетъ борьбу; все это вызывается въ неизбѣжной послѣдовательности, одно за другимъ какъ всякое явленіе природы. Нѣтъ эпохи, гдѣ это явленіе не

повторялось бы въ большихъ или меньшихъ ра-
змѣрахъ, иногда же оно достигало весьма об-
ширнаго распространенія. Но изъ всѣхъ пар-
тій, боровшихся противъ устарѣлыхъ формъ
за истину и справедливость, восторжествова-
ли весьма немногія. Остальныя погибли, рас-
плелись, или окоченѣли; онѣ исчезли, когда но-
вое время вызвало новые протесты, образова-
ли новыя партіи, а время первыхъ прошло
невозвратно. Недостатокъ побѣды этихъ партій
объясняется тѣмъ, что онѣ, пройдя естест-
венными путями два первые фазиса, не умѣ-
ли создать себѣ третьяго, потому что третій
фазисъ самъ собою не создается. Его надо про-
думать во всѣхъ его частностяхъ: въ причинахъ
и послѣдствіяхъ, въ цѣляхъ и средствахъ. Его на-
до захотѣть и захотѣть твердо, не смотря
на сотни мелкихъ непріятностей, на утоми-
тельную, однообразную дѣятельность, незамѣт-
ную и неоцѣненную въ большой части случа-
евъ. Его надо подготовить, поддержать и ох-
ранять всѣми силами, терпѣливо перенося
неудачи, пользуясь каждымъ обстоятельст-
вомъ, не упуская изъ виду никого и ничего.
Этотъ фазисъ человѣчески обдуманный, искус-
ственно созданный и который желательно ра-
зрѣшить возможно скорѣе; потому что, во
время его продолженія, партіи подвергаются
въ высшей степени опасностямъ, грозящимъ
всѣмъ обществамъ и о которыхъ мы уже говорили

ем, указанная о процессѣ цивилизаціи: опасности распасться вслѣдствіе непрочности связи; опасности — окоченѣть въ застоѣ односторонняго стремленія. Въ этомъ фазисѣ эти опасности всего сильнѣе для партіи именно потому, что здѣсь въ этомъ фазисѣ партія живетъ жизнію организма; всѣ разнородные органы направляются къ одной дѣятельности. Распаденіе и окоченѣніе грозятъ гибелью этому организму. До этого личности подчинялись влеченіямъ, а влеченія прочны; потому что выходятъ прямо изъ обстоятельствъ. Теперь личности должны подчиняться мысли, которая лишь тогда прочна, когда ясна, но ясности мысли постоянно грозятъ самыя разностороннія влеченія. Посмотримъ еще, въ чемъ заключаются главныя затрудненія этого фазиса, потому что лишь побѣдивъ эти затрудненія, личности становятся дѣйствительною органическою силою въ обществѣ, въ борьбѣ за истину и справедливость.

Критически мыслящія личности, которыя должны сойтись, чтобы организовать партію и руководить ею, потому уже, что онѣ болѣе другихъ способны и энергичны, носятъ въ себѣ характеръ болѣе опредѣленной индивидуальности. Онѣ выработали свою привычку мыслить и потому имъ труднѣе, чѣмъ другимъ, стать на чужую точку зрѣнія и ей подчиниться. Онѣ выработали въ себѣ самостоятельность дѣятельности и потому имъ

труднѣе, чѣмъ кому либо, принудить себя дѣйствовать не совсѣмъ такъ, какъ имъ кажется лучше. Они умѣли лучше другихъ отстоять свою независимость въ средѣ общественной рутины и потому имъ всего удобнѣе дѣйствовать въ одиночку. И между тѣмъ, именно этимъ людямъ, самостоятельно думающимъ, самостоятельно дѣйствующимъ, привыкшимъ къ нравственному уединенію, надо теперь сойтись, сплотиться вмѣстѣ, думать сообща, дѣйствовать сообща, организовать нѣчто сильное, единое, но сильное коллективною силою, единое абстрактнымъ единствомъ; имъ же индивидуальность, которую они уберегли отъ затягивающаго вліянія рутины, индивидуальность, къ которой они такъ привыкли, которою они такъ дорожили, должна исчезнуть въ общемъ направленіи мысли, въ общемъ планѣ дѣйствія. Они создаютъ организмъ, но сами въ немъ сходятъ на положеніе органовъ. И это они дѣлаютъ добровольно.

Все это очень тяжело. Постоянно грозитъ опасность разъединенія, раздора между этими энергическими личностями. Но теперь раздоръ имѣетъ совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ въ предыдущемъ фазисѣ. Тамъ, при преобладаніи индивидуальнаго дѣйствія, въ періодъ пропаганды [illegible] и личною энергіею, не особенно важно обсто

ятельство, на что тратится энергія: лишь бы была она, былъ бы герой, котораго можно поставить на подесталъ и его именемъ и примѣромъ воодушевиться на новое дѣло. Два врага, истратившіе силы на безполезную борьбу между собою, могутъ стоять рядомъ въ пантеонѣ потомства, подобно Вольтеру и Руссо. Но теперь распаденіе, это смерть; отреченіе отъ побѣды общаго дѣла, отъ будущности партіи. И вотъ самостоятельныя личности сходятся съ твердымъ намѣреніемъ уступить часть своихъ привычекъ взглядовъ, отказаться отъ части своихъ привычныхъ дѣйствій, лишь бы самыя интимныя, самыя глубокія изъ убѣжденія могли восторжествовать со временемъ. Вся сила ихъ мысли опять направляется на критику собственнаго духа, собственной дѣятельности и даже не съ цѣлью узнать - точно ли это справедливо и истинно, а съ цѣлью рѣшить вопросъ: точно ли это связано такъ неразрывно съ сущностью моихъ стремленій, моего убѣжденія, что я не могу отказаться отъ этой частности, не роняя собственнаго достоинства, не жертвуя всѣмъ, что мнѣ дорого въ самомъ себѣ, не могу, даже, если бы шло дѣло о возможности торжества для моихъ идей, такъ какъ восторжествовали бы тогда тоже

ко названія моихъ идей, [illegible] а подъ этими названіями скрывалось бы нѣчто столь опошленное, столь искаженное, что я бы въ немъ не узналъ своихъ идей. Только совершенно уяснивъ себѣ, докуда можетъ идти уступка и гдѣ начинается измѣна дѣлу, личности, сходящіяся на это общее дѣло, могутъ организовать сильную и энергическую партію. Если онѣ сходятся съ рѣшительною мыслью не уступать ни іоты, имъ и сходиться нечего. Общаго дѣла для нихъ не существуетъ. Каждый изъ нихъ охотно обратилъ бы другихъ въ орудіе для своего строя мыслей, въ томъ видѣ, какъ этотъ строй выработался въ немъ въ своей цѣлости, со всѣмъ существеннымъ и случайнымъ въ убѣжденіяхъ и привычкахъ. Но подобная сходка для обращенія другъ друга въ нравственное рабство — не организація партіи, а попытка все обратить въ механизмъ для побужденій и цѣлей одной личности. Каждый долженъ отдѣлить въ своихъ мнѣніяхъ существенное отъ привычнаго; каждый долженъ вступать въ сходку съ рѣшимостью пожертвовать привычнымъ, хотя и очень дорогимъ, для пользы существеннаго; каждый долженъ смотрѣть на себя, какъ на органъ общаго организма; онъ не бездушное орудіе, не бездушный механизмъ, но все-таки только органъ; онъ [illegible] его участникъ;

свои отправленія, но онъ подчиненъ единству цѣлаго. Это — условіе, и неизбѣжное условіе жизни организма. Это — условіе согласнаго дѣйствія, условіе побѣды.

Но если раздоръ неизбѣженъ, если уступки въ привычномъ необходимы, если личности должны подчиниться общему дѣлу, то столь же гибельны были бы уступки въ существенномъ; столь же необходимо дѣятелямъ оставаться мыслящими личностями, не обращаясь въ машины для чужой мысли. Кто уступилъ существенное изъ своего убѣжденія, тотъ вовсе никакого серьезнаго убѣжденія не имѣетъ. Онъ служитъ не понятному, продуманному и желанному дѣлу, а безсмысленному слову, пустому звуку. Конечно, побѣда невозможна безъ крѣпкаго союза, безъ единства въ дѣйствіяхъ. Конечно, побѣда желательна для всякаго борца. Но побѣда сама по себѣ не можетъ быть цѣлью мыслящаго человѣка. Надо, чтобы побѣда и сила какое-нибудь внутреннее значеніе. Важно не кто побѣдитъ; важно что побѣдило. Важна торжествующая идея. А если идея, отъ уступокъ потеряла все свое содержаніе, то партія утратила смыслъ, дѣла у ней никакого нѣтъ и споръ идетъ лишь о личномъ преобладаніи. Тогда партія борцовъ за истину и справедливость ничѣмъ не отличается отъ приверженцевъ общественнаго застоя, противъ которыхъ они боролись. Ихъ часто называли

самыя слова, которыя когда-то обозначали истину и справедливость, а теперь ничего не обозначаютъ. И будутъ они тысячу разъ повторять эти громкія слова; и повторитъ имъ молодежь, влагающая въ эти слова свое пониманіе, свою душу, свою жизнь. И разувѣрится она въ своихъ предводителяхъ и въ своихъ знаменахъ. И ренегаты потащутъ по грязи вчерашнюю святыню. И осмѣютъ реакціонеры эти знамена, оскверненныя тѣми самыми, кто ихъ несетъ. И великія, безсмысленныя слова будутъ ждать новыхъ людей, которые возвратятъ имъ смыслъ, воплотятъ ихъ въ дѣло. Старая же партія, пожертвовавшая всѣмъ для побѣды сможетъ быть и не побѣдитъ, а во всякомъ случаѣ окаменѣетъ въ своемъ безсодержательномъ застоѣ.

Итакъ, организація партіи для побѣды необходима, но для того, чтобы партія была живымъ организмомъ, одинаково необходимо подчиненіе органовъ цѣлому и жизненность органовъ. Партіи образовались изъ мыслящихъ, убѣжденныхъ и энергическихъ союзниковъ; они ясно понимаютъ для чего они сплотились; они крѣпко дорожатъ своими самостоятельными убѣжденіями; они твердо рѣшились сдѣлать все что можно, для торжества этихъ убѣжденій. Только при этихъ условіяхъ они смогутъ

надѣются избѣжать обѣихъ опасностей имъ грозящихъ: не разойтись и не впасть въ застой.

Положимъ, что условія выполнены. Критически-мыслящія и энергически желающія личности сошлись и организовали партію. Но уже, по самымъ условіямъ, при которыхъ подобная организація могла произойти, очевидно, что людей, удовлетворяющихъ условіямъ ея организаціи, будетъ крайне мало даже между критически-мыслящими личностями. Одни, при всей силѣ мысли, не додумаются до того, что лишь при организаціи побѣда возможна, и останутся на точкѣ зрѣнія одиночныхъ, героическихъ борцовъ предыдущаго фазиса. Другіе и додумаются, но не рѣшатся пожертвовать для общаго дѣла личнымъ самолюбіемъ, привычнымъ для нихъ образомъ дѣйствія. Третьи недостаточно съумѣютъ отдѣлить несущественное отъ существеннаго. Наконецъ, четвертые, изъ страстнаго желанія побѣды, готовы будутъ поступиться <u>совѣстью</u>, пожертвовать существеннымъ, обратиться въ механическое орудіе, и станутъ порицать тѣхъ, кто этого сдѣлать не въ состояніи. А найдутся еще и другія категоріи. Очевидно, что люди, организовавшіе партію борьбы за истину и справедливость, при своей малочисленности, должны прежде всего увеличивать свою силу въ

ми матеріалами, около нихъ разсыпанными и способными войти въ организацію. Важна здѣсь не столько численность, какъ значеніе участвующихъ: самостоятельная мысль и энергическая воля. Важны въ особенности тѣ, которые могутъ стать самостоятельными, энергическими центрами, разносящими жизнь новаго организма далѣе и далѣе. И такъ, важна въ особенности три первая категорія личностей, не примкнувшихъ еще къ движенію. Первымъ надо выяснить практическое значеніе дѣла, послѣднимъ — теоретическую его сущность; вторыхъ надо просто привлечь къ дѣлу. Вѣдь они могутъ быть въ будущемъ весьма полезными дѣятелями; вѣдь они — возможные союзники, и пониманіе общей пользы должно заставить смотрѣть на нихъ именно такъ. Съ этой точки зрѣнія и опредѣляется дѣятельность организованной партіи относительно всѣхъ элементовъ, какъ вошедшихъ уже въ ея составъ, такъ и могущихъ войти въ него впослѣдствіи.

Установившееся различіе существеннаго отъ несущественнаго въ мнѣніяхъ стремленіяхъ опредѣляетъ какъ свободу дѣйствій внутри партіи, такъ и ея терпимость къ чужимъ. Какъ ни расходились бы члены ея въ пунктахъ, признанныхъ несущественными, они все-таки полезные и неизбѣжные союзники ея въ будущемъ. Всѣ члены партіи, — дѣйствительные и возможные, находятся подъ ея охраной. Каждый мыслящій человѣкъ, вошедшій въ организацію партіи, становится естественнымъ ея.

вокатомъ не только того, кто уже теперь къ ней принадлежитъ, но и того, кто завтра можетъ войти въ нее. Адвокатъ не долженъ извращать дѣло своего кліента; онъ только выставляетъ на видъ все, что дѣйствительно говоритъ въ пользу кліента и умалчиваетъ обо всемъ, что можетъ повредить ему. Это умалчаніе не есть ложь, потому что и противныя партіи имѣютъ своихъ адвокатовъ, которые не щадятъ и не должны щадить противниковъ. Адвокатъ, очевидно искажающій истину, только повредилъ бы и своему значенію и своему собственному авторитету, какъ умнаго и добросовѣстнаго адвоката. Но адвокатъ, который бы подсказалъ противникамъ лучшіе аргументы, былъ бы вовсе не адвокатомъ. Взаимная адвокатура членовъ партіи, это ея самая могущественная связь, самое энергическое противодѣйствіе противникамъ; это и одно изъ лучшихъ средствъ для организованной партіи привлечь къ себѣ лицъ, еще въ нее не вступившихъ. Какъ единая мысль, единая цѣль составляютъ внутреннюю силу партіи, такъ взаимная адвокатура составляетъ ея внѣшнюю силу.

За предѣлами несущественныхъ прекращается свобода дѣйствій членовъ партіи и ея терпимость относительно лицъ, внѣ ея стоящихъ. Кто изъ ея членовъ переступилъ этотъ предѣлъ, тотъ болѣе не членъ ея, а ея врагъ. Кто изъ лицъ, внѣ ея стоящихъ, расходится съ нею въ существенныхъ вопросахъ, тотъ тоже врагъ ея. Противъ

этихъ враговъ партія направляетъ и должна
направить всю силу своей организаціи, борясь, какъ о
динъ человѣкъ, всѣми своими средствами, сосре
доточивая свои удары. Какъ каждый членъ пар
тіи есть естественный адвокатъ своихъ дѣйстви-
тельныхъ и возможныхъ союзниковъ, такъ онъ есть ес
тественный прокурорскій надзоръ за всѣми приз-
нанными врагами. И здѣсь требуется не извращеніе
истины: это вовсе не въ обязанности добросовѣстна
го прокурора. Требуется вниманіе къ дѣйствительнымъ
проступкамъ противниковъ и выставленіе на видъ
всѣхъ обвиняющихъ обстоятельствъ. Дѣло адво-
катовъ защищать обвиненнаго. Впрочемъ сплош-
ное обвиненіе точно также въ глазахъ внима
тельной публики помогаетъ дѣлу обвиняемаго и вре
дитъ авторитету обвинителя, какъ явно пристраст
ная защита адвоката оказываетъ дѣйствіе проти
вуположное его собственному желанію. Но и упус-
кать изъ виду ошибки противниковъ, давать имъ
средство скрыть свои проступки, — совершенно не-
согласно съ задачею человѣка партіи. Вниматель
ная и неуклонная борьба съ врагами есть прояв
леніе жизни партіи, какъ единство мысли есть
основа этой жизни, а взаимная адвокатура
ея членовъ — связь партіи.

Такъ растетъ общественная сила, переходя отъ
слабой личности сначала въ сочувствіе другихъ
личностей, потомъ въ нестройное ихъ содѣйст
віе, пока не организуется партія, придающая
общее направленіе и единство. Конечно, путь да-

партія встрѣчается съ другими партіями, и вопросъ о побѣдѣ становится вопросомъ числа и силы. Гдѣ больше силы? гдѣ убѣжденнѣйшія, лучше понимающія, болѣе энергическія, болѣе искусныя личности? Которая партія лучше организована? которая умнѣетъ лучше воспользоваться обстоятельствами, лучше умѣетъ отстоять своихъ и побороть враговъ? Здѣсь уже борется организованная сила и интересъ исторіи концентрируется на принципахъ, написанныхъ на знаменахъ.

— Тутъ ничего новаго; а это зналъ и предугадаетъ читатель.

И прекрасно, если ~~ты знаешь это. Въ~~ исторіи нечего искать побасенокъ, небывальщины, но важно узнать какъ было, бываетъ и будетъ. Борьба личности противъ общественныхъ формъ и борьба партій въ обществѣ также древни, какъ и первая организація. Я желалъ лишь напомнить читателю старую истину объ условіяхъ борьбы слабыхъ личностей съ громадною силою общественныхъ формъ; объ условіяхъ работы мысли надъ культурными привычками и преданіями; объ условіяхъ побѣды партій прогресса; объ условіяхъ усиленнаго развитія цивилизаціи. Личности, выработавшія въ себѣ критическую мысль, пріобрѣли этимъ самымъ право быть дѣятелями прогресса, бороться съ отжившими общественными формами. Эта борьба полезна и разумна. Но личности, ~~[illegible]~~ суть лишь возможные дѣя

ятели прогресса. Дѣйствительными дѣятелями его они становятся лишь тогда, когда сумѣютъ вести борьбу, сумѣютъ сдѣлаться изъ ничтожныхъ единицъ коллективною силою, представительницею массъ. Путь для этого одинъ, и его указываетъ безспорное свидѣтельство исторіи.

Письмо девятое.

Знамена общественныхъ партій.

Я изложилъ въ послѣднихъ письмахъ свое мнѣніе о томъ, что весь общественный прогрессъ всецѣло зависитъ отъ дѣятельности личностей; что онѣ одни могутъ придать цивилизаціи прочность и спасти ее отъ застоя; что онѣ имѣютъ право и возможность относиться критически къ общественнымъ формамъ, въ которыхъ живутъ; что путь борьбы за новое противъ стараго, за растущее противъ отживающаго неизбѣжно ведетъ къ группировкѣ партій подъ знаменами разныхъ идей и къ столкновенію ихъ во имя этихъ идей. Но какъ узнать, при столкновеніи партій, кто борется за прочное, за отживающее? кто стоитъ за живое, за растущее? Вопросъ можетъ показаться страннымъ, потому, что на практикѣ, повидимому, чрезвычайно легко различить, проповѣдуютъ-ли вѣчныя идеи, которыя были въ ходу тысячелѣтія,

три, четыре года, тому два десятилѣтія, то есть вѣкъ назадъ, тѣ идеи самоновѣйшаго закала, отъ которыхъ вы отвернулись въ предшествующій періодъ съ испугомъ или съ отвращеніемъ. Послѣдняя умственная мода, послѣдняя статья вліятельнаго журнала, послѣднее слово любимаго проповѣдника вотъ живое, растущее. Партія, въ которой добровольно или невольно попадаетъ ряды приверженцевъ — вотъ партія реакціи. Это пріемъ самый легкій и ему слѣдуютъ всѣ бараны человѣческихъ стадъ съ самою тупоголовою послѣдовательностью; ему слѣдуютъ всѣ говоруны безъ убѣжденій съ самою изумительною гибкостью. Вѣроятность успѣха, вѣроятность добычи на общественномъ пиру для человѣка, становящагося въ ряды той или другой партіи, вотъ что они называютъ стремленіемъ впередъ, слѣдованіемъ за временемъ. Если бы они были правы, то слово прогрессъ не имѣло бы никакого смысла, исторія представляла бы нѣчто въ родѣ метеорологической таблицы, по которой можно отмѣчать дни дождливые и ясные, дни, когда вѣтеръ дулъ съ югозапада или съ сѣверо-востока, но черть, дѣлать таблицы статистическихъ цифръ нѣтъ весьма трудно. Тогда бы и письма, которыя я теперь пишу, не имѣли бы въ [illegible] причина быть написана

гіи, такъ какъ общественная метеорологія меня столь же мало интересуетъ, какъ и физическая. Лишь въ исключительныхъ случаяхъ и исключительныхъ странахъ дожди и засуха представляютъ простую послѣдовательность. Мы живемъ въ зонѣ перемѣнчивой погоды; на основаніи вчерашняго и третьегодняшняго направленія вѣтра, предсказать завтрешнее его направленіе для насъ довольно трудно; мы убѣждены отъ перемѣны погоды, но не понимаемъ ее. Запасайтесь, если хотите и что хотите, галошами и зонтиками, теплою одеждою и домами съ плотно-затворенными окнами, но неужели вы станете изслѣдовать зависимость сегодняшняго дождя отъ того, который шелъ въ прошлый четвергъ? Въ теперешнемъ положеніи нашихъ знаній, это была бы работа неблагодарная въ метеорологіи физической, какъ и въ политической. Наука не идетъ дальше распространенія метеорологическихъ станцій для людей, наиболѣе подверженныхъ опасности, и дальше указанія имъ на приближающійся ураганъ за нѣсколько часовъ до его наступленія.

Къ сожалѣнію, я не могу допустить такого легкаго пріема для отличія прогрессистовъ отъ реакціонеровъ, какой указанъ мною выше. Поставивъ въ началѣ третьяго письма требованія прогресса, я обязанъ, чтобы быть послѣдовательнымъ, допустить, что они

опредѣляютъ и разницу въ партіяхъ. Побѣжденная партія можетъ быть партіею прогресса. Малочитаемая книга, написанная десять, пятьдесятъ, сто лѣтъ тому назадъ, можетъ заключать болѣе живыхъ историческихъ началъ, чѣмъ самоновѣйшая журнальная статья. Вчерашняя мода можетъ быть оживлена лучшимъ инстинктомъ будущаго, чѣмъ сегодняшняя. Да, вообразите себѣ, я предпочитаю иные журналы 1861 года журналамъ 1867 г.; предпочитаю Канта Шеллингу, Вольтера Кузену и насору; что у султана гораздо болѣе жизненныхъ элементовъ прогресса, чѣмъ у г. Аскоченскаго. Это, конечно, возмутитъ иныхъ прогрессистовъ, сознающихъ себя стоящими каждый день въ уровень съ самымъ модныхъ направленіемъ. Это вызоветъ презрительную улыбку иныхъ вѣчно-спокойныхъ философовъ, которымъ „игра въ направленіе" кажется дѣтскою забавою. Это, по жалуй, обрадуетъ иныхъ поклонниковъ Домостроя и Византіи, которые вообразятъ, что, съ этой точки зрѣнія, и они могутъ попасть въ истинные прогрессисты. Предоставляю имъ всѣмъ возмущаться, улыбаться и радоваться.

Если допустимъ, что прогрессъ заключается именно въ развитіи личности и въ воплощеніи истины и справедливости въ общественныя формы, то вопросъ, поставленный вышезо

о признакахъ прогрессивной и реакціонной партій, рѣшить уже гораздо труднѣе, такъ какъ внѣшнихъ, отличительныхъ признаковъ для нихъ вовсе не оказывается. Увы! это такъ. Въ словарѣ человѣческой цивилизаціи нѣтъ такого слова, которое бы безусловно, всегда и вездѣ стояло лишь на знамени прогрессистовъ или на знамени реакціонеровъ. Величайшія идеи, которыя, въ большей части случаевъ, были, въ глазахъ лучшей части мыслящихъ людей, самыми дѣйствительными началами общества, въ нѣкоторые періоды исторіи служили приманкою въ рядахъ партій, препятствовавшихъ развитію человѣчества. Самые реакціонные элементы въ нѣкоторыя эпохи становились орудіями прогресса.

Для уясненія этого, разсмотримъ отдѣльно тѣ идеи, которыя можно назвать общими началами личной и общественной жизни, и другія, соотвѣтствующія частнымъ формамъ общественной жизни. Тѣ и другія, въ различныхъ комбинаціяхъ, обыкновенно служатъ знаменами для борющихся партій какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда партіи преслѣдуютъ въ сущности эгоистически-расчетливыя цѣли, такъ и въ тѣхъ, когда онѣ фанатически вѣруютъ, что ихъ приверженцы, и только они, суть представители безусловной истины и справедливости. Обѣ эти группы идей могутъ сдѣлаться и нетог-

никомъ развитія и орудіемъ застоя; они и въ дѣйствительности были поочередно тѣмъ и другимъ, но причина этого явленія для этихъ двухъ различна. Что касается до общихъ началъ: развитія, свободы, разума и т. п. то, онѣ подвергаются этой участи именно потому, что, по обширности своего смысла, онѣ остаются крайне неясными большинству, слишкомъ повторяться одними безъ всякаго опредѣленнаго значенія, и быть для другихъ орудіями весьма ... и реакціонныхъ цѣлей. Слово развитіе могло быть разсматриваемо въ смыслѣ фаталистическомъ, какъ неизбѣжность, которая имѣетъ не только фактическое значеніе, но представляетъ начало правомѣрное, требующее уважительнаго признанія и нравственнаго поклоненія во всѣхъ своихъ проявленіяхъ. Для фаталистовъ исторического процесса, патологическія клѣточки общественнаго рака суть элементы столь же человѣчнаго развитія, какъ и здоровыя клѣточки общественныхъ мышцъ и нервовъ. Но для кого исторія имѣетъ человѣческій смыслъ, тотъ знаетъ, что тѣ и другія суть одинаково необходимыя общественныя слѣдствія предшествующихъ процессовъ, но что послѣднія обусловливаютъ развитіе, первыя же — это элементы разрушенія и гибели. Первому роду развитія (если уже употреблять это слово) слѣдуетъ противодѣйствовать въ настоящемъ и въ будущемъ на сколько можно. Второму роду развитія (который одинъ собственно и имѣетъ въ исторіи права

на это названіе) слѣдуетъ содѣйствовать. — Безсмысленное употребленіе слова Свобода до того знакомо всякому, сколько нибудь вдумывающемуся въ исторію, что объ этомъ и говорить, кажется, нечего: свобода для сильнаго сгубить слабаго, свобода для бѣднаго умереть съ голоду, свобода для родителей искажать физическія, умственныя и нравственныя способности дѣтей — представляетъ всѣма извѣстныя формы этого принципа. — Во имя разума углубляясь въ созерцаніе безусловнаго, отвергая критику факта; признавали существующее разумнымъ, отвергая критику общественныхъ формъ. Справедливость отождествляли съ законностью, хотя бы это былъ законъ Дракона. Подъ истиною подразумѣвали схоластическія положенія, недоступныя пониманію и требовавшія лишь тупаго повторенія. Добродѣтелью считали принесеніе лучшей личности въ жертву худшей, реальныхъ благъ въ жертву благамъ фантастическимъ. Исполненіе <u>долга</u> видѣли въ шпіонствѣ и въ варварствѣ; въ доносѣ семинариста іезуита на товарища; въ истребленіи цѣлыхъ народовъ мадіанитовъ, амалекитовъ, аммонитовъ; въ измѣнѣ слову данному иновѣрцу въ ауто-да-фе инквизиціи и въ рѣзнѣ Варфоломеевской ночи. Святость жизни находили въ отрицаніи развитія личности, въ отрицаніи истины и справедливости, въ тупомъ самоистученіи факира, въ звѣрскомъ состояніи отшельника, въ вѣрѣ въ немыслимое, въ гоненіи невѣру

ющихъ. Однимъ словомъ, всѣ самыя худшія, самыя животныя, противу-общественныя, унизительныя, противу-человѣчныя стороны человѣка нашли себѣ защитниковъ подъ маскою развитія, свободы, разума, добродѣтели, долга, святости. Только критика, постоянная, неусыпная критика, всегда предохранитъ мысль отъ увлеченія громкимъ словомъ въ лагерь, совершенно несогласный съ ея желаніями, наклонностями, со всею ея натурою. Общія начала были въ этомъ случаѣ самою обыкновенною вывѣскою, и крайне часто двѣ борющіяся партіи, существенно противуположныя, объявляли себя защитниками одного и того же великого принципа. Всѣ сектаторы называли себя истинно вѣрующими, а другія церкви-язычниками. Всѣ философы утверждали, что истинное, разумное пониманіе вещей находится только въ ихъ системѣ. За благо Рима стояли повидимому и Цезарь и Катонъ. Справедливости требовали и рабовладѣльцы, и противники рабства. Мыслящимъ людямъ приходилось доискиваться: у которой партіи великое слово имѣло настоящій смыслъ? Не было ли требованіе свободы (какъ у бельгійскаго духовенства) только требованіемъ права притѣснять другихъ? Не былъ ли призывъ къ справедливости (какъ у крѣпостниковъ и рабовладѣльцевъ) только желаніемъ узаконить безнравственный фактъ исторіи даже и тогда, когда его

безнравственность уже была доказана.

Казалось бы, что возможность служить знаменемъ для противуположенныхъ партій, заключающаяся въ слишкомъ обширномъ смыслѣ общихъ принциповъ, не существуетъ для частныхъ общественныхъ формъ. Семья, законъ, національность, государство, церковь, ассоціація съ ученою, экономическою или художественною цѣлью представляютъ опредѣленную задачу, которую понять не особенно трудно и, слѣдовательно, не трудно сказать, есть ли та или другая изъ этихъ формъ начало развивающее, прогрессивное или омертвляющее, реакціонное. Въ дѣйствительности, оно вовсе не такъ, но уже совсѣмъ по другой причинѣ, чѣмъ та, которая обращаетъ иногда великіе общіе принципы въ громкія фразы. Общіе принципы, именно по своей общности, получаютъ опредѣленное значеніе лишь при ясномъ сознаніи реальнаго содержанія, на которое они обращены. Частныя же общественныя формы, именно по своей частности, сами по себѣ ни прогрессивны, ни ретроградны: всѣ онѣ заключаютъ возможность прогрессивнаго вліянія на личность, какъ всѣ онѣ могутъ служить личности самаго тягостнаго задержкою на пути ея развитія. Историческое значеніе каждой изъ нихъ опредѣляется комбинаціею условій, при которыхъ существуетъ та или другая форма въ данную эпоху, и комбинаціею всѣхъ обществен

ныхъ формъ въ эту эпоху. Условія общественнаго роста неизбѣжно выдвигаютъ въ опредѣленное время данную форму на первое мѣсто, какъ двигателя прогресса, и въ это время общество можетъ развиваться лишь при условіи, чтобы всѣ прочія общественныя формы подчинились одной руководящей. Но условія измѣняются: то, что было вчера преобладающимъ основнымъ требованіемъ, сегодня становится лишь однимъ изъ требованій личности и общества въ числѣ многихъ другихъ. Формы общественнаго союза, вчера подчиненныя, сегодня требуютъ равноправности, а завтра — преобладанія; и общество должно перейти къ новой комбинаціи, если оно хочетъ остаться прогрессивнымъ. Форма, которая вчера преобладала и за преобладаніе которой боролись по праву вчерашніе прогрессисты, сегодня обязана уступить свое первенство, и тотъ, кто станетъ защищать его, будетъ реакціонеромъ. Новыя комбинаціи, въ свою очередь, будутъ имѣть свое время, послѣ котораго должны замѣниться новыми. Тотъ, кто будетъ поклоняться, какъ фетишу, временной комбинаціи общественныхъ формъ, рискуетъ неизбѣжно стать единомышленникомъ реакціи, потому что нѣтъ ни одной комбинаціи, которая бы разъ навсегда удовлетворяла требованіямъ прогресса. Общественныя формы для мыслящаго человѣка должны быть не болѣе, какъ непрочною историческою одеждою, не имѣющею самостоятельнаго смысла, но получающею свое значеніе

лишь потому, на сколько эти формы, въ данной комбинаціи, соотвѣтствуютъ требованіямъ данной эпохи, именно: свободному развитію личностей, справедливѣйшему отношенію между ними, возможно-широкому участію личностей въ благахъ цивилизаціи, упроченію этихъ благъ, устраненію опасности застоя.

Была для человѣчества эпоха, когда семья составляла основное развивающееся начало союза, когда экономическія, политическія, религіозныя, научныя требованія человѣчества разрѣшались наилучшимъ образомъ при безусловномъ преобладаніи патріарха надъ потомствомъ, при крѣпчайшей родовой связи поколѣній. Деспотизмъ одного лица, ненависть къ иноплеменнику, смѣшная генеалогическая гордость, предразсудочное сношеніе съ мертвыми предками, вражда племенъ и тогда, конечно, были слѣдствіями этого начала, приносили много страданій; но все таки, сравнительно, эта форма давала возможно-наименьшее количество страданій для общества и потому патріархальный строй былъ тогда прогрессомъ. Какъ ни рѣзались между собою племена изъ за родовой мести, все таки въ этой рѣзнѣ гибель меньше личностей, чѣмъ при недостаткѣ охраненія личности родовою связью. Какъ ни тяжело эксплуатировалъ патріархъ трудъ и жизнь членовъ своего племени, но единство въ дѣятельности племени позволяло этому племени

оградить отъ голода и опасности большее число лицъ въ своей средѣ, чѣмъ это возможно было бы этимъ лицамъ при разрозненной дѣятельности. Какъ ни безчеловѣчно люди патріархальнаго быта относились къ иноплеменникамъ, обращая ихъ въ рабство, истребляя или съѣдая ихъ, но все таки въ родовомъ союзѣ человѣкъ пріучался къ мысли, что онъ долженъ стоять за жизнь, за благополучіе, за достоинство не только собственной личности, и не только людей лично ему дорогихъ, но еще и за жизнь, за благополучіе, за достоинство другихъ людей, связанныхъ съ нимъ идеально лишь, что они имѣютъ съ нимъ равныя права, равныя обязанности, — лишь, что въ ихъ благополучіи — и его достоинство, въ ихъ оскорбленіи и ему оскорбленіе. — Лишь только законъ сталъ въ ограду личности, кровавая родовая месть сдѣлалась гибельнымъ общественнымъ предразсудкомъ и изъ элемента прогрессивнаго перешла въ реакціонный. Какъ только свободная экономическая ассоціація доставила личности болѣе обезпеченія и выгоды, чѣмъ семейный и племенной союзъ, то и защита экономическаго начала въ семьѣ получила характеръ ретроградный. Какъ только въ человѣкѣ выработалась мысль, что достоинство всякаго человѣка солидно съ его собственнымъ достоинствомъ, оскорбленіе всякаго человѣка есть и ему

оскорбленіе, толкуя о преимущественной связи людей одного происхожденія обратилась въ препятствіе на пути цивилизаціи.
Въ другую эпоху жизни человѣчества, законъ сдѣлался преобладающимъ началомъ и, по праву, началомъ прогрессивнымъ. Онъ обезпечилъ жизнь слабаго отъ произвола сильнаго. Онъ, закрѣпивъ договоры, далъ общинѣ возможность свободнаго и широкаго экономическаго развитія. Онъ былъ однимъ изъ существеннѣйшихъ орудій для воспитанія въ людяхъ понятія о томъ нравственной равноправности, о человѣческомъ достоинствѣ, выше всякихъ случайныхъ обстоятельствъ происхожденія, имущества и т.п. Но и законъ не всегда былъ и есть элементъ прогрессивный. Я еще разсмотрю въ другомъ письмѣ эту наклонность къ застою, которая неизбѣжно развивается съ усиленіемъ въ обществѣ формальнаго элемента закона; теперь довольствуюсь этимъ немногими указаніями. Законъ есть всегда - буква; жизнь общественная, въ своемъ непрерывномъ органическомъ развитіи, неизбѣжно разростается въ категоріи несравненно болѣе разнообразныя, чѣмъ могъ предвидѣть законодатель, и перерастаетъ быстро условія, при которыхъ законодатель, даже самый добросовѣстный, написалъ свою формулу. Тотъ, кто захочетъ, во что бы то ни стало, втискивать все

разнообразіе жизни въ установленныя формулы кодекса, будетъ не прогрессивнымъ дѣятелемъ. Тотъ, кто станетъ на сторону отжившаго закона въ виду новыхъ историческихъ потребностей, тотъ реакціонеръ. Конечно, почти все, сколько нибудь благоустроенныя общества, заключаютъ въ себѣ возможность отмѣнять отжившіе законы; но иногда эгоистическій интересъ нѣсколькихъ лицъ поддерживаетъ формальное существованіе закона, антипатичнаго весьма естественнымъ стремленіямъ общественнаго сознанія. Буква все живетъ въ кодексѣ и находитъ даже энергическихъ, заинтересованныхъ защитниковъ; но правда, жизнь, прогрессъ не съ нею. Тогда, какъ ни вѣрно съ юридической точки зрѣнія требованіе прокурора обвинителя, но правда на сторонѣ присяжныхъ, произносящихъ противъ очевидности: не виновенъ. Тогда, какъ ни законно дѣйствуетъ палачъ, кладя преступника на колесо, или полиція, огражденная орудія пытки, но прогрессъ на сторонѣ беззаконной толпы, вырывающей мученика изъ рукъ палача, разрушающей позорныя орудія.

Тогда, какъ ни правильно узаконенъ декретъ сената, что Цезарь-Августъ Домиціанъ — богъ и что предъ его статуею слѣдуетъ приносить жертву, какъ ни правильно требованіе Ѳессіера

кланяться его шляпѣ, но едва-ли исторія не на сторонѣ оборваннаго проповѣдника, который говоритъ: нѣтъ, Домиціанъ не богъ, и его статуѣ приносить жертва не должно; едва-ли она не на сторонѣ политическаго стрѣлка, который не кланяется шляпѣ Гесслера, а посылаетъ ему смертельный ударъ.

Въ эпоху послѣднихъ цезарей и первыхъ варварскихъ королей, церковь, какъ общественная форма, получила, по праву, преобладающее значеніе — и всѣ общественныя начала подчинились ей. Когда съ одной стороны римскій фискъ, съ другой грабежъ варваровъ отнимали у большинства всякія средства существованія, когда ни древнее право, ни новыя общественныя потребности не были довольно сильны, чтобы оградить слабости, — тогда епископъ, во имя духовнаго свѣдущаго авторитета, сталъ прогрессивнымъ общественнымъ дѣятелемъ.

Его забота была односторонна, но все таки это была забота о страждущихъ несчастныхъ. Его судъ былъ неправиленъ, но все-таки, это было какое-либо приближеніе къ справедливости. Онъ могъ иногда публично осудить дикій поступокъ даже въ императорѣ, котораго никто не судилъ. Онъ могъ, страхомъ

адскихъ мученій и мести угодниковъ остановить хотя иногда хищническіе порывы варваровъ, которыхъ ничто остановить не могло. Какъ ни дики были уставы Кассіановъ и Бенедиктовъ, но они доставляли, при данныхъ условіяхъ единственную традицію сохранить возможность знанія, просто-грамотности и элементарной культуры. Слѣдовательно, въ эту эпоху для западной Европы это были положительные элементы прогресса. Но уже въ самомъ скоромъ времени подобное представленіе объ общественномъ значеніи епископовъ и монастырей сдѣлалось на западѣ началомъ реакціоннымъ. Самый грубый патримоніальный судъ сталъ превышать вѣсъ суда церковнаго въ гражданскихъ дѣлахъ. Всѣ злоупотребленія феодализма, централизованной государственной администраціи, буквеннаго права, были ничтожны предъ злоупотребленіями вмѣшательства католической іерархіи въ дѣла общества. Самостоятельность церкви, какъ іерархическаго элемента, предъ лицомъ государства, стала идеей ретроградовъ. Господство теологовъ надъ прочими отраслями ученія сдѣлалось вреднѣйшею задержкою развитія. Только тамъ іерархическая организація являлась помощницею прогресса, гдѣ она становилась не руководительницею общества, но участницею борьбы за другія руководящія начала, за національность, за расширеніе культуры высшей расы среди низшихъ и т.п.

Позвольте еще примѣръ, на который я указалъ въ началѣ письма. Наука, конечно, въ своемъ процессѣ завоеванія, есть элементъ прогресса; но ученая ассоціація, какъ общественная форма, весьма можетъ быть, въ извѣстномъ случаѣ, въ кризисѣ развитія общества, когда вся наличная мысль должна быть направлена на вопросы жизни; когда всякій членъ общества, индифферентно относящійся къ этимъ вопросамъ, есть его врагъ; когда никто не имѣетъ права считать себя прогрессивнымъ человѣкомъ, если смотритъ съ пренебреженіемъ отшельника на ожесточенную полемику публицистовъ, на страстныя пренія [illegible], на кровавыя столкновенія партій. Въ эти эпохи, если ученая ассоціація понимаетъ свое человѣческое значеніе, то она придаетъ своимъ трудамъ направленіе, соотвѣтствующее потребностямъ общества, или ея члены, отодвигая на второй планъ свои изслѣдованія о половыхъ формахъ инфузорій, о покроѣ платья Людовика, о строеніи [illegible] пластовъ, — отдаютъ свои способности, свое время, свою жизнь вопросамъ жизни. Тогда создатель новой отрасли геометріи, Монжъ, проводитъ цѣлые дни въ мастерскихъ, пишетъ сжатыя и простыя наставленія для рабочихъ. Тогда участники въ созданіи научной химіи, Бертолле, Фуркруа, не считаютъ себя недостойными стоять у очага и обучать людей взявшихъ отъ

ніи. Когда создатель сравнительнаго языкознанія, Вильгельмъ Гумбольдтъ, направляетъ всю силу своего ума на возрожденіе Пруссіи. Астрономъ Араго сидитъ въ собраніи учредительной республики. Основатель целлюлярной патологіи, Вирховъ, громитъ Бисмарка въ парламентѣ. Но ученая ассоціація можетъ поступить и иначе. Она можетъ, тоже нерѣдко, большинствомъ своихъ виднѣйшихъ знаменитостей, употреблять свое вліяніе на распространеніе около себя индифферентизма къ страдающимъ массамъ, уваженія къ оффиціальному status quo, или, по крайней мѣрѣ, можетъ считать ниже своего достоинства участіе въ жизненныхъ вопросахъ дня. Въ этомъ случаѣ все ученое достоинство ея членовъ не спасетъ ее отъ неизбѣжнаго приговора исторіи. Ученая ассоціація, проповѣдующая во имя науки — конечно, дурно понятой науки — индифферентизмъ къ дѣйствительнымъ вопросамъ и устраняющаяся сама отъ участія въ нихъ, будетъ элементомъ реакціи, а не элементомъ прогресса.

Остановимся пока на этихъ примѣрахъ. Всѣ они доказываютъ одно. Начало развитія не принадлежитъ безусловно ни одной изъ простѣйшихъ общественныхъ формъ, но каждая изъ нихъ можетъ сдѣлаться, болѣе или менѣе, вліятельнымъ орудіемъ прогресса въ данную эпоху, при данной обстановкѣ. Реакціонные

83

защитники каждой изъ этихъ сторонъ, при всякихъ обстоятельствахъ, проповѣдуютъ безусловное реакціонное начало, такъ какъ при всякихъ данныхъ обстоятельствахъ одна и таже форма или, даже одна и таже комбинація формъ, преобладать не можетъ съ пользою для человѣчества. Формы должны поочередно господствовать и уступать мѣсто одна другой для правильнаго хода исторіи, историческаго процесса. Какъ же узнать въ данную минуту исторіи, гдѣ прогрессъ? Которая изъ партій его представительница? На всѣхъ знаменахъ написаны великія слова. Всѣ партіи проповѣдуютъ начала, которыя, при опредѣленныхъ условіяхъ, были и будутъ его двигателями. И то хорошо, и это не дурно. Но какъ же выбрать? Незнающему, немыслящему, готовому идти за чужимъ авторитетомъ, выбрать нельзя не ошибаясь. Никакое слово не тянетъ за собою присвоенія прогресса: онъ не втягивается ни въ одну формальную рамку. Ищи не за словомъ его содержаніе. Изучайте условія даннаго времени и данной общественной формы. Развейте въ себѣ знаніе и убѣжденіе. Безъ этого нельзя. Только собственное пониманіе, собственное убѣжденіе, собственная рѣшимость дѣлаютъ личность личностью, а внѣ личности нѣтъ великихъ принциповъ, нѣтъ прогрессивныхъ формъ, нѣтъ прогресса вообще. Важно не знамя, важно не слово на немъ написанное, важна

смыслъ знаменосца.

Чтобы удобнѣе разглядѣть эту мысль, надо уяснить себѣ въ чемъ состоитъ процессъ, помощью котораго люди придаютъ иногда подъ великія слова весьма скверныя вещи.

Письмо десятое.
Идеализація.

Часть міра и рабъ природы, человѣкъ, никогда не хочетъ сознаться въ своемъ рабствѣ. Подчиняясь безпрестанно безсмысленнымъ влеченіямъ и случайнымъ обстоятельствамъ, онъ никогда не желаетъ назвать свои побужденія — прямо несмысленными и свои дѣйствія — результатомъ случайныхъ вліяній. Въ самыхъ интимныхъ глубинахъ его души уже находимъ стремленіе скрыть отъ себя свою зависимость отъ неумолимыхъ законовъ безсознательнаго вещества, шаткость и непослѣдовательность своихъ дѣйствій. Это онъ сдѣлалъ при помощи идеализаціи.

Процессъ ея совершается такъ. Я сдѣлалъ хорошее или дурное дѣло подъ вліяніемъ минуты, не подумавъ даже о томъ, хорошо оно или дурно. Когда оно сдѣлано, является оцѣнка. Если оно, по моему, хорошо, я очень радъ. Но если я сознаюсь себѣ, что сдѣлалъ хорошее дѣло не подумавъ даже о томъ, хорошо ли оно, — то я въ своихъ глазахъ выигрываю немно

го. Можетъ быть я сообразилъ, но не помню, и вотъ теперь припоминаю: дѣйствительно, я быстро сообразилъ, что это хорошо, и быстрота соображенія увеличиваетъ еще мое достоинство: я и хорошій и весьма быстро соображающій человѣкъ. — Но допустимъ, что я одаренъ весьма хорошимъ началомъ, чтобы на этомъ счетѣ не ошибиться. Прекрасно. Я сдѣлалъ хорошее дѣло не обдумывая, не разсчитывая, но по внутреннему влеченію своей природы. Значитъ моя природа на столько проникнута хорошими началами, что я дѣлаю хорошія дѣла, не имѣя даже вовсе нужды сознавать разумомъ, на сколько они хороши. Я хорошій человѣкъ не по развитію умственному, но по природѣ. Я принадлежу, значитъ, къ исключительно-хорошимъ людямъ. — А то есть еще одинъ пріемъ, годный при другихъ привычкахъ мысли: Я сдѣлалъ хорошее дѣло не отъ себя: оно мнѣ было внушено свыше, сверхъестественною силою, направляющею волю и дѣйствія людей безъ участія ихъ разумѣнія. Я былъ избранъ орудіемъ высшей силы въ ея намѣреніи осуществить хорошее дѣло. Кажущаяся скромность послѣдняго пріема скрываетъ еще большее самовозвышеніе, чѣмъ пріемы, прежде разсмотрѣнные. Во всѣхъ случаяхъ, изъ совершенно несознаваемаго поступка, случайно выпавшаго, по своимъ послѣдствіямъ, хорошимъ [illegible]

заключенія: что я человѣкъ очень хорошій и замѣчательно-быстро соображающій; что я исключительно хорошій человѣкъ по самой природѣ; что я единственный, избранная свыше на это дѣла.

Когда дѣло дурно, то пріема идеализаціи не только мнѣ, но подмѣшанъ подобнымъ [illegible]тарізмомъ. Во первыхъ, послѣдній пріемъ годится и здѣсь безъ всякаго измѣненія. Я это сдѣлалъ не отъ себя, но былъ орудіемъ гнѣва и силы высшихъ силъ. Они избрали меня на дѣло, которое только КАЖЕТСЯ дурнымъ слабому человѣческому разуму, но высшій разумъ судитъ иначе и если онъ рѣшилъ, чтобы его избранникъ совершилъ это дѣло, значитъ, въ сущности оно не дурно. — Раціоналистъ замѣнитъ говоритъ не о высшихъ силахъ, но о высшихъ законахъ, управляющихъ событіями и выводящихъ хорошія слѣдствія изъ дурныхъ дѣлъ, о высшей гармоніи всего сущаго, гдѣ по смыслу сущности суть отдѣльныя ноты, звуки которыхъ рѣжетъ ухо, если слышать ихъ отдѣльно, но необходимыхъ для стройности цѣлаго. Оказывается, что дурное дѣло, какъ необходимый элементъ всеобщей гармоніи, вовсе не дурно, и сдѣлавшій его слѣдовало, а, изъ совершившаго дурное дѣло, самъ исполнитель [illegible] всеобщаго закона.

— Но замѣтьте всѣ люди при этомъ употребляютъ пріемы предполагаемаго высшаго разума.

Дѣло, взятое само по себѣ, положимъ дурно, но память быстро развертываетъ длинный рядъ великихъ принциповъ, примѣряя ихъ къ моему поступку и, если который нибудь изъ нихъ хотя издали придется по мѣркѣ, то воображеніе подсказываетъ, что я именно имѣлъ въ виду этотъ принципъ при совершеніи своего поступка. Я побранился съ пріятелемъ и убилъ его на дуэли: я защищалъ великій принципъ чести. Я увлекъ женщину и бросилъ ее съ ребенкомъ на улицу безъ средствъ существованія: я слѣдовалъ великому принципу свободы привязанностей. Я составилъ съ крестьянами невыгодный для нихъ договоръ и довелъ ихъ юридическими исками до нищеты: я поступалъ во имя великаго принципа законности. Я донесъ на неосторожнаго говоруна: я поддерживалъ великій принципъ государства. Въ трудное для литературы время я топчу въ грязь изъ сильнаго озлобленія послѣдніе органы идей моей же партіи: я борюсь за великій принципъ самостоятельности мнѣній и чистоту литературныхъ нравовъ. Едва ли кто есть такое скверное дѣло, которое бы рѣшительно нельзя было подвести ни подъ одинъ изъ великихъ принциповъ. Выходитъ, что съ высшей точки зрѣнія дѣло мое не только не дурно, но хорошо. — Опять неосмысленный поступокъ, несмотря на то, что выказался вред

нымъ по своимъ послѣдствіямъ, выставили меня
защитникомъ великихъ принциповъ, полезнымъ
участникомъ всемірной гармоніи, избраннымъ
орудіемъ высшей воли.

Какъ я уже сказалъ, идеализацію мы встрѣ-
чаемъ въ самыхъ интимныхъ глубинахъ ду-
ши человѣка. Первое проявленіе ея даже
такъ глубоко сплетается съ психическою
дѣятельностью человѣка, что выдѣлить эту идеа-
лизацію изъ человѣческаго сознанія невоз
можно. Можно только придти путемъ
аналогіи и строгаго вывода къ умствен
ному убѣжденію въ фактѣ этой идеа-
лизаціи, но тѣмъ не менѣе она оста-
нется основою всей нашей практической
дѣятельности и всѣхъ нашихъ нравст
венныхъ теорій. Я говорю объ идеализа
ціи свободной воли, которая неиз-
бѣжно ставитъ личность предъ собою,
какъ существо, отвѣтственное за свои
поступки, какъ единственный созна-
ваемый его источникъ собственной дѣ
ятельности. Теоретическое познаніе раз
лагаетъ этотъ источникъ на дальнѣй
шія и указываетъ въ свободной волѣ
лишь одно изъ необходимыхъ слѣдствій
предшествующаго ряда событій; въ тоже вре
мя и одно изъ необходимыхъ орудій въ об
щемъ процессѣ стройныхъ событій. Антро
пологическая точка зрѣнія въ философіи

позволяетъ сопоставить область теорети-
ческаго познанія съ областью нравственнаго
сознанія, и въ послѣдней области, выхо-
дить изъ первоначальнаго, субъективнаго
факта свободной воли для себя, независи-
мо отъ теоретическаго значенія этого фак-
та въ общемъ процессѣ міра. Это даетъ
прочную основу практической философіи и
позволяетъ въ этихъ письмахъ говорить
съ читателемъ о нравственномъ долгѣ лич-
ности, нравственной необходимости борь-
бы личностей противъ отживающихъ об-
щественныхъ формъ, о нравственныхъ идеа-
лахъ и объ историческомъ прогрессѣ, изъ нихъ
вытекающемъ. Всѣ эти предметы имѣ-
ютъ смыслъ только въ области практи-
ческой философіи, какъ предметы дѣйст-
вительные. Для философіи теоретической
это предметы дѣйствительнаго психическа-
го наблюденія, но не предметы реальнаго
міра. Но такъ какъ реальный міръ и дѣйст-
вительное психическое наблюденіе, неустрани-
мое изъ человѣческой природы, имѣютъ для
человѣка одинакое значеніе, то, съ антро-
пологической точки зрѣнія, я былъ въ
полномъ правѣ опираться на начало от-
вѣтственности предъ собою, какъ на пси-
хическій фактъ, лежащій на основѣ практи-
ческой философіи. Для лицъ, принимающихъ
другую философскую точку зрѣнія, подобное

разсужденіе было бы непослѣдовательно, — хотя
почти всякъ къ нему приходитъ. — Пусть чита-
тель извинитъ эту диссертацію о пунктѣ
нѣсколько отвлеченность по самой сущно-
сти. Но это нужно было для двухъ цѣлей;
читатель, нѣсколько глубже вникающій въ
предметъ, получитъ здѣсь объясненіе основ-
ныхъ взглядовъ, о которыхъ не приходилось
говорить въ этихъ письмахъ; кромѣ того на
этомъ примѣрѣ видно, какъ глубоко коренит-
ся въ человѣкѣ стремленіе къ идеализаціи,
т.е. къ выдѣленію себя изъ неизмѣнной свя-
зи явленій, и къ осмысливанію въ себѣ даже
того, что представляетъ въ дѣйствитель-
ности только подчиненіе необходимости.
Если начало относительности предъ со-
бою должно быть признано неизбѣжною
идеализаціею въ человѣкѣ, а потому устра-
нено быть не можетъ, то оно есть един-
ственная идеализація, имѣющая право на
подобную привилегію. Неизбѣжное приходит-
ся терпѣливо принять. Все, чего избѣгать мо-
жно, слѣдуетъ допустить лишь на основа-
ніи критики. Приступая съ этимъ тре-
бованіемъ къ явленіямъ идеализаціи, мы
замѣчаемъ какъ широко прилагала она свой
пріемъ осмысленія безсознательныхъ процес-
совъ. При этомъ она далеко не ограничивалась
человѣкомъ, но пыталась очеловѣчить весь
окружающій міръ. Наблюденіе [illegible]

зываетъ три группы идеализацій, выходящихъ изъ желанія человѣка внести во всѣ явленія или въ большинство ихъ сознаніе и разумъ. Во первыхъ, явленія представляются человѣку какъ дѣйствія сверхъ-естественныхъ, внѣ-міровыхъ личностей, одаренныхъ сознаніемъ, разумомъ и волею. Во вторыхъ, явленія представляются ему какъ проявленія единой сознательной и разумной сущности міра. Наконецъ, въ третьихъ, явленія представляются ему какъ дѣйствія совокупности реальныхъ *существъ*, одаренныхъ сознаніемъ, разумомъ и волею, и составляющихъ міръ. Такъ какъ два первые способа идеализаціи получаются не при прямомъ наблюденіи, а являются какъ результатъ сложныхъ соображеній, не допускающихъ провѣрки наблюденіемъ или опытомъ, то мы ихъ поставимъ въ сторону. Относительно же послѣдняго способа идеализаціи, замѣтимъ, что онъ въ первобытномъ человѣчествѣ имѣлъ широкое распространеніе и въ низшихъ расахъ еще не потерялъ его и теперь. Именно въ этихъ случаяхъ, приписывали сознаніе, разумъ и волю большей части предметовъ міра. Затѣмъ критика мысли все болѣе съуживала 16
кругъ сознательныхъ предметовъ. Была попытка признать психическіе процессы за однимъ человѣкомъ, но потомъ ока-

залось необходимымъ распространить ихъ и на многихъ животныхъ въ разной постепенности. За то и въ человѣкѣ критика открыла длинный рядъ постепенностей разумности дѣйствій. Она нашла въ немъ группу явленій чисто-механическихъ, безсознательныхъ. Затѣмъ — другую группу явленій, гдѣ самыя низшія животныя влеченія сознаются, но дѣйствуютъ съ неудержимою силою, безъ всякаго участія размышленія. Затѣмъ еще новую группу, гдѣ рутинный ходъ мысли совершается какъ-бы механически, хотя нельзя сказать чтобы сознаніе или размышленіе здѣсь отсутствовало, или чтобы быстрота дѣйствія отнимала оцѣнку его, тѣмъ не менѣе оцѣнка личной отвѣтственности передъ собою является лишь въ послѣдствіи, когда дѣло сдѣлано или больше чѣмъ на половину, или совсѣмъ. Еще далѣе, мы встрѣчаемъ весьма сложную группу дѣйствій, совершаемыхъ подъ вліяніемъ сильныхъ аффектовъ и страстей; тутъ большею частію присутствуютъ и размышленіе и нравственная оцѣнка отвѣтственности передъ собою, но сила аффекта или страсти преобладаетъ на столько, что человѣкъ ей подчиняется на зло размышленію и нравственнымъ требованіямъ. Толь-

зи этой третьей лежитъ область дѣйствій, въ которыхъ человѣкъ является разумнымъ и вполнѣ отвѣтственнымъ предъ собою существомъ. Есть люди, большая часть жизни которыхъ проходитъ безъ того, что бы какое либо дѣйствіе ихъ можно было считать принадлежащимъ къ послѣдней группѣ, при чемъ самое большое число дѣйствій человѣческихъ надо отнести къ группѣ третьей, т.е. къ дѣйствіямъ, совершеннымъ подъ вліяніемъ рутины, привычки и преданія, какъ совершаютъ свои дѣйствія, часто довольно сложныя, всѣ культурныя животныя. Оцѣнка отвѣтственности, какъ мы сказали, приходитъ при этомъ въ продолженіи самаго дѣйствія, или по окончаніи его, а иногда и совсѣмъ не приходитъ. Степень умственнаго развитія человѣка опредѣляется долею, которую составляетъ послѣдняя, вполнѣ сознательная группа дѣйствій, во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Изъ предыдущаго видно, что подыскиваніе разумнаго мотива къ совершенному дѣйствію не можетъ быть признано пріемомъ всегда раціональнымъ, что въ человѣческихъ дѣйствіяхъ участвуютъ чаще стимулы элементарнѣе, чѣмъ зоологическіе, чѣмъ человѣческіе. На сколько это необходимо имѣть въ виду при примѣненію дѣла взвѣшиванія приговора и дѣла построенія уголовнаго права, на столько же оно необходимо политику и обществ-

ственному знанію, для критическаго отношенія къ человѣческимъ дѣйствіямъ въ минувшемъ и въ настоящемъ, къ стремленіямъ людей идеализировать свои и чужія дѣйствія, подыскивая къ нимъ разумные мотивы, наконецъ для того, чтобы не ошибаться въ разсчетѣ при преслѣдованіи практическихъ цѣлей.

Какъ ни ограниченъ въ человѣчествѣ кругъ дѣйствій, которыя можно назвать разумными, но стремленіе къ идеализаціи, представляющей дѣйствія разумными, весьма широко, и потому большинство людей склонны представлять всѣ случайныя, рутинныя, страстныя свои дѣйствія, какъ дѣйствія разумныя. Иные совершаютъ этотъ процессъ идеализаціи совершенно искренно, другіе же — только для возвышенія своего Я предъ другими людьми или для достиженія своекорыстныхъ цѣлей. Но недостатокъ знанія и узкость мысли не позволяютъ значительному числу людей этого дѣлать самимъ. Тогда они очень рады, когда за нихъ сдѣлаютъ это другіе, и охотно примыкаютъ къ тѣмъ людямъ, которые позволяютъ имъ выдать свою тупость за размышленіе, свои животныя влеченія за нравственно-политическія начала, свою рутину за консервативную теорію, свою трусость за преданность государству, свою подлость за геройство, свое любостяжаніе за служеніе праву, свои

свое озлобленіе за борьбу противъ свѣта. Этимъ именно доставляется партіямъ, пишущимъ на своихъ знаменахъ великія слова, наибольшее число приверженцевъ. Всегда при поднятіи подобнаго знамени, есть люди, которые нуждаются въ немъ для прикрытія громкимъ словомъ пошлаго содержанія своей дѣятельности. Поэтому различныя провозгласители великихъ принциповъ, подъ защитою которыхъ предводители которыхъ имѣютъ въ виду осуществить экономическія интересы своего сословія или кружка, въ большей части случаевъ, тѣмъ скорѣе собираютъ партіи приверженцевъ чѣмъ эта партія становится тѣмъ обширнѣе, чѣмъ удобнѣе прикрываетъ новымъ знаменемъ механическія дѣйствія, рутинныя и страстныя стремленія личностей. Въ этомъ случаѣ совершенно идеализація тѣмъ удобнѣе, что, въ продолженіи человѣческой исторіи, каждое изъ громкихъ словъ не разъ бывало на самомъ дѣлѣ девизомъ передовой партіи, двигателемъ прогресса, и потому, въ подобныя эпохи поэзія и философія, общій и преданіе совершенно искренно и правомѣрно окружали подобное слово ореоломъ величія. Подъ этимъ лозунгомъ идеализаторамъ остается указать на этихъ двигателей, заботливо искореняя изъ памяти и чужихъ, и черпать изъ прошлаго, или изъ чужого, оружіе для своихъ цѣлей.

Въ этихъ подобныхъ заявленіяхъ критика должна еще строже относиться къ громкимъ словамъ, написаннымъ на знаменахъ партій и еще внимательнѣе разсматривать, на сколько подъ ними скрывается идеализація унизительныхъ или правомѣрныхъ влеченій личности.

Въ предыдущемъ письмѣ я отдѣлилъ двѣ группы великихъ идей, соотвѣтствующія общимъ началамъ и частнымъ общественнымъ формамъ. Это мы сдѣлаемъ и здѣсь. Относительно общихъ началъ пріемъ критики для раскрытія ложной идеализаціи весьма простъ: надо лишь разобрать, въ какомъ смыслѣ партіи употребляютъ слова: разумъ, свобода, общее благо, справедливость и т.д. Надо провѣрить на сколько смыслъ, придаваемый ими этимъ словамъ, соотвѣтствуетъ, въ данномъ случаѣ, ихъ дѣйствительному прогрессивному значенію. Это, конечно, возможно лишь тогда, когда критика сама предварительно уяснила себѣ дѣйствительное значеніе этихъ словъ.

Для частныхъ общественныхъ формъ задача сложнѣе. Я уже говорилъ въ шестомъ письмѣ, что общественныя формы вырабатываются естественными потребностями и влеченіями. На сколько эти потребности и влеченія естественны, на столько же и формы, ими выработанныя, правомѣрны, но не далѣе. Между тѣмъ, въ исторіи, форма, выработанная одною потребностью оказывалась часто [illegible]-

ною, т. е. наилучшимъ для удовлетворенія насущныхъ потребностей; вслѣдствіе того, эта форма обращалась въ органъ для самыхъ разнородныхъ функцій, и, въ этомъ видѣ, — подвергалась искренней и ложной идеализаціи, — была провозглашаема знаменемъ партій, существеннѣйшимъ орудіемъ процесса. Въ этомъ случаѣ дѣло критики двойное. Во первыхъ, ей приходится разобрать, какія дѣйствительныя стремленія партій скрываются подъ словомъ, написаннымъ на ихъ знамени. Во 2-хъ, ей надо доискаться той естественной и, слѣдовательно, правомѣрной потребности, которая вызвала къ существованію ту форму, которая выставлена на знамени партіи, какъ основной ея принципъ. Первымъ путемъ критика разрушаетъ ложную идеализацію тѣхъ, которые выставляютъ форму по сущности можетъ быть и почтенную, въ защиту стремленій, не имѣющихъ съ нею ничего общаго. Вторымъ путемъ критика борется и противъ тѣхъ, которые сдѣлали изъ громкаго слова фетишъ, не понимая его смысла, и противъ ложныхъ идеализаторовъ другого рода именно тѣхъ, которые отрицаютъ правомѣрность потребности, вполнѣ естественной и этимъ вызываютъ или искаженіе человѣческой природы, или, что всего чаще, лицемѣріе. Послѣдняя задача имѣетъ сторону не толь-

но отрицательную, но и положительную, от-
крывая въ основѣ данной общественной формы
естественную потребность, естественное вле-
ченіе, критика тѣмъ самымъ признаетъ эти
основы правомѣрности и требуетъ построе-
нія общественныхъ формъ на основаніи ис-
кренности чувства, т.е. на основаніи искрен-
няго отношенія къ естественнымъ потреб-
ностямъ и влеченіямъ, лежащимъ въ природѣ
человѣка. Это осуществленіе въ общественныхъ
формахъ нравственныхъ идеаловъ, кореня-
щихся въ самой природѣ человѣка, составля-
етъ законную и человѣческую идеализацію
его естественныхъ потребностей, въ проти-
воположность призрачной идеализаціи ихъ
подъ видомъ исторически-образовавшихся куль-
турныхъ формъ, имъ вовсе не соотвѣтству-
ющихъ. Всякая потребность допускаетъ закон-
ную и человѣчную идеализацію, собственно ей
принадлежащую, точно также, какъ отрицать
въ ней можно только то, что внесено въ нее куль-
турою; этимъ и ограничивается отношеніе
къ ней мысли. Отрицая законъ природы, мы
его не уничтожаемъ, а только дадимъ ему
болѣе патологическое проявленіе при преоб-
ладаніи лицемѣрія въ общественной формѣ.
Призрачная идеализація не можетъ измѣнить
ни на волосъ законъ природы и вноситъ въ нрав-
ственныя формы лишь ложность, всегда-
дающую болѣе дикой и менѣе нравственной

[illegible]ности возможность притѣсненія и гнѣ-
тущими [illegible] и болѣе нравственную.

Но именно эта ложность и несправедливость, внесенная въ общественныя формы [illegible] эгоистическими интересами подъ прикрытіемъ призрачной идеализаціи, вызываетъ постоянное раздраженіе противъ общественныхъ формъ и сообщаетъ имъ непрочность. Единственный путь для приданія имъ большей прочности заключается именно въ приданіи имъ настоящей жизненности, т. е. въ замѣнѣ призрачной идеализаціи истинною. Въ этомъ-то преимущественно и заключается тотъ процессъ работы мысли надъ культурными формами, который составляетъ движеніе цивилизаціи. Какъ читатель видитъ, въ этомъ процессѣ нѣтъ собственно ничего отрицающаго, разрушающаго, революціоннаго. Мысль стремится постоянно доставить общественнымъ формамъ больше прочности, отыскивая имъ дѣйствительныя основы въ настоящихъ человѣческихъ потребностяхъ; изучая эти потребности, она скрѣпляетъ общественныя формы наукою и справедливостью. То, что отрицаетъ критика мысли, есть именно элементъ, сообщающій общественнымъ формамъ непрочность. Разрушаетъ она именно то, что грозитъ разрушеніемъ цивилизаціи. Революцію она стремится предупредить, а не вызвать.

Обращаясь къ самой элементарной человѣческой

потребности — къ потребности питанія, мы и здѣсь уже встрѣчаемъ ложную идеализацію въ формѣ искусственной потребности къ дорогимъ лакомствамъ, развившей культурно и въ формѣ призрачнаго благодѣянія даровыхъ пировъ, развивающихъ паразитство. Въ тоже время ложная идеализація аскетизма, отрицая, что каждый человѣкъ долженъ быть сытъ, привела естественнымъ путемъ, къ безсмысленному скопленію драгоцѣнныхъ металловъ въ храмахъ боговъ, гдѣ они никому не нужны и къ обращенію центровъ отшельничества въ убѣжища безнравственности и невѣжества. Наука противупоставила обѣимъ этимъ призрачнымъ идеализаціямъ, признаніе потребности питанія естественною и правомѣрною, и построеніе ея удовлетворенія на основаніи физіологіи и соціологіи. Если она идеализиру-
етъ потребность питанія, то идеализиру-
етъ ее правильно, указывая, сколько пищи нужно данной личности, въ размѣрахъ какой цѣнности она можетъ быть присвоена личностью безъ нарушенія справедливости въ ея распредѣленіи — и развивая технику культурнаго искусства для здороваго, экономическаго и вкуснаго приготовленія потребнаго количества пищи. То, что можно сказать объ этой элементарной потребности питанія, приходится еще лучше ко всѣмъ остальнымъ, и прогрессъ всѣхъ общественныхъ

формъ заключается всегда именно въ болѣе строгомъ различеніи естественныхъ потребностей, ихъ вызывавшихъ, въ болѣе искреннемъ отношеніи къ этимъ потребностямъ, въ разсѣяніи призраковъ, съ ними связанныхъ, и въ идеализаціи ихъ лишь тѣмъ путемъ, который указанъ самою сущностью потребности. Разсмотримъ главнѣйшія формы поочередно.

Половое влеченіе вызвало первую крѣпкую общественную форму — семью. Бѣдность культурнаго развитія имѣла слѣдствіемъ, что эта общественная форма должна была удовлетворить разомъ и потребности воспитанія растущаго поколѣнія, и потребности экономическаго обезпеченія личностей, и потребности защиты ихъ отъ внѣшнихъ враговъ, и потребности огражденія одной личности семьи отъ насилія другой, и потребности накопленія знанія и потребности творчества. Глава семьи оказался разомъ и руководителемъ дѣтей, и всестороннимъ промышленникомъ, политическимъ дѣятелемъ, судьею, хранителемъ преданій теоретическаго и практическаго, лирикомъ въ молитвѣ, эпикомъ въ мифѣ, актеромъ въ культѣ — и все это потому лишь, что совокупился съ плодородною женщиною. Привычка и преданіе облекли семейную связь въ этой сложной формѣ поэтическою прелестью, величіемъ священнаго союза, божескаго закона, путами об-

щественнаго мнѣнія. Въ тоже время аскетизмъ отрицалъ не только существующія культурныя формы семьи, но признавалъ половое влеченіе оскверненіемъ человѣческаго достоинства и проповѣдывалъ воздержаніе отъ половой связи. Результатомъ ложной идеализаціи семьи — явилось страшное злоупотребленіе главы семьи: обращеніе брака въ куплю и продажу, подчиненія дѣтей родителямъ въ рабство; явился въ семьѣ развратъ, подъ маскою приличія, превзошедшій всѣ излишества явнаго разврата; она дошла до уничтоженія въ своей средѣ всякихъ человѣческихъ отношеній, представляла разумъ лишь лицемѣрію и униженію личности. Точно также аскеты, проповѣдывавшіе воздержаніе отъ половой связи не могли уничтожить полового влеченія, если не прибѣгали къ радикальнымъ мѣрамъ скопцовъ. И здѣсь было лишь два исхода: или искаженіе человѣческой природы, или лицемѣріе, прикрывающее еще болѣе изысканное влеченіе къ тому, что явно отрицалось. Большинство фанатическихъ сектаторовъ, пошедшихъ этимъ путемъ, пришло къ искаженію физическаго организма человѣка; но инымъ, напр. шекерамъ, по-видимому удалось исказить человѣка въ этомъ отношеніи психически. Тамъ же, гдѣ фанатизмъ переставалъ дѣйствовать водворилось лицемѣріе и подъ ангельскою о-

длинную аскетовъ и аскетокъ, отрекшихся отъ всего плотскаго, — часто скрывалось еще болѣе животныхъ побужденій, чѣмъ среди міранъ. Знаменитые процессы въ этомъ случаѣ доказали, что такъ называемыя убѣжища чистоты дѣлались на самомъ дѣлѣ аренами оргій, прошедшихъ не только всѣ ступени естественныхъ потребностей, но заглянувшихъ весьма далеко и въ область влеченій, которыя новая [illegible] признала противоестественными. Случалось и то, что мистическое отрицаніе половыхъ влеченій мирилось въ восторженныхъ экстазахъ нѣкоторыхъ сектаторовъ съ ихъ искусственнымъ преувеличеніемъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы видимъ, что аскетизмъ вызывалъ среди общества появленіе ложныхъ стремленій въ группахъ людей, имѣвшихъ спеціальное назначеніе отрицать или искажать основное влеченіе человѣческой природы и ставившихъ себѣ это въ заслугу.

Прогрессъ въ исторіи семьи шелъ тремя путями, изъ которыхъ самый существенный былъ постепенное выдѣленіе изъ дѣятельности главы семьи тѣхъ атрибутовъ, которыми онъ былъ облеченъ, по необходимости, лишь при самомъ неразвитомъ состояніи культуры. Критическая мысль выработала промышленную систему раздѣленія работъ, сначала по наслѣдству въ кас-

тамъ, потомъ по личному влеченію; выработала политическую систему государственной обороны личностей отъ внѣшнихъ враговъ съ разнообразнымъ участіемъ подданныхъ въ управленіи; выработала юридическую систему судовъ, не причастныхъ интересамъ подсудимыхъ; выработала методическое подготовленіе къ научнымъ работамъ, не зависимое отъ авторитета главы семейства; выработала образцы искусства, сдѣлавшіе художественную дѣятельность достояніемъ лишь особенно одаренныхъ личностей; выработала (и вырабатываетъ еще) педагогическую систему воспитанія молодого поколѣнія лишь тѣми изъ взрослыхъ личностей, которые подготовились къ этому надлежащимъ образомъ умственно и нравственно.

По мѣрѣ того, какъ мало атрибутовъ главы семьи ограничивалось, мысль имѣла подъ собою лучшую культурную почву и для борьбы противъ ложной идеализаціи въ этой сферѣ. Панегирику семьи противополагалась ея сатира. Скептицизмъ и циническіе нападки колебали ея святыню. Законъ оградилъ членовъ семьи отъ деспотизма ихъ главы и допускалъ разводъ. Общественное мнѣніе искало другихъ идеаловъ. Параллельно съ этимъ на почвѣ науки и справедливости критическая мысль боролась съ аскетизмомъ, отрицавшимъ половыя в[illegible]

ніе вообще. Физіологія доказывала неестественность аскетизма, политическая экономія доказывала его разорительность для общества, исторія доказывала призрачность его преданій и его несостоятельность въ проведеніи собственнаго идеала.

Въ замѣнъ этихъ сложныхъ идеаловъ, блѣднѣющихъ подъ ударами критики мысли, настоящая идеализація половыхъ влеченій шла именно указаннымъ выше путемъ: требованіемъ искренности. Какъ физіологическое влеченіе, это былъ неотрицаемый естественный фактъ. Онъ дѣлался человѣчнымъ, какъ свободный выборъ. Съ давнихъ временъ этотъ выборъ идеализированъ эстетически, какъ выборъ во имя любви къ красотѣ. Процессъ идеализаціи заключается лишь въ томъ, что красота или привлекательность обратились, по мѣрѣ работы мысли, лишь въ поводъ къ выбору, а его настоящею основою стало умственное и нравственное достоинство. Идеализація любви независимо отъ семейной связи и на зло аскетизму — воспѣвалась уже давно, какъ сохранились слѣды человѣческаго слова; но она постоянно звучала чѣмъ-то ложнымъ, когда рядомъ съ пѣснями аэди, трубадуровъ, миннезингеровъ, рядомъ съ мадригалами XVII и XVIII вѣковъ, съ лирическими изліяніями современниковъ Шиллера, существовали культурныя привычки га-

земной жизни, браковъ по волѣ сюзерена, по волѣ родителей, по торговымъ разсчетамъ, и когда бракъ и любовь вызывали одинаково представленія вѣчной обязательности. Пока женщина стояла ниже мужчины и по культурнымъ привычкамъ и по развитію мысли, до тѣхъ поръ нравственные идеалы оставались различны для любящихъ и слѣдовательно идеализація взаимнаго влеченія не представляла слѣда равноправности. Женщина стремилась найти въ мужчинѣ нравственный идеалъ силы, ума и энергіи характера, общественнаго вліянія и гражданской дѣятельности, но этотъ идеалъ былъ для нея не идеаломъ, а идоломъ, потому что сама она отказывалась отъ его осуществленія въ жизни. Мужчина искалъ въ женщинѣ только эстетическій идеалъ красоты и граціи, считая этотъ самый идеалъ унизительнымъ для себя и допуская въ себѣ даже грубость формъ какъ элементъ достоинства. По этому со стороны женщины не могло быть и рѣчи о правильной идеализаціи полового влеченія. Осужденная на поклоненіе идолу, заключавшему, впрочемъ, правомѣрное влеченіе къ нравственной силѣ, она несла въ этомъ случаѣ весь гнетъ обязательныхъ культурныхъ формъ семьи. Вся работа мысли въ процессѣ идеализаціи путемъ правомѣрнаго влеченія къ красотѣ приходилась на выгоду мужчинѣ, которому культура присвоила право свободнаго выбора. Настоящая идеализація взаимной любви возможна лишь

съ того времени, когда женщина вызываетъ къ себѣ уваженіе во имя того же самаго идеала нравственнаго достоинства, который поставленъ и для мужчины. Тогда союзъ любви представляется обоюднымъ свободнымъ выборомъ двухъ существъ, взаимно привлеченныхъ физіологически и сближающихся потому, что каждый уважаетъ въ другомъ человѣческое достоинство въ его всестороннемъ проявленіи. Физіологическое влеченіе остается правомѣрною основою сближенія личностей, но оно подвергается законной и человѣчной идеализаціи; союзъ личностей упрочивается тѣмъ, что стремясь къ одинаковымъ нравственнымъ идеаламъ, они, своимъ союзомъ, взаимно совершенствуютъ и развиваютъ другъ друга. Это самое обращаетъ случайное влеченіе въ прочное нравственное сближеніе, не навязанное извнѣ, не обязательное во имя культурныхъ привычекъ и преданій, но выработанное самими личностями. Внѣшняя обязательность перестаетъ имѣть какое либо значеніе предъ болѣе крѣпкою связью. Взаимное уваженіе дѣлаетъ связь святынею, при чемъ свобода отношеній устраняетъ всякое лицемѣріе, и взаимное довѣріе дѣлаетъ соединяющіеся личности наиболѣе способными къ взаимной помощи и въ экономической борьбѣ, и въ работѣ мысли, и въ общественномъ дѣлѣ, и въ педагогическомъ отношеніи къ растущему поколѣнію.

Такимъ образомъ, искреннее отношенiе къ естественному влеченiю, устраняя призрачныя и лживыя культурныя формы, ставитъ передъ семьею новый идеалъ, выработанный мыслью, идеалъ, имѣющiй всѣ достоинства прежнихъ идеаловъ семьи, но охраняющiй въ высшей мѣрѣ ея прочность, такъ какъ онъ опирается на научныя данныя, на требованiя справедливости, на достоинство человѣческой личности.

Возьмемъ другую потребность, проявившуюся на первыхъ шагахъ человѣческой культуры — потребность экономическаго обезпеченiя, которая создала разнообразныя формы: собственности, наслѣдственности, пользованiя, экономическаго союза между капиталомъ и трудомъ и т. д. При низкомъ развитiи общества, возможность заработки для личности была мало обезпечена. Сегодня охота, грабежъ, удобныя условiя погоды, давали возможность человѣку прiобрѣсти много, но за тѣмъ эта добыча могла долго не повториться. А питаться надо было не только сегодня, но и завтра и послѣ завтра. Кромѣ того, въ семьѣ были старики и дѣти, не способные добывать себѣ пищу. Надо было подумать о ихъ обезпеченiи. Самое простое и рацiональное рѣшенiе заключалось въ томъ, чтобы въ удачный день запасаться излишкомъ на случай

возможной неудачи втеченіи дней. Ловкій охотникъ, счастливый грабитель присвоивалъ себѣ все, что могъ захватить для обезпеченія на будущее время себя и своей семьи. Вещь, имъ захваченная становилась его исключительною монопольною собственностью даже тогда, когда ни онъ, ни семья ею воспользоваться не могли. Дѣти становились тоже монопольными собственниками того, что было добыто отцемъ и это имѣло мѣсто даже въ томъ случаѣ, когда онѣ могли бы и сами добывать себѣ пропитаніе. Пока общество стояло на такой низкой ступени, что никто не могъ ручаться за нѣсколько дней впередъ за огражденіе отъ голодной смерти — то подобная монополизація капиталовъ личностью, далеко за предѣлы ближайшихъ потребностей, была почти неизбѣжна. Каждому приходилось отстаивать себя и своихъ близкихъ всѣми средствами. Общество людей стояло ни сколько не выше общества животныхъ, и борьба за существованіе была для него почти единственнымъ, по крайней мѣрѣ преобладающимъ закономъ. Но положеніе общества стало улучшаться; скотоводство и земледѣліе дошли до той степени, гдѣ вѣроятность обезпеченія на нѣкоторый періодъ будущаго превышала вѣроятность гибели отъ всевозможныхъ случайностей. Монополизація всего захваченнаго или унаслѣдованнаго, потеряла значеніе необходимости, оправдывав-

ней и въ болѣе тяжелое время. Тѣмъ не менѣе, потерялъ свой законный смыслъ, и не остались преданіемъ, восходившимъ въ незапамятныя времена, культурною привычкою, которая повела, — при помощи улучшенной техники, при помощи труда невольниковъ и наемщиковъ, при помощи усовершенствованныхъ способовъ хищничества, — къ монополизаціи громадныхъ капиталовъ въ рукахъ одного лица, одной семьи, одного сословія, одного кружка лицъ. Отсюда форма экономическаго строя общества, какъ меньшинства наслѣдственныхъ собственниковъ, окруженныхъ большинствомъ рабовъ, наемниковъ и нищихъ. И здѣсь мы видимъ поэтическую, религіозную, метафизическую идеализацію этого строя. Богатство, роскошь, хищничество, завоеванія, наслѣдственная аристократія, жирная буржуазія имѣли своихъ пѣвцовъ, своихъ теоретиковъ-хвалителей, свои заповѣди для ихъ охраны и свои te-deum'ы, ихъ прославлявшіе. Точно также и здѣсь аскетизмъ отрицалъ всякое имущество, всякій экономическій трудъ, и развивалъ паразитизмъ нищенства. Критикѣ мысли здѣсь предшествовало и помогало естественное развитіе условій подобнаго строя. Привычка хищничества и монополизаціи, перенесенная изъ болѣе дикаго строя въ общество болѣе цивилизованное должна была перенести и элементы образа жизни

первобытныхъ дикихъ: борьбу всѣхъ противу всѣхъ и непрочность того самаго, что стремились обезпечить съ такими усиліями. Аристократія собственниковъ хирѣла физически и нравственно. Личныя и семейныя привязанности раздробляли имущество, а члены семьи тратили въ безумномъ мотовствѣ богатства, накопленныя энергическимъ; крали другъ у друга и губили другъ друга, чтобы себѣ доставить болѣе жирный кусокъ. Государство захватывало, на сколько могло, святыню частной собственности. Голодные наемники и нищіе расхищали что могли. Строй общества становился столь шаткимъ, что энергическій толчекъ извнѣ или взрывъ внутри уносилъ блестящую цивилизацію меньшинства. Кромѣ того, взаимная борьба собственниковъ губила ихъ одного за другимъ. Въ послѣдніе періоды, монополистамъ собственникамъ, для упроченія общественнаго строя, приходится жертвовать все большую и большую долю своего имущества на войско, на полицію, на тюрьмы, на судей, на случайности экономическихъ кризисовъ и т. п. Въ виду этихъ фактовъ исторіи, развивается экономическая критика и одинаково поражаетъ роскошествующихъ монополизаторовъ и фарисействующихъ аскетовъ. Критическая мысль организуетъ борьбу ассоціаціоннаго труда противу монопольнаго капитала и создавъ новый

экономическій идеалъ. Она признаетъ потребность экономическаго обезпеченія, но требуетъ такого строя общества, гдѣ личность была бы обезпечена, не бывъ, въ тоже время, поставлена въ необходимость монополизировать капиталъ, превышающій ея дѣйствительныя потребности. Идеализація, соотвѣтственная потребности, и здѣсь не нова. Это - идеализація труда. Но прежде трудъ идеализировался, какъ смиренное орудіе капитала, какъ подчиненіе, лежащее въ законахъ міра, въ уставахъ Провидѣнія, какъ мистическое наказаніе за грѣхъ праотца. Новѣйшее время ставитъ предъ работникомъ другой идеалъ. Это - борьба производительнаго полезнаго труда противу незаработаннаго капитала; это - трудъ, обезпечивающій работника, завоевывающій ему человѣчное развитіе, политическое значеніе; это - трудъ, пользующійся всѣми удобствами и даже роскошью жизни, не имѣя нужды прибѣгать къ средству первобытныхъ дикихъ, къ монополизаціи капитала личностью, потому что удобства и роскошь жизни становятся доступны всѣмъ.

Отъ элементарныхъ потребностей, разсмотрѣнныхъ нами въ ихъ призрачной и въ ихъ истинной идеализаціи, перейдемъ къ болѣе сложнымъ началамъ, выработаннымъ исторіею человѣка.

Письмо одиннадцатое.
Національности въ исторіи.

Многоразличныя условія мѣстности, климата, историческихъ обстоятельствъ, обособляютъ въ продолженіе длиннаго періода потомство семей разнаго происхожденія. Большею частью вся группа усвоиваетъ одинъ и тотъ же языкъ, разнящійся лишь оттѣнками нарѣчій, усвоиваетъ болѣе или менѣе сходныя психическія наклонности, нѣкоторыя сходныя привычки и преданія; исторія выдѣляетъ образовавшуюся такимъ образомъ группу отъ другихъ подобныхъ же группъ при исчезаніи переходныхъ ступеней; образуется историческій продуктъ народности и культуры, особая національность. Какъ только она обособилась, для нея начинается, какъ для всего живаго, борьба за существованіе, и ея послѣдовательныя поколѣнія передаютъ одно другому весьма простое стремленіе: защищай свое существованіе сколько можешь; распространяй свое вліяніе и подчиняй себѣ все окружающее сколько можешь; поѣдай другія національности физически, политически или умственно, сколько можешь. Чѣмъ энергичнѣе національность, тѣмъ лучше она проводитъ первое требованіе. Чѣмъ она человѣчнѣе, тѣмъ болѣе теряетъ значеніе для нея послѣднее. Историче

кая же роль ея опредѣляется вторымъ.
Какъ продуктъ исторіи и природы, національность есть начало совершенно правомѣрное, но прозрачная идеализація незамедлила обработать по своему и этотъ великій принципъ.
Такъ какъ, несомнѣнно та или другая національность въ данный моментъ исторіи является реальнымъ представителемъ прогрессивнаго движенія человѣчества, то явилась теорія отождествленія различныхъ общественныхъ идей, выработанныхъ общечеловѣческою мыслію, съ различными національностями.
Такъ какъ большая часть исторіи національностей прошла въ взаимной розни и во взаимномъ поѣданіи, то явилось ученіе ложнаго патріотизма, ученіе, по которому гражданинъ ставилъ себѣ въ достоинство желаніе чтобы его національность попрала всѣ прочія. Такъ какъ въ политической исторіи принципъ національностей игралъ немало важную роль, то явилась политическая теорія раздѣленія земли на государственныя территоріи по національностямъ.
Присмотримся къ этимъ теоріямъ.
Не разъ случается встрѣтить въ историческихъ сочиненіяхъ и разсужденіяхъ мысль, что та или другая національность есть главный дѣятель прогресса въ данномъ отношеніи; что она проводитъ опредѣленную идею въ общемъ движеніи человѣчества впередъ;-

что съ ея побѣдою связано развитіе человѣче-
ства, съ ея гибелью — его застой или даже оста-
новка на пути прогресса. Есть даже исто-
рики-мыслители и въ числѣ ихъ [illegible] даже
весьма замѣчательные, — которые отождест-
вляютъ общеисторическое значеніе главныхъ
національностей съ различными идеями че-
ловѣческаго разума, или съ различными исто-
рическими явленіями мирового духа. Какой ра-
ціональный смыслъ можно придать этимъ
историческимъ построеніямъ?
Если понять это какъ историческій фактъ,
что, въ данную эпоху, руководящія личности
опредѣленной національности замѣчательнѣй-
шія явленія въ литературѣ и въ жизни
этой національности, имѣли ту общую
черту, весьма характеристичную, что станови-
лись проникнуты одною господствующею и-
деею, а литература и жизнь служили ея
выраженіемъ; если, однимъ словомъ, видѣть
въ идеѣ данной національности обобщающую
формулу для одного фазиса ея цивилизаціи, —
то свободно согласиться съ предшествующими
выраженіями, и признать за ними немало-
важное историческое значеніе. Дѣйствитель-
но, въ каждую эпоху, цивилизація насколько
развитаго общества имѣетъ свои характе-
ристическія черты, свои руководящія идеи;
и тѣмъ общественныя формы лучше способ-
ствуютъ всестороннему развитію личности,

тѣмъ здоровѣе общество, тѣмъ болѣе [illegible] въ его цивилизаціи, тѣмъ полнѣе и опредѣленнѣе выражаетъ эта цивилизація свою идею. Понятно, что въ подобномъ случаѣ, цивилизація данной національности является, какъ идеальный центръ, на другія современныя ей національности и на всѣ другіе періоды человѣчества, и т. д. Вообще тѣмъ прогрессивнѣе, чѣмъ самая руководящая идея данной національности въ разсматриваемую эпоху; болѣе способствуетъ развитію отношеній, и вмѣстѣ справедливости въ формѣ общественной жизни. На сколько послѣднее условіе выполнено, на столько и свободно сказать, что данная національность въ разсматриваемую эпоху, есть представитель прогресса, что съ ея историческою судьбою связанъ весь успѣхъ человѣчества или его остановка на пути развитія. Но, обыкновенно, подразумѣваютъ подъ національною идеею нѣчто большее. Полагаютъ, что эта идея не ограничивается опредѣленною эпохою, но связываетъ всѣ эпохи національной жизни, что она обобщаетъ всю исторію данной національности. Подобный фактъ можно себѣ представить тремя способами.

Или цивилизація опредѣленнаго строя вошла на столько въ привычки націи, что обратилась въ культуру, въ антропологическій признакъ, тѣмъ же самымъ стойкой не-

способна уже придумать улучшеній въ жизни общества; или немедленно подавляется общественными формами при самомъ своемъ возникновеніи; поколѣнія слѣдуютъ одно за другимъ, но форма жизни и руководящія идеи остаются одни и тѣже; другими словами, господствуетъ полный застой и исторія общества обращается въ зоологическое отправленіе.— Нѣсколько странно говорить о прогрессивности цивилизаціи, подобнымъ образомъ служащей воплощеніемъ идеи. Національности, дошедшія до такого состоянія, не имѣютъ уже вліянія на развитіе человѣчества. Побѣды имъ никто не желаетъ, о гибели ихъ никто не жалѣетъ; онѣ обречены на смерть при столкновеніи съ чѣмъ-либо живымъ, если не въ состояніи пробудить въ себѣ живыхъ элементовъ.

Если идею, руководящую всей исторіей данной національности, надо считать чѣмъ-то прирожденнымъ всѣмъ членамъ этой національности, антропологическимъ элементомъ, присущимъ строю ихъ мозга и обусловливающимъ развитіе всего ряда поколѣній, какъ бы ни были разнообразны различныя формы культуры для различныхъ поколѣній, какъ бы ни было широко развитіе мысли или какъ бы ни были фантастичны ея уклоненія. Въ такомъ случаѣ, національность приходится разсматривать, какъ одно

изъ видовыхъ различій человѣческаго рода, и нельзя не отождествить ее съ народностью, отыскивая причины общности склада или психическаго строя личностей въ единствѣ ихъ происхожденія. Иначе, съ этой точки зрѣнія, національная идея существуетъ лишь въ національностяхъ, образовавшихся путемъ <u>нарожденія</u>; внѣ <u>единоплеменниковъ</u> она не мыслима.

Но гдѣ же такія историческія національности? Въ современной Европѣ одни нѣмцы могли бы претендовать на единоплеменность, такъ какъ, для всѣхъ другихъ націй, смѣшеніе племенъ есть историческій фактъ. Но и у нѣмцевъ легко видѣть разноплеменность; для этого стоитъ только заглянуть хоть въ извѣстное сочиненіе Риля: „Land und Leute“. Въ древней исторіи Римъ представляетъ смѣшанную націю. О Греціи многіе ученые предполагаютъ то же самое на основаніи весьма вѣроятныхъ данныхъ. Персидская цивилизація была совершенно мидоперсидскою. Къ болѣе же древнимъ эпохамъ лучше не обращаться, потому что наукѣ тамъ не за что ухватиться для полученія сколько нибудь основательныхъ выводовъ. Если же они для одной исторической національности нельзя считать вѣроятнымъ единство происхожденія, то и предложенное пониманіе національной идеи [illegible]. Наконецъ можно себѣ представить дѣло такъ: Личности одного племени или разныхъ пле-

менъ, подъ вліяніемъ одинаковыхъ климатическихъ, почвенныхъ, экономическихъ и культурныхъ условій, вырабатываютъ нѣкоторыя общія психическія наклонности, при большомъ разнообразіи во всемъ остальномъ. Эти психическія наклонности, общія для всѣхъ, и составляютъ національное обособленіе, какимъ бы путемъ оно не получилось. Пока ихъ нѣтъ и націи нѣтъ; какъ только онѣ получатся, то ихъ можно формулировать въ особенной идеѣ, которая непрерывно проявляется во всей послѣдующей жизни національности. По степени вліянія послѣдней на исторію человѣчества, входитъ въ эту исторію и соотвѣтственная идея. Торжество и упадокъ національности вызываютъ возвышеніе или ослабленіе и ея иде. Первыя положенія этого построенія допустить, конечно, можно, и теперь нѣкоторые мыслители уже поставили себѣ задачею изслѣдовать явленія психологіи народовъ. Но дѣло въ томъ, на сколько можно признать въ обособляющихъ національныхъ наклонностяхъ нѣчто прогрессивное, принимая ихъ въ то же время за постоянный элементъ.

Если бы сравненіе между жизнью личности и жизнью національности имѣло какое нибудь значеніе, кромѣ внѣшняго уподобленія двухъ различныхъ процессовъ, то можно было бы признать, что единству въ жизни отдѣльнаго человѣка соотвѣтствуетъ единство въ жизни че-

торической національности. Есть минуты, когда личность осмысливаетъ свое существованіе, взвѣшиваетъ свои силы, проникается опредѣленнымъ убѣжденіемъ, ставитъ себѣ общую цѣль жизни и дѣйствуетъ сообразно этой цѣли, отклоняясь иногда отъ нея вслѣдствіе внѣшнихъ вліяній или внутреннихъ увлеченій, но находя въ этой цѣли единственно и смыслъ всего процесса своего развитія. Если бы для общества могла существовать аналогія этому явленію, то можно было бы себѣ представить, что въ извѣстную эпоху пробуждается національное сознаніе, что оно составляетъ сознанную цѣль національнаго развитія, что къ этой цѣли стремятся личности, передавая свои стремленія сознанной національной цѣли потомкамъ, которые, такимъ образомъ, преслѣдуютъ ту же цѣль въ новой формѣ, проникнутые тою же идеею, и такъ дѣло идетъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, пока не истощится сила развитія въ національности, какъ она истощается въ личности при старѣніи, или пока историческая катастрофа не разорветъ національность, какъ болѣзнь или насиліе убиваютъ личность. Но подобное сравненіе — фантазія. Общаго между жизнью личности и національности то, что для каждой изъ разрушенныхъ національностей была въ исторіи минута появленія на историческую сцену, періодъ историческаго существованія, эпоха жизни и эпоха агоніи. Далѣе — все различно. Для личности физіологъ ука-

дѣть, какимъ образомъ тѣ же самые процессы, которые развиваютъ зародышъ въ младенца, развиваютъ и младенца въ зрѣлое существо, а потомъ приводятъ старика къ неизбѣжной смерти. Для общества всѣ попытки, до сихъ поръ сдѣланныя, дать что либо похожее на подобное объясненіе — должны быть признаны неудачными. Кромѣ того, въ исторической жизни общества повторяются иногда по нѣсколько разъ явленія, которыя, при строгой аналогіи, надо бы признать эпохами молодости и старѣнія. Что касается до смерти историческихъ обществъ, то естественной смерти ихъ исторія не знаетъ, а знаетъ только рядъ убійствъ однихъ національностей другими, такъ что даже вопросъ о томъ: можетъ ли историческая національность умереть естественнымъ путемъ? — нельзя считать рѣшеннымъ. Слѣдовательно, національности справедливѣе было бы сравнить съ личностью, которая рождается, нѣсколько разъ молодѣетъ и старѣетъ, и большею частью, подвергается случайности быть убитою при удобномъ случаѣ. Подобная личность принадлежитъ области фантазіи.

Еще болѣе фантастично допущеніе передачи національной идеи отъ одного поколѣнія другому, какъ сознанной традиціи. Никто, никогда, ни для какой исторической національности не указалъ даже тѣни сознанной традиціи какой-либо идеи, подтвердивъ свое указаніе

чѣмъ либо подобнымъ на научный фактъ. Поколѣнія данной національности, какъ мы видѣли въ началѣ этого письма, передаютъ другъ другу лишь одно, весьма не идеальное стремленіе. Его требованія общи всѣмъ національностямъ и никакой идеи въ себѣ не заключаютъ. Это ничто иное какъ естественная борьба за существованіе; начала эти руководили звѣрей, руководили людей въ ихъ столкновеніи со звѣрями, руководили первобытныхъ людей въ ихъ столкновеніи между собою, и руководятъ теперь національности въ ихъ столкновеніяхъ. Прогрессивнаго въ этихъ началахъ нѣтъ ничего. Конечно, безъ борьбы между личностями не было бы слѣдующаго прогресса; безъ борьбы между національностями не обобщался бы и распространялся центръ цивилизаціи; но необходимыя условія для начала прогресса не суть еще прогрессъ, и традиція борьбы между національностями только предшествуетъ пониманію ихъ справедливыхъ отношеній между собою, пониманію, съ которымъ борьба прекращается и начинается общій прогрессъ націй.

Въ сознанной традиціи національной идеи и остается допустить безсознательную передачу отъ одного поколѣнія другому нѣкотораго постояннаго идеальнаго стремленія. Но есть ли возможность доказать фактически подобное стремленіе? Возьмемъ для примѣра двѣ безспорно-историческія національности,

изъ которыхъ относительно первой даже есть возможность допустить единоплеменность, хотя древность появленія этой національности не позволяетъ совершенно-научнаго рѣшенія вопроса. Евреи, не смотря на свою малочисленность, играли историческую роль въ древности; они играли также историческую роль въ средневѣковой Европѣ; они и въ наше время не лишены историческаго значенія, такъ что нѣкоторые писатели связывали революціонныя потрясенія Германіи, въ концѣ сороковыхъ годовъ, съ вліяніемъ на германское общество многочисленныхъ евреевъ, жившихъ въ ея средѣ. Неужели на минуту можно допустить, что одну и ту же идею представляли въ исторіи пророки времени перваго паденія Іерусалима, средневѣковые каббалисты, талмудисты и переводчики Аверроэса, и современники Гейне, Ротшильда и Мейербера? Между тѣмъ едва-ли есть національность, гдѣ обособленіе и сила традиціи были значительнѣе, чѣмъ у евреевъ.

Для другаго примѣра возьмемъ Францію, и здѣсь, для удобства, будемъ искать хотя бы нѣкоторыя черты, выступающія на видъ въ ея исторіи. Конечно, за послѣднія времена, подобною чертою можно было бы, повидимому, признать наклонность къ административной централизаціи. Въ этомъ сходились конвентъ, доктринеры и Наполеонъ III; политическія фракціи централизировали управленіе, профессора уни-

верситета централизировали преподаванiе; О-
гюстъ Контъ, помощью своей позитив-
ной религiи, думалъ централизировать всѣ
проявленiя мысли и жизни. Если черта, об-
щая столь различнымъ партiямъ новѣйшаго
перiода, не есть элементъ „нацiональной идеи",
то едва-ли мы найдемъ что либо болѣе характе-
ристичное! Но кто же искалъ когда либо этой
черты въ феодальной Францiи? А нельзя же не
отнести обособленiе французской нацiонально-
сти къ эпохѣ феодализма. Возьмемъ нѣсколько
моментовъ безспорнаго влiянiя французской ли-
тературы на Европу? Въ XII-мъ вѣкѣ мы встрѣ-
чаемъ средневѣковую французскую эпопею, которой по-
дражали повсюду; схоластики парижскаго универси-
тета въ XIII мъ и XIV мъ вѣкахъ были учителями
Европы; придворные стихотворцы XVII го вѣка опять
нашли подражателей; энциклопедiя XVIII вѣка, въ
свою очередь господствовала надъ европейскою мы-
слiю. Сравнимъ эти четыре эпохи; прибавимъ,
пожалуй, сильно влiятельную эпоху новаго фран-
цузскаго романтизма и эклектизма. Какую об-
щую идею мы найдемъ во всѣхъ этихъ фази-
сахъ французской мысли, влiявшихъ болѣе или
менѣе на развитiе человѣчества? Если откажемъ-
ся отъ совершенно искусственныхъ натяжекъ,
то, придется отказаться и отъ всякой и-
деи, общей всему историческому ходу француз-
ской мысли. То-же самое можно сказать
и о какихъ бы то ни было другихъ замѣчат-

ныхъ чертахъ, какъ для Франціи, такъ и для другихъ національностей. Общей идеи, проникающей всю исторію какой либо націи, вовсе не оказывается.

Такимъ образомъ, кажется, можно признать за національною идеею лишь значеніе временной обобщающей формулы для цивилизаціи нѣкоторой народности или нѣкотораго государства. На основаніи общихъ историческихъ наклонностей и событій исторіи – данная національность, – въ нѣкоторую эпоху своего существованія, – можетъ сдѣлаться, по характеру своей цивилизаціи, замѣчательнымъ представителемъ той или другой идеи, и, слѣдовательно, во имя этой идеи, можетъ занять опредѣленное мѣсто въ ряду прогрессивныхъ или реакціонныхъ дѣятелей въ нѣкоторый періодъ исторіи человѣчества.

Разрушивъ ложную идеализацію отождествленія идей съ національностями, критика должна перейти къ истинной идеализаціи этого начала. Именно, мы видѣли, что національность не есть, по самой сущности своей, представитель прогрессивной идеи, органъ прогресса, но можетъ лишь имъ сдѣлаться. Въ такомъ случаѣ истинная идеализація принципа національности

должна заключаться въ указанiи, какимъ путемъ эта возможность осуществима. На основанiи сказаннаго въ девятомъ письмѣ, мы легко заключимъ, что какова бы ни была идея, проникающая цивилизацiю данной нацiональности въ данную эпоху, но, если нацiональность останется слишкомъ долго представительницею одной и той же идеи, то неизбѣжно перейдетъ изъ прогрессивныхъ дѣятелей въ реакцiонные или наоборотъ, потому что ни за одной идеей нельзя признать способность быть вѣчно прогрессивной. Съ другой стороны, мы теперь замѣтили, что одна и та же нацiональность, въ теченiи своей исторiи, можетъ дѣлаться поочередно представительницею разныхъ идей. Иногда она станетъ въ главѣ движенiя за идею прогрессивную; въ другой перiодъ на ея знамени будетъ написана другая идея, самымъ реакцiоннымъ образомъ влiяющая на человѣчество.

Отсюда выходитъ, что и упорно держась однажды усвоенной идеи, и мѣняя свои руководящiя начала, данная нацiональность можетъ не остаться прогрессивнымъ дѣяте-

стями. Консерватизмъ и революція въ сфе-
рѣ могли одинаково не представляютъ
еще сами по себѣ ручательства въ про-
грессъ. Чтобы остаться въ исторіи съ
ролью прогрессивнаго дѣятеля, націо-
нальность, однажды получившая подоб-
ное значеніе, должна держаться своей
руководящей идеи до поры до вре-
мени, постоянно подвергая повѣр-
кѣ новыхъ обстоятельствъ, новыхъ тре-
бованій, новой эпохи, вопросъ, на сколь-
ко ея идея остается прогрессивною.
Мѣняя руководящую идею, съ тою же
цѣлью, національность должна отдав-
ности стать подъ критики современ-
ныхъ требованій, современной эпохи,
черпать начала, которыя должна во
имя прогресса написать на сво-
емъ знамени, какъ обѣщающія
наилучшее развитіе для личностей,
наиполнѣйшее расширеніе справедли-
вости въ общественныхъ формахъ.
Отсюда же слѣдуетъ, что всякая наці-
ональность можетъ, при счастли-
выхъ обстоятельствахъ, сдѣлаться
историческимъ прогрессивнымъ дви-
гателемъ. Именно тогда она поймётъ
современныя требованія человѣчества,
чемъ полнѣе воплотитъ ихъ въ фор-
махъ своей культуры и въ заявлені-

ли своей мысли, тѣмъ вѣроятнѣе будетъ уско-ренія достиженіе этого историческаго положенія. Конечно, при этомъ необходимо существованіе въ общественномъ строѣ нѣкоторыхъ условій, о которыхъ я говорилъ въ третьемъ письмѣ: надо, чтобы общественная среда дозволяла и поощряла развитіе самостоятельнаго убѣжденія въ личностяхъ; надо, чтобы для ученаго и мыслителя существовала возможность высказать положенія, считаемыя имъ за выраженіе истины и справедливости; надо, чтобы общественная форма допускала измѣненіе, если это окажется, что она перестала служить выраженіемъ науки и справедливости. Внѣ этихъ условій, прогрессивное историческое значеніе національности есть совершенная случайность, такъ какъ національность сама по себѣ есть абстракція, и о ней можно говорить лишь метафорически, что она понимаетъ или воплощаетъ что либо. Въ сущности понимать и воплощать могутъ только личности, которыя, какъ и было сказано въ предыдущихъ письмахъ, суть единственные дѣятели прогресса. Онѣ лишь могутъ сдѣлать національность, къ которой принадлежатъ, прогрессивнымъ элементомъ человѣчества, или придать ей реакціонный характеръ.

Поэтому, настоящій патріотизмъ для личности заключается въ согласіи существенныхъ требованій своей націи съ принципами

кимъ пониманіемъ требованій обще-человѣческаго прогресса. Выше я указалъ три естественныя стремленія національности, но значеніе ихъ передъ раціональною критикою различно.
Требованіе поддержать свою національность какъ самостоятельную и обособленную единицу, вполнѣ законно, такъ какъ оно соотвѣтствуетъ стремленію, чтобы идеи, въ которыя человѣкъ вѣруетъ, языкъ, которымъ онъ говоритъ, лучшія цѣли, которыя онъ себѣ ставитъ, вошли живымъ элементомъ въ будущее и переродились бы, но не вымерли. Отказаться отъ поддержанія своей національности имѣетъ право лишь тотъ, кто убѣдился, что національность его заключила въ себѣ неразрывнымъ элементомъ начало застоя, или реакціи и отъ него отдѣлаться не можетъ. Но, какая же національность не можетъ этого сдѣлать?
Стремленіе вредить чужимъ національностямъ, унижать ихъ особенности есть фактъ антипрогрессивный. Человѣкъ, ставящій подобный идеалъ, имѣетъ столь же мало правъ на названіе патріота, какъ человѣкъ, проповѣдующій точку уподобленія общественной человѣческой культуры нравамъ стаи волковъ или стада барановъ, не имѣетъ права на названіе человѣческаго сторонника. Подобные патріоты оскверняютъ собою знамя національности и стремятся, сознательно или безсознательно, унизить свой родной народъ, налагая на него,

тайно звѣрства, стоившія ему войти въ тѣло про-
тестующихъ дѣяній. Такимъ патріотомъ
былъ Катонъ цензоръ со своимъ знаменитымъ
припѣвомъ: „Карѳагенъ надо разрушить" и по-
слѣдующая исторія Рима доказала, какъ сла-
бо вытравили нравственно и политически рим-
скіе граждане въ своемъ большинствѣ отъ раз-
рушенія Карѳагена; какъ скоро послѣ этого про-
дажность римлянъ удивила даже Югурту, а
гражданское ихъ сознаніе выразилось въ рядѣ
убійствъ междоусобій, кровавыхъ проскрипцій
и въ цезаризмѣ. Образомъ подобнаго же патрі-
отизма въ Россіи стали въ наше время „Мос-
ковскія Вѣдомости". Какъ отрицаніе прогрес-
са, стремленіе однихъ національностей пода-
вить другія есть отрицаніе и настояща-
го патріотизма.

Внести въ массы своей національности
наибольше истины; внести въ строй ея общес-
твенныхъ формъ наиболѣе справедливости; тогда
она можетъ подобающее стать рядомъ съ дру-
гими національностями, среди которыхъ за-
нимаетъ степень истиннаго содержанія; фор-
мы общественности которыхъ лучше про-
никнуты справедливостью. Она будетъ вѣч-
но на міръ, она подчинитъ ихъ себѣ нравст-
венно, не мечемъ угрожая потрясаютъ ихъ, т. е. от-
нимая исторической арены. Подобнаго вліянія,
подобнаго подчиненія въ правѣ желать всякій
настоящій патріотъ; къ подобному значенію

107

своего отечества онъ имѣетъ реакціонное право стре-
миться; этому историческому господству своей
національности надъ другими онъ имѣетъ пра-
во содѣйствовать всѣми силами, потому что
онъ содѣйствуетъ этимъ и прогрессу. Прогрессъ есть
не безличный процессъ. Кто нибудь долженъ быть
его органомъ. Какая нибудь національность долж-
на прежде другихъ и можетъ лучше, нежели дру-
гія, стать представителемъ прогресса въ дан-
ную эпоху. Настоящій патріотъ можетъ и
долженъ желать, чтобы эта была его національ-
ность; чтобы, такимъ образомъ, онъ содѣйство-
валъ этому историческому ея значенію. Націо-
нальный патріотизмъ заключается въ стрем-
леніи сдѣлать свою національность самымъ
вліятельнымъ дѣятелемъ человѣческаго
прогресса.

Для этого настоящій патріотъ стремится
сперва къ доставленію своему отечеству тѣхъ
условій общественнаго строя, безъ которыхъ
невѣроятно прогрессивное развитіе общества,
о которыхъ сказано выше; затѣмъ онъ стре-
мится наилучше понять современныя зада-
чи науки и справедливости; наконецъ онъ стре-
мится сдѣлать свое отечество высшимъ
представителемъ науки и справедливости
между современными націями. Внѣ этихъ стре-
мленій патріотизма нѣтъ, а есть только
маска его, надѣваемая тупыми доктринерами,
обманывающими публицистами, или расчет-

ливыми эксплуататорами злѣйшихъ страстей человѣчества.

Если бы при этомъ не происходило столкновенія національностей — во имя случайныхъ интересовъ ихъ правителей, или во имя завоевательнаго начала взаимнаго покоренія, — то на этомъ и остановился бы вопросъ о значеніи національнаго элемента въ прогрессѣ. Но если указанныя обстоятельства придаютъ историческое значеніе прочности и матеріальной силѣ національной организаціи. Національный вопросъ на практикѣ вызываетъ вопросъ государственный.

Письмо двѣнадцатое

Договоръ и законъ.

Много спорили о томъ, служитъ ли договоръ основаніемъ государству или государство ему предшествуетъ. Много смѣялась историческая школа надъ теоретиками, которые представляли себѣ, какимъ образомъ люди-звѣри, не имѣвшіе никакого сношенія между собою, вдругъ придумаютъ: намъ лучше будетъ составить договоръ и жить въ государствѣ; давайте соберемся

шайки. Родичи вступили въ уніи, какъ члены
ты; вымели; и стали государствомъ. Легко ка-
зать доказываемая историческая школа, что подоб-
ный сознательный договоръ предполагаетъ уже
все то, что изъ него должно было получиться,
какъ слѣдствіе. Какъ это ни очевидно, но этому
же ясно бросалась въ глаза характеристическая
особенность государства: законное обязатель-
ство его членовъ — поддерживать его строй и
понуждать къ тому же тѣхъ, которые не со-
вершили исполнить этого обязательства добро-
вольно. Слѣдовательно здѣсь предполагается
дѣйствительный или фиктивный договоръ,
связывающій всѣхъ членовъ государства. Въ
разрѣшеніи этому договору служитъ законъ.
Эти два начала сами по себѣ [illegible]
ко важности и такъ часто подвергаются
призрачной идеализаціи, что я нахожу
лучшимъ разсмотрѣть ихъ сначала особо
и потомъ уже перейти къ вопросу о го-
сударствѣ.

Одно изъ первыхъ и простѣйшихъ про-
явленій мысли есть забота о будущемъ.
Дѣтскій возрастъ кончается для личности,
когда она начинаетъ обдумывать средства
для обезпеченія себѣ лучшаго будущаго. Если
позволительно прилагать къ обществу весь-
ма употребительное, но весьма не точное
сравненіе развитія общественнаго съ ли-
чнымъ, то вѣрно сказать, что ребяческій

возрастъ общества кончается, когда между людьми устанавливается начало договора. Этимъ средствомъ люди стараются обезпечить себя заранѣе отъ случайностей. За изменчивостью всей жизни, за непредвидѣннымъ разсчетомъ случая, удобнѣйшаго, полезнѣйшаго, который будетъ сдѣланъ завтра, за необходимостью прибѣгать къ силѣ или къ убѣжденію въ каждую минуту нужды — ставитъ обязательство, болѣе или менѣе добровольно на себя принятое. Человѣкъ самъ связываетъ свое будущее. Договоръ охраняютъ родные, невидимые боги каждого въ этой жизни и въ грядущей. Его охраняетъ боязнь ощутительная кара закона. Его охраняетъ внутреннее самоуваженіе, честь человѣка, давшаго свое слово. Мэнъ полагаетъ, что это средство оказалось весьма дѣйствительнымъ, потому что для большинства общественныхъ формъ существенно постарались реально или фиктивно примѣнить начало договора. Физіологическое влеченіе двухъ всевозможныхъ полов подвели подъ это начало, точно также какъ отношенія гражданъ къ государству, даже религіозную вѣру, почитаніе Іеговы; евреи нашли удобнымъ представить въ формѣ договора между богомъ евреевъ и народомъ, имъ избраннымъ.

Въ сущности договоръ есть принципъ только экономическій; такъ какъ чисто ко

личественное сравненіе услугъ возможно лишь въ сферѣ, гдѣ есть математическія величины, а изъ общественныхъ явленій лишь экономическія имѣютъ для себя мѣру въ цѣнности. Лишь то, что оцѣнимо и можетъ быть равноцѣнно; а гдѣ невозможно опредѣлить равенство, тамъ договоръ всегда фиктивенъ, потому что не справедливъ. Договоръ предполагаетъ въ себѣ услугу за другую равную услугу. Поэтому во всемъ, что оцѣнимо, онъ совершенно приложимъ. Обмѣнъ товара на товаръ, работа на цѣнность суть самые простые случаи, но и въ нихъ уже проявляется рядомъ съ прогрессивнымъ явленіемъ, явленіе регрессивное. И эти случаи допускаютъ эксплуатацію человѣка человѣкомъ, истощеніе силъ и средствъ одной личности въ пользу экономизаціи силъ и средствъ другого. Договоръ справедливъ при этомъ лишь тогда, когда обѣ личности по своему пониманію относительно цѣнности товаровъ, труда и капитала — одинаково поставлены; когда обѣ имѣютъ одинаково нужно произвести обмѣнъ; когда обѣ одинаково честно къ нему относятся. Но подобный случай исключителенъ и когда онъ встрѣчается, едва ли есть надобность въ формальномъ договорѣ. На договоръ приходится смотрѣть, какъ на оружіе противъ обмана, притѣсненія. Но оружіе подобнаго рода нужно въ прогрессивномъ смыслѣ лишь для обезпеченія

слабаго противъ сильнаго, потому что сильный
уже своею силою обезпеченъ отъ обмана и при-
тѣсненія. Когда юристъ заключаетъ контрактъ
съ человѣкомъ несвѣдущимъ въ законахъ, то не
со стороны послѣдняго должно ждать внесенія
въ контрактъ выраженій, стѣсняющихъ посред-
ствомъ контрагента непредвидѣннымъ пунктомъ
закона. Когда капиталистъ-фабрикантъ всту-
паетъ въ условія съ пролетаріемъ работникомъ,
то притѣсненіе можетъ имѣть мѣсто опять
со стороны капиталиста. Поэтому, договоръ яв-
ляется нравственнымъ началомъ лишь въ томъ
случаѣ, когда онъ ограждаетъ слабѣйшаго отъ
произвольнаго измѣненія цѣнности со сто-
роны сильнѣйшаго. Когда болѣе умный, болѣе
ученый, болѣе развитой, болѣе богатый чело-
вѣкъ заключаетъ договоръ съ менѣе умнымъ,
менѣе развитымъ, менѣе богатымъ, то нрав-
ственная обязательность договора должна
лечь всею своею тяжестью на перваго. Вто-
рой могъ не понять, не оцѣнить условій,
имъ на себя принятыхъ, могъ не имѣть воз-
можности отъ нихъ уклониться; и каждое
подобное обстоятельство, уничтожая справед-
ливость договора, подрываетъ и его нравствен-
ную силу. Исполненіе его можетъ быть важно
въ глазахъ общества для поддержанія обществен-
наго порядка, государственнаго закона, свя-
щеннаго обычая, но никакъ не справедливости.
Вообще болѣе договоръ выходитъ изъ предѣловъ [illegible]

условій прогрессивнаго развитія, именно требованія справедливости, когда съ одной стороны требуется услуга, не подлежащая вовсе оцѣнкѣ, или невознаграждаемой никакою цѣнностью. Первый случай представляется всюду, гдѣ экономическій элементъ не обхватываетъ всей сферы дѣятельности, входящей въ договоръ, или даже вовсе не касается этой дѣятельности. Второй случай имѣетъ мѣсто, когда договоръ распространяется на всю жизнь договаривающагося или на такую значительную часть ея, относительно которой никакой разсчетъ разсудка не можетъ предсказать всѣхъ возможныхъ комбинацій обстоятельствъ. Здѣсь тотъ, кто обязывается оказать невознаградимую услугу, столь же не правъ, какъ и тотъ, кто принимаетъ подобное обязательство. Оно совершается подъ вліяніемъ фантастическихъ представленій: то, что я желаю сегодня, я буду желать и завтра; таковъ, каковъ я сегодня, так[illegible]ъ я останусь и въ продолженіи всей [illegible] жизни. Для экономическихъ обязательствъ подобный разсчетъ на далекое будущее не представляетъ непреодолимыхъ затрудненій. Мѣняется цѣнность услуги, но измѣняется и цѣнность денежныхъ единицъ, а для личности, входящей въ многочисленныя подобныя обязательства, потеря на одномъ уравновѣ-

считается выгодно на другомъ, что, вмѣстѣ съ относительнымъ экономическимъ значеніемъ цѣнности, оказанной въ надлежащее время, вознаграждаетъ часто за всякій рискъ. То, для цѣнности, не подлежащихъ оцѣнкѣ, это не такъ. Не имѣя единицъ объективности, слѣдовательно не имѣя возможности быть замѣненными другими равноцѣнными, эти нецѣнимыя услуги отправляются, въ своемъ нравственномъ значеніи, только на внутреннее убѣжденіе личности. Нравственно только дѣйствіе, согласное съ убѣжденіемъ развивающимъ элементомъ въ личности можно считать только дѣйствія, совершаемыя согласно убѣжденію; но договоръ можетъ требовать отъ меня дѣйствій, которыя были согласны съ моимъ убѣжденіемъ, когда я подписывалъ договоръ и стали не согласны, когда приходится его исполнить. Честность требуетъ исполненія договора; а это и честно, но это дѣйствіе является продажнымъ и лицемѣрнымъ. Это продажно, потому что я тѣмъ самымъ покупаю себѣ право избавиться отъ чужого и собственнаго укора въ нарушеніи обязательства; оно лицемѣрно, потому что при всѣхъ подобныхъ договорахъ предполагается невысказанное условіе, что я исполню обязательство такъ же какъ его заключилъ, т.е. добровольно, а я его испол

нено противъ воли. Скажутъ, что я могу избѣгнуть этого сиквестрія, заявляя, что я принужденъ поневолѣ исполнить договоръ, но добровольно исполнить его не могу, а въ такомъ случаѣ отвѣтственность за безнравственное дѣйствіе падаетъ на того, кто требуетъ исполненія договора, а не на меня. Это будетъ признать опять фикціей. Конечно, его можно и должно считать преступникомъ того, кто требуетъ не экономическаго обязательства исполненія, когда заявлено ему въ отсутствіи желанія исполнить это обязательство. Онъ требуетъ безнравственнаго и унизительнаго поступка, слѣдовательно онъ самъ безнравственъ и низокъ. Но преступное дѣйствіе, совершаемое другимъ, нисколько не уменьшаетъ моей преступности, когда я знаю, что совершаю преступленіе, и все-таки совершаю его; когда я знаю, что продаю вещь непродажную. Человѣкъ, возлагающій нравственную отвѣтственность за собственныя дѣйствія на другого, ставитъ самого себя на степень машины: только машина не отвѣчаетъ за свои дѣйствія. Но ставить себя на степень машины не менѣе унизительно, какъ и совершать продажу своего съ помощью дѣйствія, которое я совершаю наперекоръ убѣжденію. Здѣсь преступленіе уже заключено въ самомъ договорѣ. Всякій договоръ, требующій въ видѣ

дачи, въ самой сущности которой лежитъ условіе искренности и незаинтересованности, само по себѣ нравственно преступенъ. Лишь подъ вліяніемъ самообольщенія люди обязываются къ дружбѣ или любви въ нѣсколько отдаленномъ будущемъ, и къ поступкамъ, тому соотвѣтствующимъ, когда предметъ ихъ сегодняшней дружбы или любви можетъ уже не заслуживать ни того ни другого, да и сами они могутъ измѣниться; поступки же, вызываемые дружбою и любовью, глубоко безнравственны, если совершаются безъ искренняго чувства, этимъ вслѣдствіе обязательства. Точно также преступно принять на себя обязательство подчиняться чьимлибо распоряженіямъ, когда не знаешь вовсе, каковы будутъ эти распоряженія, когда не контролируешь ихъ и не имѣешь возможности вліять на нихъ.

Само собою разумѣется, что случай договора, заключеннаго на всю жизнь, или на неопредѣленно-далекое будущее, представляетъ эту же самую безнравственность, увеличенную еще во столько разъ, во сколько продолжительное повтореніе дурного дѣла хуже его одновременнаго совершенія. Послѣднее еще можетъ служить толчкомъ развитія человѣка, который пожелаетъ загладить полезною дѣятельностью безнравственный поступокъ, од-

надежды совершенной. Но новое обращаетъ его въ привычку, притупляетъ нравственную чувствительность человѣка, и не только низводитъ его на степень машины, но ставитъ ему машинную дѣятельность въ идеалъ цѣлой жизни или части ея. Это примѣнимо въ особенности къ тѣмъ областямъ, изъ которыхъ взяты предыдущіе примѣры. Рабство реальное и рабство нравственное суть естественныя формы подобнаго униженія человѣческаго достоинства. Общество, которое отвергаетъ безусловнымъ договоромъ большую часть среды своей жизни, мѣшаетъ болѣе вносить въ себя элементы реакціи и собственной свободы, чѣмъ тщательнѣе оно проникается регламентацією.

Такимъ образомъ договоръ, одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ общественной среды, одинъ изъ самыхъ простыхъ и полезныхъ, самыхъ благодѣтельныхъ, становится страшнымъ ядомъ для общества, если онъ распространяется внѣ своей правомѣрной сферы. Есть періоды въ жизни общества, когда онъ составляетъ единственное спа

сетіе. Есть другіе, когда онъ становится самымъ тягостнымъ долгомъ.

Молодой человѣкъ долженъ пережить эпоху, когда онъ пріучается разсчитывать свое настоящее въ виду будущаго, пріучается осторожности въ выводахъ и въ дѣйствіяхъ. Но эта пріобрѣтенная привычка не должна стать основою дѣятельности человѣка взрослаго; она входитъ въ эту дѣятельность лишь какъ элементъ.

Тотъ, кто только остороженъ, становится трусомъ, и отъ отсутствія рѣшимости теряетъ удобный случай, вредитъ себѣ трусостью иногда больше, чѣмъ рискомъ и, наконецъ, теряетъ совершенно способность къ рѣшительной дѣятельности въ какомъ бы то ни было случаѣ, даже самомъ необходимомъ для него. Осторожность и обдуманность становятся спасительными орудіями просвѣщеннаго человѣка, лишь какъ пособія рѣшительности, какъ результаты сильной и смѣлой мысли.

Точно такъ, общество доходитъ до договора въ своей

молодости.

Непосредственная общность интересовъ соединила временно людей. Ихъ союзъ выгоденъ имъ всѣмъ, они это знаютъ; но сознаніе изменчивости условій, способности увлекаться, заставляетъ ихъ опасаться за исполненіе въ будущемъ того, что они сознаютъ выгоднымъ для себя. Они заключаютъ договоръ, обязывающій ихъ сдѣлать то, что въ сущности дѣла имъ всего полезнѣе. Въ обществѣ находятся люди болѣе сильные и болѣе слабые, эксплуататоры и эксплуатируемые; послѣдніе терпятъ отъ первыхъ и не довѣряютъ имъ. Но бываютъ минуты, когда первые, при всей силѣ, не могутъ достигнуть своихъ цѣлей безъ содѣйствія послѣднихъ. Эту помощь они покупаютъ обезпеченіемъ въ будущемъ эксплуатировать ихъ болѣе или менѣе отъ своей силы. Между сильными и слабыми заключается договоръ въ ту минуту, когда сильные случайно слабѣе, а слабые случайно сильнѣе, слѣдовательно, договоръ этотъ даетъ общественному строю болѣе справедливости чѣмъ было до того.

Мало по малу выгода подобныхъ договоровъ дѣлается столь очевидною, что люди не могутъ не замѣтить улучшенія общественнаго быта, являющееся какъ прямое слѣдствіе договора. Договоръ идеализируютъ. Подземные боги и небесные боги являются хранителями клятвъ, и эти всесильные и всевѣдующіе свидѣтели, карающіе на землѣ и за могилою, придаютъ договору объективную святость. Въ идеалъ нравственнаго человѣка, въ самомъ обширномъ и простомъ значеніи этого слова, входитъ честность — и этотъ внутренній судья требуетъ отъ личности исполненія договоровъ болѣе настоятельно, чѣмъ всѣ олимпійцы. Договоръ здѣсь получаетъ святость субъективную. Идеалъ честнаго человѣка обобщается въ образахъ поэтовъ, въ міросозерцаніяхъ мыслителей. Онъ входитъ въ привычку общества. Нарушитель договоровъ видитъ въ улыбкѣ знакомаго, въ холодномъ поклонѣ пріятеля, въ намекѣ свѣтскаго разсказчика свое осужденіе. Изъ фантастическаго міра миѳовъ и субъективнаго міра убѣжденій честность переходитъ въ реальный міръ священнѣйшей общественной связи.

Но грозные олимпійцы, хранители клятвъ, умилостивляются жертвоприношеніями и духовникъ разрѣшаетъ клятвопреступника отъ грѣха, грозящаго наказаніе въ будущемъ мірѣ. Внутренній міръ человѣ-

скрытъ отъ глазъ, и тотъ, кто всего болѣе чес-
тенъ, повидимому, можетъ внутренно лишь
ждать своего часа для крупнаго обществен-
наго поступка? Что касается до обществен-
наго суда, то примѣры составляютъ на столь-
ко противувѣсъ отвращенію отъ безчест-
ныхъ поступковъ, что нарушителямъ дого-
воровъ живется вовсе не худо; къ тому же значи-
тельный успѣхъ въ глазахъ большинства сооб-
щаетъ какъ бы грандіозность и безчестному
поступку, и между дурными и добрыми призна-
ніе дѣлится довольно равномѣрно; его, даже,
пожалуй, приходится болѣе на долю первыхъ.
Слѣдовательно, для охраненія договора нахо-
дятъ нужнымъ прибѣгнуть къ добавочной си-
лѣ, независимой отъ отдѣльныхъ лицъ, отъ совѣс-
ти договаривающагося и отъ общественнаго
обращенія съ клятвопреступниками. Договоръ
ставятъ подъ охрану закона, а самый законъ
становится общественнымъ договоромъ, ох-
раняемымъ всѣми силами государства.

Здѣсь же, сразу, привлекаются къ догово-
ру два элемента, совершенно чуждые нрав-
ственному его началу. Самый законъ, какъ мы уви-
димъ въ слѣдующемъ письмѣ, договоръ фиктив-
ный, потому что всѣ подданные государства,
обязанные исполнять этотъ договоръ, не при-
глашаются къ выраженію добровольнаго согла-
сія на него; да если бы и предположить подоб-
ное призваніе, то большинство посредствомъ

не въ состояніи было бы оцѣнить выгоду или
невыгоду принятія договора. Слѣдовательно,
терминъ: честность - совершенно не примѣ-
нимъ здѣсь и мы находимся въ совершенно дру-
гой сферѣ дѣйствія. Съ другой стороны, дого-
воръ законный имѣетъ всегда склонность
дѣлаться болѣе и болѣе формальнымъ. Его
обязанность всего меньше зависитъ отъ внут-
ренняго убѣжденія договаривающихся, а бо-
лѣе отъ разныхъ пунктовъ закона, въ отно-
шеніи, напримѣръ, сроковъ подачи бумагъ,
числа и свойства свидѣтелей, слова, напи-
саннаго такъ, или иначе и т. п. Самый
законный договоръ можетъ быть, въ сущнос-
ти, самымъ безчестнымъ дѣломъ, какъ самое
честное условіе - незаконно. Законъ становит-
ся прогрессивнымъ элементомъ и нравст-
веннаго мало лишь тогда, когда законода-
тельство имѣетъ въ виду два основные пунк-
та, указанные выше. Первое, что всякій до-
говоръ, требующій усилія, которая предпо-
лагаетъ искренность точно такое, какъ
всякій договоръ, связывающій волю человѣка
на жизнь, или на значительный періодъ вре-
мени, - самъ по себѣ преступенъ. Второе, что
договоръ, даже самый относительно цѣлей,
допускающій оцѣнку, - справедливъ лишь
тогда, когда договаривающіяся стороны оди-
наково поставлены въ отношеніи понима-
нія договора. Слѣдовательно, законодате-

ство, чтобъ быть нравственнымъ, должно запрещать всѣ безусловныя договоры 1го рода, а при условныхъ обезпечивать договаривающимся возможность заявить свою искренность предъ самымъ исполненіемъ договора, или уклониться отъ его исполненія. Точно также законодательство должно не только охранять договоры уже заключенные, но и при ихъ заключеніи ограждать слабаго отъ сильнаго, менѣе умнаго и знающаго отъ болѣе умнаго и знающаго, давая первому возможность хорошо уяснить себѣ условія, которыя могутъ впослѣдствіи обратиться ему во вредъ. Только тогда законъ есть орудіе нравственности, орудіе прогресса, когда онъ охраняетъ святость честнаго договора и становится препятствіемъ безчестному.

Если же законодательство не имѣло этого въ виду, а собственно опирается на фикцію, что большинство дѣйствій можетъ быть предметомъ договора, — и что договаривающіеся равно понимаютъ и силу договора, тогда онъ становится капканомъ для слабыхъ въ рукахъ сильныхъ и развиваетъ одну лишь сторону въ обществѣ: обдуманность и осторожность, какъ послѣдствія всеобщаго взаимнаго недовѣрія. Тогда боги-хранители клятвы образуются въ метафизическаго бога-государство, у котораго мѣсто нравственности занимаютъ томы кодекса. Чел-

ность блѣднѣетъ предъ законностью и нала-
даются такіе нравственные уроды, которые во-
ображаютъ, что, исполнивъ букву постановле-
нія, они честны. Общественный же судъ теря-
етъ всякій смыслъ, какъ потому, что передъ
оправданіемъ и осужденіемъ по закону ока-
зываются ничтожными заявленія общест-
веннаго мнѣнія, такъ и потому что формаль-
ная исправность, входя въ привычки общест-
ва, постепенно замѣняетъ собою привычки
честнаго пониманія и честнаго исполненія.

Естественно, что при подобномъ положе-
ніи дѣлъ особенно возвышаются 2 общест-
венныя формы, такъ какъ по самой сущнос-
ти, договоръ есть перенесеніе на всѣ жизнен-
ныя отношенія отношеній коммерческихъ,
то вся выгода законности, освящающей полную
свободу договора, достается элементу промыш-
ленности. Промышленная конкуренція ста-
новится типомъ общественныхъ отноше-
ній. Семейная связь, общежительность, го-
сударственная служба получаютъ колоритъ
коммерческой сдѣлки; литература, наука,
искуство—характеръ ремесленнаго производ-
ства. Личности, болѣе другихъ поставленныя,
имѣющія возможность лучше другихъ оцѣ-
нить силу договора и во-время заключить его,
получаютъ широкую способность развивать-
ся; богатство и блескъ общественности воз-
растаютъ; фабричная нищета дѣлается

громадные успѣхи; она стремится обратить науку и искусство въ простыя орудія для своего совершенствованія. Напротивъ, менѣе удобно поставленныя личности получаютъ все менѣе и менѣе способности развиваться, далѣе устоять. Ихъ давятъ не только сильныя личности, ихъ давитъ еще неодолимая сила пріемовъ рынка. Биржа и фабрики охватываютъ все болѣе и болѣе общественныхъ элементовъ.

Съ другой стороны, такъ какъ законъ держится лишь силою государства, то государство получаетъ все болѣе и болѣе значенія въ сферѣ жизни и въ сферѣ мысли. Въ иныхъ случаяхъ, подъ маскою лучшаго наблюденія за законностью теченія дѣлъ, усиливается административная централизація и разрастается административная сѣть. Въ другихъ случаяхъ идолъ славы и чести отдѣльнаго государства требуетъ безпрестанныхъ жертвъ и капитала бездушнаго и одушевленнаго. Въ сферѣ же мысли развивается теорія богопочитанія государства, отождествленіе сонма всѣхъ высшихъ человѣческихъ идеаловъ и идеи общества лишь въ усиленіи именно этого элемента, который въ прогрессивномъ развитіи общества долженъ подвергаться, какъ мы увидимъ, совсѣмъ иному процессу.

Но усиленіе промышленнаго и государственнаго начала въ обществѣ вызываетъ неизбѣжно явленіе при послѣднемъ положеніи [illegible].

Такъ, какъ отдѣльныя личности, при нѣсколько удобной обстановкѣ, легко пробиваются въ ряды счастливыхъ, такихъ меньшинства, то самые сильные умы не испытываютъ въ значительной мѣрѣ неудобствъ общественнаго строя, относятся къ нему критически лишь въ сферѣ мысли и не только скоро примиряются съ этими неудобствами, но большею частію по самой силѣ вещей, становятся въ ряды защитниковъ statu quo. Все же недовольное [illegible] такъ крѣпко сжато администраціею и кодекса, что критика существующаго высказаться не можетъ, или высказывается слишкомъ слабо. Вслѣдствіе этого государство приближается къ значительному концу наипрочнѣйшаго общественнаго строя, что, выражаясь правильнѣе и нагляднѣе, удачно было бы назвать идеаломъ застоя. Прочнѣе и прочнѣе устанавливается въ обществѣ культурный элементъ привычки и угожденія. Мысль работаетъ все труднѣе подъ условіями коммерческой выгоды и законныхъ отношеній. И она блекнетъ все болѣе и болѣе въ кругу обычныхъ взглядовъ, традиціонныхъ формъ. Жизнь въ обществѣ начинаетъ убывать, цѣнность его уменьшается, вѣроятность прогресса становится меньше.

Конечно, и при этомъ встрѣчаются въ обществѣ обыкновенные элементы, на которые можно [illegible] мысль во всей критической

работъ. Государственное начало входитъ иногда въ столкновеніе съ коммерческимъ; или въ средѣ самого коммерческаго элемента болѣе дальновидные люди начинаютъ замѣчать опасность, угрожающую обществу, какъ отъ подавленія интересовъ большинства, такъ и отъ возможности застоя; или наука, въ которой нуждаются какъ промышленность и государство, — становится орудіемъ общественной критики и прогресса; или, наконецъ, мысль работаетъ въ подавленномъ большинствѣ и вызываетъ взрывъ, который, въ свою очередь вызываетъ общество къ новой жизни. Послѣдній случай представился въ концѣ XVIII вѣка во Франціи въ сферѣ политической, и въ настоящее время вся Европа употребляетъ громадныя усилія, чтобы предотвратить опасность подобнаго же взрыва въ средѣ соціально-экономической. Эпоха же тридцатыхъ годовъ представила намъ примѣръ перваго случая, когда промышленный классъ буржуазіи, во имя своихъ интересовъ, остановилъ растущій административный произволъ государственной власти. Возможность непрерывнаго прогресса человѣчества и предотвращенія соціальныхъ взрывовъ, которыя грозятъ современной Европѣ, заключается именно въ современной наукѣ: ея критика теоретическихъ основъ и практическихъ формъ современной культуры, можетъ спасти человѣчество отъ много-

тельныхъ бѣдствій и экономическихъ потерь, если выводы этой критики будутъ своевременно воплощены въ жизнь идеальнымъ путемъ.

Но это уже пути, лежащіе въ областяхъ не юридическихъ. Здѣсь же слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на то обстоятельство, что переходъ нравственнаго начала договора въ формальное начало закона не есть прогрессивное явленіе точно также, какъ замѣна честности законностью есть явленіе антипрогрессивное. Я уже говорилъ въ десятомъ письмѣ о томъ, что законъ самъ по себѣ, какъ всѣ <u>великіе принципы</u>, можетъ быть и орудіемъ прогресса, и орудіемъ реакціи. Изъ всего предыдущаго можно заключить, что истинная идеализація закона должна лежать для него, какъ и для договора, — мало по малу переходящаго въ законъ, — <u>въ другихъ</u> началахъ. Лишь эти вспомогательныя начала, дополняя и регулируя принципы договора и закона, могутъ устранить стремленіе къ застою, лежащее въ сущности легальнаго формализма.

Договоръ освящается убѣжденіемъ личности в минуту заключенія — точно также, какъ искренностью ея въ минуту исполненія. Законъ освящается убѣжденіемъ личности, что онъ есть благо, въ томъ ли смыслѣ, что онъ ограждаетъ честный договоръ и преслѣдуетъ безчестный, или въ томъ, что

большое зло произойдетъ отъ сопротивленія закону, чѣмъ отъ его исполненія. Въ присутствіи договора, требующаго дѣйствій искреннихъ въ далекомъ будущемъ, личность находится въ присутствіи возможности нравственнаго преступленія. Кто принялъ подобное обязательство, о томъ можно лишь жалѣть, потому что дилемма нарушенія обязательства или продажи непродажнаго почти неизбѣжна. Въ присутствіи закона, противнаго личному убѣжденію, положеніе личности нравственно легче. Во многихъ государствахъ самъ законъ указываетъ личности пути для критики закона и для вліянія на устраненіе отживающихъ юридическихъ формъ: это исходъ легальный. Если это не имѣетъ мѣста, то личность можетъ всегда сказать себѣ: я поступаю по убѣжденію, пусть законъ караетъ меня: это исходъ нравственный. Есть еще исходъ, такъ называемый, утилитарный, когда личность въ виду наибольшей пользы подчиняетъ свое убѣжденіе закону, хотя тутъ еще всегда остается трудно разрѣшимымъ вопросъ: есть ли это нравственно худшее, чѣмъ поступокъ, противный убѣжденію? Прогрессъ общества зависитъ несравненно болѣе отъ силы и ясности убѣжденій личностей, составляющихъ общество, чѣмъ отъ нарушенія какихъ бы то ни было юридическихъ формъ.

Письмо тринадцатое

„Государство".

Едва ли ни объ одномъ изъ великихъ общественныхъ принциповъ нельзя сказать, что люди такъ злоупотребляли, идеализируя его, и едва ли въ какомъ-либо періодѣ, который-либо принципъ подвергался въ такой мѣрѣ подобной идеализаціи, какъ принципъ государства. Это, конечно, имѣло свою логическую причину. Противъ феодальнаго самовольства, противъ теократическихъ стремленій католицизма, противъ деспотическихъ стремленій личностей правителей этотъ принципъ служилъ отличнымъ оружіемъ. Прогрессивная партія новой Европы, боровшаяся поочередно противъ этихъ стремленій, идеализировала его и выставила на своемъ знамени. Въ періодъ перехода отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени люди государственнаго принципа, юристы, дѣйствовали въ союзѣ съ государями Европы, помогая имъ побѣждать феодаловъ и клерикаловъ. Борьба шла между историческими силами, но принципъ государства идеализировалъ эгоистическую политику Людовика XI, Фердинанда Католика и т. п., облекая его ореоломъ разумности и стремленія къ общему благу. Въ концѣ XVII вѣка, когда Людовикъ XIV и ѳео-

надъ средневѣковыми началами и надъ произволомъ личностей были у всѣхъ въ свѣжей памяти. Такимъ образомъ консерваторы и прогрессисты, монархисты и республиканцы, люди порядка и люди революціи, практики и философы сходились только въ одномъ, - въ поставленіи государства высшимъ принципомъ, право котораго не можетъ быть сопоставлено рядомъ съ другими правами, а есть право высшее и допускающее нѣкоторыя ограниченія болѣе изъ гуманности, чѣмъ изъ признанія иныхъ правъ. Около 30-хъ годовъ нашего вѣка обоготвореніе государства достигло своего апогея и послѣдній великій представитель нѣмецкаго идеализма Гегель, былъ въ тоже время и мыслителемъ, который наиболѣе открыто высказалъ это обоготвореніе.

Но исторія шла впередъ и критика, уяснявшая истинныя силы государства, дѣлала свое дѣло. Политическая экономія открыла въ общественной жизни начала чуждыя политикѣ, но несравненно прочнѣе ея обусловливающія общее благо, или страданіе, а вліяніе биржи на политическія дѣла перевело теоретическія соображенія политико-экономовъ въ область практики. Принципъ національности, просмотрѣнный идеалистами, заявилъ свои права на контроль распоряженій дипломатовъ относительно

артій были уже преобладающею силою надъ прочими, прогрессивная партія противопоставила фразѣ: „государство - это я", другую фразу: „государство - это общее благо", - и повела борьбу противъ произвола во имя законности. Но тутъ произошло явленіе, о которомъ я упоминалъ. Слово государства оказалось достаточно гибкимъ, чтобы допускать весьма различные смыслы. Одни понимали его въ смыслѣ усиленія правительства, - другіе - въ смыслѣ его ограниченія возможно широкимъ участіемъ общества въ политическихъ дѣлахъ. Одни напирали на увеличеніе объема его государства, на его внѣшнее вліяніе; другіе ставили выше всего механическую связь его частей путемъ искусной администраціи, однообразныхъ законовъ, однообразныхъ формъ жизни на всей его территоріи; третьи доказывали, что лишь органическая связь живыхъ и достаточно самостоятельныхъ центровъ, соединенныхъ общностью ясно-сознанныхъ интересовъ, составляетъ государство. Оказалось необходимымъ вести полемику <u>за</u> государство или <u>противъ</u> него и уяснить себѣ, въ <u>чемъ</u> именно состоитъ настоящее идеальное государство. Относительно того, что именно государство есть главный общественный принципъ, казалось и спорить было нечего. Кромѣ заклятыхъ феодаловъ и клерикаловъ, всѣ были въ этомъ согласны, и побѣды, одушевленныя государственнымъ принципомъ

границъ территорiи, и его заявленiя оказались во многихъ случаяхъ такъ эффектны, что принципъ государства долженъ былъ <u>подчиниться</u> новому началу. Наконецъ, оказалось, что современному общественному строю грозятъ не столько политическiе перевороты, сколько перевороты соцiальные; что политическiя партiи стушевываются — и значенiе ихъ блѣднѣетъ передъ антагонизмомъ партiй соцiальныхъ. Къ тому же въ числѣ теоретиковъ государства одна консервативная партiя оказала ему медвѣжью услугу, доказавъ, что государство есть собственно не продуктъ разума и обдуманности, а естественное культурное явленiе въ общественной жизни. Этимъ думали, конечно, придать ему добавочную прочность, но, въ сущности, подрывали его идеалистическое значенiе: все необходимое и чисто естественное человѣкъ стремится осмыслить и переработать. Слѣдовательно являлся вопросъ: не естественное явленiе государства не должно ли переработать въ высшiй продуктъ, такъ, чтобы доля человѣческаго разума превзошла въ немъ долю естественнаго матерiала.

Все это заставляетъ въ наше время гораздо болѣе критически отнестись къ началу, недавно еще боготворимому, вскрыть его ложную идеализацiю и замѣнить ее идеализацiею

истиннаго, т. е., дойдя до сущности послѣдней основы государства въ ея существующей формѣ, указать какимъ путемъ этотъ принципъ доступенъ прогрессивному процессу; какимъ образомъ онъ удовлетворяетъ условіямъ развитія личности и воплощенія истины и справедливости въ общественныя формы.

Пока люди живутъ вмѣстѣ, преслѣдуя экономическо-нравственныя и умственныя цѣли, которыя каждый можетъ измѣнять свободно, или даже отступаться отъ нихъ, не опасаясь ни какого принужденія, до тѣхъ поръ люди состоятъ въ общественной связи, чуждой всего юридическаго и политическаго. Какъ только они вступаютъ въ договоръ, обязательный для договаривающихся, то ихъ общество вступаетъ въ новый фазисъ жизни. Оно связано только юридически, если принудительная сила, наблюдающая за исполненіемъ договора, принадлежитъ лицамъ, въ договорѣ неучаствующимъ. Оно становится политическимъ, когда въ средѣ самаго общества образуется власть, обязывающая членовъ общества къ исполненію договора. Политическое общество становится государствомъ, когда договоръ, обязательный для членовъ, въ него вступившихъ, оно обращаетъ въ обязательный и для тѣхъ, никогда не спрошенныхъ о ихъ согласіи, [illegible] [illegible] лица [illegible]

сопротивленія ему. Ученое общество, легально-коммерческое товарищество, тайная политическая организація представляютъ примѣры первыхъ трехъ формъ.

Изъ предыдущаго понятно, что государство столь же древнее, какъ насильственное подчиненіе личностей условіямъ, имъ не выбраннымъ. Такъ какъ всегда было въ обществѣ огромное число личностей, которыя по недостатку умственнаго развитія, знанія, энергіи, нуждались въ томъ, чтобъ другія личности, болѣе умныя, знающія и энергическія, выбирали для нихъ условія жизни, то государственный строй коренился въ первыхъ семьяхъ, въ первыхъ бродячихъ племенахъ и до сихъ поръ вовсе не ограничивается тѣмъ, что называется <u>политическими органами</u> общества. Всюду, гдѣ человѣкъ, не разсуждая подчиняется условіямъ жизни, имъ не выбраннымъ, онъ подчиняется государственному началу.

Предыдущее уясняетъ и тѣ два противоположные взгляда на государство, о которыхъ я говорилъ въ началѣ 12го письма. Принципъ государственной обязательности, конечно, есть продуктъ совершенно естественный, восходящій въ глубокую древность, и даже тѣмъ болѣе обширный въ своемъ приложеніи, чѣмъ далѣе мы будемъ уходить въ древность. Сначала онъ является какъ сила физическая однихъ лицъ надъ другими, затѣмъ переходитъ въ зависимость

экономическую, наконецъ, уже путемъ идеализаціи становится силою нравственною.

Но на самыхъ первыхъ ступеняхъ развитія государства проявляется въ немъ и элементъ договора, отличающій его отъ простого подчиненія личностей личности. Взрослый и сильный глава семьи властвуетъ надъ малолѣтними и слабыми женщинами не на основаніи государственнаго принципа принудительности, а на основаніи личнаго преобладанія; точно также пророкъ повелѣваетъ вѣрующими вслѣдствіе личнаго вліянія. Государственный элементъ является въ семьѣ, когда есть взрослые члены, которые могли бы не повиноваться главѣ, но *помогаютъ* ему повелѣвать другими; въ религіозной сектѣ, когда пророка окружаютъ не только исполнители, но и *помощники*. И вообще, государство возникаетъ тогда, когда группа личностей, во имя своихъ, хорошо, или дурно понятыхъ интересовъ поддерживаетъ добровольно обязанность нѣкоторыхъ постановленій, исходящихъ отъ лица, отъ учрежденія, отъ выборнаго совѣта; обязательность, распространяющаяся на другія лица, *не приступившія* добровольно къ этому союзу. Слѣдовательно, къ принципу *принудительности* присоединяется здѣсь начало *договора* съ тою особенностью, что договоръ

заключаетъ меньшее число лицъ, а принудительность распространяется на большее число ихъ.

Конечно, это распространеніе начала договора измѣняетъ его существенно. Весь нравственный и юрическій смыслъ договора лежитъ, какъ мы видѣли, въ обязательности честнаго человѣка исполнить условіе, обдуманно на себя принятое. Но здѣсь договоръ заключаютъ дѣйствительно, одни лица, а фикція его распространяется и на другихъ. Заключеніе договора одними лицомъ отъ имени другихъ, вовсе не имѣющихъ понятія о заключаемомъ договорѣ, но, тѣмъ не менѣе, обязанныхъ исполнить его, нарушаетъ самыя элементарныя требованія справедливости, - слѣдовательно противорѣчитъ понятію о прогрессѣ. Какъ бы юристъ посмотрѣлъ на контрактъ, обязательный для сотенъ, тысячъ и милліоновъ, но о которомъ достовѣрно извѣстно, что его составили, утвердили и сдѣлали обязательнымъ нѣсколько человѣкъ, никѣмъ не уполномоченныхъ подписывать подобный контрактъ? На сколько можно признать справедливымъ контрактъ, заключенный однимъ поколѣніемъ и связывающій рядъ послѣдующихъ поколѣній до тѣхъ поръ, пока имъ не

болѣе или менѣе отдаленнаго періода разграничилъ всю обитаемую землю на территоріи. Родясь здѣсь, онъ подчиненъ и здѣшнимъ законамъ, которыхъ онъ не обсуждалъ, не принималъ, а въ большей части случаевъ, и не будетъ никогда въ возможности обсудить. Между тѣмъ они давятъ его, мѣшаютъ его развитію, противорѣчатъ его искреннему убѣжденію, и бросаютъ его въ ряды недовольныхъ. Оставить отечество это горькое рѣшеніе, которое иногда даже и невозможно принять, а во всякомъ случаѣ трудно. Подчиниться противъ убѣжденія — это униженіе достоинства личности. Остается исходъ борьбы со всѣми ея шансами и печальными послѣдствіями для личности. Я уже говорилъ о пути, которому неизбѣжно слѣдуютъ при этомъ образующіяся партіи. Но теперь намъ важенъ другой пунктъ. Присутствіе недовольныхъ на государственной территоріи, заставляетъ государство тратить несоразмѣрное количество силъ на охраненіе законовъ отъ ихъ нарушенія, на поддержаніе своихъ органовъ въ обществѣ. Это отвлекаетъ силы общества отъ производительной и развивающей дѣятельности въ сферѣ другихъ формъ, къ дѣятель-

ности, которая, какъ мы видѣли, по требованіямъ прогресса должна быть доведена до минимума. Это развиваетъ въ обществѣ раздраженіе, взаимное недовѣріе членовъ и потому, слѣдовательно, постоянное препятствіе къ согласной дѣятельности. Здѣсь консервативное собраніе забаллотировываетъ весьма хорошаго и полезнаго юриста, предлагаемаго въ судебную должность, потому что онъ иначе думаетъ о лучшей формѣ правленія, тамъ либеральная редакція не можетъ купить романъ человѣка, заявившаго себя консерваторомъ; тутъ смѣняютъ профессора ботаники, потому что его взгляды на экономическій вопросъ кажутся опасны для министра; а здѣсь пріятели готовы стрѣляться изъ за смертнаго приговора надъ полоумнымъ. Чѣмъ обширнѣе государственная территорія, тѣмъ вѣроятнѣе при данной причинѣ неудовольствія, что въ ней будетъ больше недовольныхъ, тѣмъ труднѣе слѣдить за ними: тѣмъ значительнѣе трата силъ на непроизводительный для общества процессъ охраненія того элемента, который самъ долженъ ограничиться только ролью охранителя. Но усиленіе подобныхъ мѣръ еще уве-

тера такъ незначительны въ средѣ человѣчества, что нельзя ничего ожидать иного отъ современнаго строя, кромѣ обязательнаго подчиненія большинства условіямъ, установленнымъ меньшинствомъ. Всюду государство еще представляется намъ массою лицъ, при самомъ рожденіи подчиненныхъ данному кодексу и объявленныхъ преступниками, или измѣнниками, если они впослѣдствіи заявляютъ свое несогласіе съ политическими формами, о которыхъ спрошены не были. Небольшое меньшинство изъ этой массы достигаетъ такого развитія, что можетъ толково указать, что именно въ формахъ, стѣснительныхъ для массы особенно тяжело и чѣмъ именно желательно его замѣнить, чтобъ путемъ реформы улучшить состояніе общества, не ослабляя государственной связи. Изъ этой политической интеллигенціи лишь небольшое меньшинство достигаетъ положенія, гдѣ могутъ провести свои взгляды въ дѣло путемъ законодательства. Въ наиболѣе передовыхъ странахъ правительство такимъ образомъ господствующее надъ государственнымъ договоромъ, составляется путемъ избранія довѣренныхъ представителей отъ массы, подчиненной за-

кону; и число избирателей увеличивается по возможности, право участія въ договорѣ расширяется; патриціи допускаютъ политическую равноправность плебеевъ; третье сословіе сливается съ дворянствомъ и духовенствомъ; билли парламентской реформы понижаютъ цензы; вообще право выбора взрослыхъ мужчинъ дѣлается закономъ; выступаютъ защитники политическихъ правъ женщинъ; но какъ ни широко право избранія и какъ ни велика разница между политическимъ строемъ Сѣверо-Американскихъ штатовъ и строемъ азіатскаго ханства, тѣмъ не менѣе въ обѣихъ этихъ формахъ, какъ и во всѣхъ промежуточныхъ, остаётся общая черта: подчиненіе значительнаго числа личностей договору, который онѣ не обсуждали, или о которомъ заявили свое несогласіе. Государство всюду остается насильственнымъ обязательствомъ для большей или значительной части населенія данной территоріи.

Въ этомъ послѣднемъ словѣ именно лежитъ стѣснительность государственнаго договора для личности. Человѣкъ родился на данной мѣстности. Эта мѣстность входитъ въ данную территорію, такъ какъ рядъ событій

вздумается разорвать этотъ контрактъ насильственно, или залить его кровью? Справедливости въ подобныхъ договорахъ, конечно, нѣтъ и они предполагаютъ лишь одно: существованіе сильной организаціи, или значительнаго большинства лицъ, для которыхъ договоръ выгоденъ и которыя, вслѣдствіе своей организаціи, или своего большинства заставляютъ подчиниться насильно государственному договору всѣхъ тѣхъ, которые имъ не довольны. Выйди изъ государства, или исполняй государственный договоръ, - такова дилемма, которая стоитъ передъ каждымъ подданнымъ государства.

Если число недовольныхъ этимъ договоромъ незначительно, эта дилемма чувствительна лишь для нихъ: имъ приходится страдать подъ ярмомъ ненавистныхъ имъ законовъ, или испытывать удовольствіе самопожертвованія, заключенія, ссылки, казни за неисполненіе этихъ законовъ, или, наконецъ, эмигрировать. Пока партія недовольныхъ законами состоитъ изъ разрозненныхъ личностей, онѣ всегда будутъ подавлены. Но по мѣрѣ того, какъ они собираются во растущую общественную силу, или пре-

небрегать уже нельзя, и самому государственному строю грозятъ опасности. Эти опасности двоякого рода. Если недовольные разсѣяны по всему государству, или скучены въ его главныхъ центрахъ, то государству грозитъ измѣненiе основныхъ законовъ путемъ реформы, или путемъ революцiи. Или же недовольные скучены въ одной части государства, ему грозитъ раздѣленiе. Въ обоихъ случаяхъ государственная связь не прочна и непрочные его законы представляютъ договоръ фиктивный, а не дѣйствительный, съ нимъ находится значительное число личностей, которыя обязаны подчиниться государственному договору, но никогда не были спрошены относительно его, никогда на него не соглашались и подчиняются ему лишь по безсилiю, по недостатку энергiи, или по неумѣнiю сознать свои права и свои силы.

По мѣрѣ того, какъ увеличивается участiе личностей въ государственномъ договорѣ, онъ становится прочнѣе: во первыхъ, потому что, его неудобства скорѣе сознаются, правильнѣе обсуждаются, легко могутъ быть устранены путемъ реформъ, а не путемъ революцiй; во вторыхъ, потому что большее число личностей признаетъ государственный

законъ для себя обязательнымъ договоромъ, противники же его чувствуютъ себя все безсильнѣе и скорѣе ему подчиняются. Очевидно, что идеалъ государственнаго строя есть такое общество, въ которомъ всѣ члены смотрятъ на законъ, какъ на взаимный договоръ, сознательно принятый всѣми, допускающій измѣненіе по общему согласію договаривающихся и принудительный лишь для тѣхъ, которые на него согласились и за нарушеніе подлежатъ неустойкѣ.

Но читатель сейчасъ замѣтитъ, что идеалъ такимъ образомъ полученный изъ самой сущности государственнаго принципа, стремится къ отрицанію того-же самого принципа. Государство тѣмъ и отличается отъ другихъ общественныхъ формъ, что въ немъ договоръ принятъ меньшимъ числомъ лицъ и ими поддерживается какъ обязательный для большаго числа. Два источника государственной связи — естественное начало принудительности и обдуманное начало договора, — вступаютъ въ столкновеніе, потому что послѣднее во имя справедливости стремится уменьшить принудительность. Отсюда неизбѣжное слѣдствіе, что политическій прогрессъ долженъ былъ заключаться въ уменьшеніи государственнаго принципа въ об-

щественной жизни. Оно та[illegible] дѣйствительности и есть.

Политическій прогрессъ выражался въ двухъ стремленіяхъ. Во первыхъ, государственный элементъ выдѣлялся изъ всѣхъ общественныхъ формъ, вызванныхъ наличными общественными потребностями, чтобы создать себѣ спеціальные органы. Во вторыхъ, насильственное подчиненіе большинства личностей государственному договору, ограничивалось все меньшимъ числомъ личностей, причемъ фиктивный договоръ государства получалъ болѣе дѣйствительности, государственная связь скрѣплялась, но въ тоже время сближалась со связью просто общественною. Оба эти стремленія можно назвать прогрессивными, потому что первое имѣло въ виду теоретическую истину государства, второе внесеніе справедливости въ государственныя формы. Тѣмъ не менѣе оба стремленія въ своемъ осуществленіи должны привести государственный элементъ въ жизни человѣчества къ его минимуму.

Когда власть мужа, отца и патріарха въ семьѣ потеряла (въ болѣе цивилизованныхъ обществахъ) всю почти свою принудительную силу; когда экономическія обязательства, въ случаѣ не

Это второе политическое стремленіе встрѣчаетъ несравненно значительнѣйшія препятствія; тѣмъ не менѣе оно тѣсно связано съ первымъ. Все предыдущее развитіе идеаловъ семьи, союза и т. д. — точно также, какъ охранительная рѣчь государства опирается на предположеніе, что законъ соотвѣтствуетъ жизненнымъ потребностямъ общества. Но это есть одна изъ формъ ложной идеализаціи этого великаго принципа. Законъ самъ по себѣ, какъ мы видѣли, не только не заключаетъ въ себѣ причины развиваться съ развитіемъ общества, но скорѣе склоненъ заковать общество въ формы культуры и привести его къ застою. Лишь въ другихъ, дополнительныхъ началахъ заключается возможность развитія для законодательства. Законъ можно развивать, а самъ онъ развиваться не можетъ. Справедливость требуетъ, чтобъ онъ, въ своемъ происхожденіи, существованіи и отмѣнѣ, все болѣе и болѣе терялъ начало принудительности. Это совершается увеличеніемъ участія общества въ законодательствѣ переходитъ къ обществу и къ его свободно выбраннымъ представителямъ, самъ законъ даетъ средство исправлять законы; государство принимаетъ ха-

рактеръ союза лицъ, заключавшихъ свободный договоръ и свободно его измѣняющихъ. Принудительность государственнаго договора уменьшается и стремится еще уменьшиться. Идеалъ государства, какъ я уже говорилъ, обращается въ такой союзъ, гдѣ лишь тотъ подчиненъ договору, кто имѣлъ средства и возможность обсудить договоръ, обсудилъ и призналъ его свободно, можетъ отказаться столь же свободно отъ его исполненія, отказываясь и отъ всѣхъ его послѣдствій.

Но возможно ли осуществленіе подобнаго идеала? Возможно ли вообще значительное прогрессивное движеніе въ обществѣ въ подобномъ направленіи? Не существуетъ ли непреодолимыхъ естественныхъ, или историческихъ препятствій на этомъ пути? Эти вопросы невольно возникаютъ, когда сравнимъ настоящее положеніе цивилизованныхъ народовъ съ тѣми идеалами, которые предъ ними поставлены, и когда замѣтимъ, какъ далеки послѣдніе отъ осуществленія.

Знаніе и энергія характера суть необходимыя условія для того, чтобъ личность могла отстоять свою свободу и ею пользоваться, не нарушая чужой свободы; но распространеніе знаній и развитіе харак-

десятомъ, именно, что нравственно-разумная дѣятельность есть лишь <u>одинъ</u> изъ видовъ человѣческой дѣятельности, что, кромѣ того человѣкъ можетъ дѣйствовать механически, подъ вліяніемъ животныхъ влеченій, рутины и страстей. Правда,- можно надѣяться, что прогрессъ въ человѣчествѣ уменьшитъ долю дѣйствій, приходящуюся на эти виды дѣятельности, но пока они на лицо, пока умственное и нравственное развитіе личностей еще весьма недостаточно, приходится охранять слабѣйшихъ отъ дѣйствій сильнѣйшихъ. Эта охрана неизбѣжно принимаетъ характеръ принужденія, слѣдовательно, заключаетъ въ себѣ элементъ государственный. Конечно, и этотъ элементъ долженъ быть доведенъ до минимума, но тѣмъ не менѣе, онъ существуетъ, пока прогрессъ не измѣнитъ значительно наклонностей и привычекъ человѣка. Устраняя произволъ личности и администраціи, общество обращаетъ при этомъ свои государственные органы лишь въ исполнителей безличнаго закона и ограничиваетъ роль государства наблюденіемъ за отсутствіемъ принудительности, охраненіемъ слабѣйшихъ отъ принужденія со стороны сильнѣйшихъ. Цѣль

семьянинъ, какъ вѣрующій, какъ участникъ экономическаго предпріятія, — человѣкъ подчиняется государственному строю лишь въ безличной формѣ закона, истолкованнаго и приложеннаго судьею къ нуждамъ всякаго государственнаго интереса.

Тутъ кончается прогрессивный процессъ политическихъ началъ въ обществѣ, въ своемъ первомъ стремленіи, именно, какъ выдѣленіе государственнаго отправленія изъ прочихъ. Ложная идеализація подчиненія власти во всѣхъ общественныхъ сферахъ разрушается началомъ свободнаго союза. Истинная идеализація государства требуетъ отъ него справедливости: охраненія слабыхъ, охраненія честнаго договора, препятствованія безчестному, доводитъ государственную функцію въ этомъ отношеніи до минимума и представляетъ въ будущности ея естественное дальнѣйшее уменьшеніе вслѣдствіе совершенствованія самихъ личностей. Препятствія прогрессу въ этомъ отношеніи лежатъ болѣе въ старыхъ привычкахъ общества, чѣмъ въ самой сущности дѣла. Преимущественно же они заключаются въ малыхъ успѣхахъ другой отрасли политическаго прогресса.

исполненія стали подлежать судьямъ, въ нихъ не заинтересованныхъ, когда судебный элементъ отдѣлился отъ церковнаго и административнаго, тогда принудительность закона легла на незначительную долю человѣческой дѣятельности. Весьма многія лица могли прожить всю жизнь, почти не чувствуя на себѣ давленія государственнаго элемента; теоретическія роли разныхъ общественныхъ формъ измѣнились для мыслителей; идеалъ семьи обратился въ свободный союзъ любящихъ и въ разумное педагогическое дѣйствіе старшаго поколѣнія на младшее; идеалъ церкви обратился въ свободу личной совѣсти, въ свободный союзъ вѣрующихъ для практическихъ задачъ ихъ вѣрованія; идеалъ экономическаго союза, - обратился въ свободное и разумное распредѣленіе труда и выгодъ сообразно свободной и разумной оцѣнкѣ способностей и потребностей лицъ, вступающихъ въ союзъ.

Такимъ образомъ элементъ принудительности, распространенный сперва на семью, на экономическую связь рабовладѣльца съ рабомъ, помѣщика съ крѣпостнымъ, собственника съ пролетаріемъ, на судъ въ формѣ патримоніальной, церковной, чиновничьей, - пе-

раетъ мало по малу свою силу во всѣхъ этихъ областяхъ. Правда, культурныя привычки еще поддерживаютъ деспотизмъ въ семьѣ, капиталъ все властвуетъ надъ пролетаріемъ, несмѣняемый, выборный судья и независимый присяжный, вслѣдствіе личнаго интереса, еще подчиняются иногда административнымъ указаніямъ, но злоупотребленія всегда долго еще остаются слѣдами прежняго законнаго порядка, новые же идеалы усваиваются лишь постепенно. Тѣмъ не менѣе новые идеалы уже поставлены, въ значительной долѣ своей признаны и стремятся осуществиться вполнѣ. Едва ли можно сомнѣваться, что это имъ удастся и что государственный принудительный элементъ въ нихъ будетъ входить не менѣе, пока совсѣмъ не исчезнетъ.

Но чѣмъ менѣе идеалъ этихъ формъ допускаетъ элементъ принудительности, чѣмъ болѣе требуетъ онъ свободы, тѣмъ болѣе онъ долженъ быть ограниченъ отъ случайныхъ злоупотребленій личности. Принимая даже, что личность, дѣйствующая нравственно разумно во всѣхъ этихъ сферахъ не допуститъ себя до принудительности, долженъ помнить сказанное въ пятомъ

мичивались, обыкновенно, недовольство и прочность общественнаго строя становится больше и больше сомнительною. Онъ пораженъ болѣзнію хроническаго недовѣрія и безпокойства, припадки котораго вызываются самыми пустыми случаями. Если даже дѣло не доходитъ до кризиса, то всѣ физіологическія правильныя дѣйствія общественнаго организма извращаются.

Но несравненно большія опасности грозятъ государствамъ съ обширною территоріею, если законы вызываютъ недовольство не личное, а мѣстное; если они составляютъ больше, или менѣе добровольно признаваемый договоръ въ одной части территоріи, но вызываютъ вражду населенія въ другой части. Разграниченіе территоріи происходило лишь изрѣдка подъ вліяніемъ ясно понятыхъ потребностей населенія. Но и тѣ случаи, гдѣ предѣлы территоріи были установлены ясно понятыми потребностями данной эпохи, не представляютъ еще ручательства, что разумная связь частей территоріи останется на долго прочною и разумною. Потребности населенія въ данную эпоху не

суть еще потребности его во всѣ эпохи и развиваясь, общество можетъ точно также скрѣплять связь между своими членами, какъ и давать начало разнороднымъ интересамъ, обособляющимъ мѣстности, прежде не имѣвшія повода къ обособленію. Сепаратизмъ можетъ имѣть источникомъ весьма безтолковыя побужденія, точно также, какъ и весьма разумныя основанія. Но онъ всегда есть начало ослабляющее общество. Ослабленіе здѣсь надо понимать вовсе не въ томъ смыслѣ, что государственному повелѣвавшему территоріею въ 100 тысячъ кв. миль, грозитъ уменьшеніе ея на какія нибудь 20 тысячъ, съ уменьшеніемъ доходовъ на нѣсколько милліоновъ франковъ. Отдѣленіе Американскихъ колоній не ослабило Англіи, какъ не ослабило бы ее, вѣроятно, самостоятельность Индіи и Австраліи. Сепаратизмъ ослабляетъ общество тѣмъ, что онъ есть начало раздора и недовѣрія внутри общества, вызываетъ охлажденіе одной части гражданъ къ общему дѣлу, заставляетъ другую часть тратить на охраненіе государственнаго единства огромные капиталы въ деньгахъ и

теряли свою принудительность, вынужденные разнообразія мѣстного политическаго строя, его соотвѣтствія съ мѣстною культурою и отсутствіе полной возможности для личности выбрать удобнѣйшій политическій строй, не выходя изъ предѣловъ отечества. Этимъ путемъ мѣстные центры стремятся обратиться въ свободный общественный союзъ, государство уже стремится основать свое существованіе и единство на обязательности разума, а не на историческомъ принужденіи. Государственный договоръ является съ одной стороны, свободнымъ договоромъ личностей, съ другой — результатомъ науки. „Но всегда этого нѣтъ нигдѣ", скажетъ читатель. Государства стоятъ на сторожѣ другъ противъ друга, все усиливая свои вооруженія и строго охраняя свою цѣлость законами и наказаніями. Государственный договоръ обязателенъ для подданнаго, никогда не спрошеннаго, согласенъ ли онъ на договоръ, или нѣтъ; и тутъ такое повиновеніе обезпечивается страхомъ наказаній. Наука остается на каѳедрахъ и

въ книгахъ, не переходя въ кодексы. — Конечно, нынѣшнія государства, въ полномъ видѣ, какъ они существуютъ, заключаютъ въ себѣ несравненно болѣе слѣдовъ минувшей исторіи, чѣмъ замѣтныхъ стремленій къ прогрессу. Ложная идеализація государственнаго механизма имѣетъ еще много приверженцевъ. Истинная идеализація государства, какъ охранительнаго элемента общества, заключающаго въ себѣ самомъ стремленіе постоянно спускаться къ минимуму не только не осуществлена нигдѣ, но еще и сознана очень не многими. Не будемъ порицать настоящаго, потому что оно есть неизбѣжный результатъ прошедшаго. Но въ настоящемъ есть возможность прогресса, — а прогрессъ для государства возможенъ лишь на одномъ пути. Если этотъ путь невозможенъ, то прогрессъ для политическаго строя не мыслимъ, а политическая исторія останется лѣтописью общественной патологіи.

Будемъ вѣрить въ прогрессъ для политическаго строя и...

общечеловѣчность этихъ законовъ должны сами собою имѣть слѣдствіемъ приложимость ихъ ко всѣмъ личностямъ, независимо отъ культурнаго разнообразія общества? Обязательность и принудительность этихъ законовъ можетъ имѣть лишь тотъ смыслъ, что условія прогресса для всего общества,- обязательно охранить отъ частныхъ увлеченій личностей; но по мѣрѣ развитія общества, эта обязательность переходитъ все болѣе изъ государственнаго закона въ личное убѣжденіе, слѣдовательно, все болѣе теряетъ свою принудительность, т. е., особенность государственнаго строя отъ другихъ политическихъ связей.... При подобномъ положеніи дѣлъ отношеніе личностей къ принудительности закона было бы совершенно отлично отъ того, что приготовляютъ намъ вѣкъ ди исторіи. Всегда личности менѣе развитыя легче приноравливались къ культурѣ, и, при менѣе сильной работѣ мысли, менѣе страдали отъ недостатковъ даннаго строя. Личности же наиболѣе развитыя,- и всего сильнѣе работавшія мыслью, всего болѣе чувствовали принуди-

тельность закона. Въ разсматриваемомъ выше строѣ общества личности, мыслящія встрѣтятъ наименьшія препятствія въ государственномъ порядкѣ, потому что возможность дальняго перемѣщенія, безъ оставленія политическаго отечества, дозволитъ имъ жить въ средѣ избранной ими культуры, а научность общегосударственныхъ законовъ дозволитъ имъ направить свои силы не на измѣненіе политическихъ условій, а на болѣе жизненные интересы личнаго и общественнаго развитія. Этимъ путемъ государственный элементъ въ жизни человѣчества доходитъ, какъ уже было сказано, до своего минимума, по мѣрѣ прогрессивнаго развитія общества. Уменьшеніе столкновеній государствъ уменьшаетъ значеніе государственнаго элемента во внѣшнихъ отношеніяхъ, а возрастаніе сознанія и осуществленія истины и справедливости, уменьшаетъ его внутреннюю принудительность, — какъ исходящую изъ общаго государственнаго центра; та же часть государственной функціи, которая перешла къ меньшимъ частнымъ центрамъ

въ людяхъ, когда эти капиталы нужны на развитіе общества. Если сепаратизмъ не даетъ результата, все еще долго въ памяти побѣдителей и побѣжденныхъ живетъ подозрительность и вражда. Даже, если раздѣленіе совершилось, нужно время, чтобъ остыло преданіе вражды и недавніе невольные союзники, вчерашніе враги, пришли въ спокойныя отношенія сосѣдей, товарищей по общечеловѣчному дѣлу, добровольныхъ союзниковъ для опредѣленной цѣли. Лишь потрясенія первой французской революціи сгладили отдѣльность Бретани и южной Франціи отъ преобладающаго Парижа. Память борьбы XVIII-го вѣка еще не изчезла между Джонъ Булемъ и братцемъ Джонатаномъ, несмотря на ихъ нынѣшнія взаимныя любезности. Еще много разъ зазеленѣютъ и засохнутъ деревья на могилахъ окружающихъ Ричмондъ, прежде, чѣмъ потомки янки и мѣдноголовыхъ почувствуютъ себя снова гражданами одного государства. Поэтому государствамъ несравненно опаснѣе возникновеніе въ нихъ среди сепаратистическихъ стремленій, чѣмъ самое раздѣленіе. Предупредить эти

стремленія составляютъ цѣль прогресса въ государствѣ, гдѣ различіе экономическихъ условій, различіе политическаго значенія центровъ власти и остальной страны, различіе круга политической дѣятельности личностей и политическихъ партій всегда можетъ возбудить недовольства. Насиліе скрываетъ и отдаляетъ опасность, но она еще увеличивается для государства по мѣрѣ увеличенія въ немъ употребленія насильственныхъ мѣръ. Во первыхъ, растетъ взаимное раздраженіе гражданъ, т.е. именно то, что составляетъ худшее зло сепаратизма; во вторыхъ насильственныя мѣры понижаютъ человѣческое достоинство и останавливаютъ всякое развитіе въ обществѣ, которое къ нимъ привыкаетъ. Но усиленіе раздраженія въ обществѣ и пониженіе человѣческаго достоинства гражданъ суть явленія, весьма ослабляющія государство и ставящія его въ невыгодное отношеніе относительно сосѣдей и борьба государства съ сепаратизмомъ можетъ имѣть въ виду именно только его крѣпость извнѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы просмотримъ фазисы исторіи, то замѣтимъ,

что величина государствъ и крѣпкая связь ихъ частей особенно важны были только съ точки зрѣнія ихъ внѣшнихъ отношеній. Экономическое процвѣтаніе, научное и художественное развитіе общества, расширеніе правъ личностей и болѣе справедливыя отношенія между ними — могли имѣть мѣсто также хорошо и въ маленькихъ государствахъ, какъ въ большихъ; даже представляя себѣ міръ собраніемъ отдѣльныхъ самодержавныхъ общинъ, мы не имѣли Бы повода думать, что во всѣхъ упомянутыхъ отношеніяхъ вступилось бы тутъ пониженіе прогресса, такъ какъ обширныя, экономическія, ученыя и тому подобныя предпріятія могли бы осуществляться путемъ союзовъ между общинами, заключенныхъ исключительно для опредѣленныхъ цѣлей.

Но совсѣмъ иное дѣло — внѣшнія отношенія. Государство, съ крѣпко организованною властію имѣетъ огромное преимущество въ войнѣ и дипломатіи при столкновеніи съ союзомъ государствъ, даже превосходящимъ матеріально силы перваго, если только разница цивилизаціи не слишкомъ огромна (какъ было въ борьбѣ персовъ

съ греками). Тайна подготовки къ борьбѣ и энергическое преслѣдованіе дипломатической цѣли несравненно удобнѣе для одного государства, чѣмъ для союза державъ. Не говорю уже о томъ, что союзъ государствъ можетъ быть не проченъ и фиктивенъ, а въ такомъ случаѣ маленькое государство можетъ быть легко раздавлено большимъ, можетъ сдѣлаться жертвою его хищничества или можетъ быть поставлено въ необходимость слѣдовать политикѣ большого государства, оставаясь такимъ образомъ самодержавнымъ лишь по имени. Во всякомъ случаѣ внѣшнія сношенія государствъ ставятъ вопросъ о малыхъ и большихъ государствахъ совсѣмъ на иную почву. Чѣмъ государство меньше, тѣмъ части его слабѣе связаны и чѣмъ его географическія условія его положенія дѣлаютъ возможнымъ хищническое отношеніе къ нему сосѣдей, тѣмъ самостоятельность его подвержена большимъ опасностямъ, слѣдовательно тѣмъ и внутреннее развитіе общества въ немъ менѣе прочно, тѣмъ болѣе силъ ему приходится тратить непроизводительно на приготовленіе къ возможной внѣшней опасности

ной жизни: внутренней и внѣшней.
Внѣшняя сторона государственной
жизни, т. е. государство, какъ единич-
ная сила въ системѣ государствъ мі-
ра, оставаясь принадлежностью
центральной власти, объединяющей
территорію, можетъ имѣть естес-
твенное стремленіе къ расширенію
этой территоріи, но функція эта
должна становиться меньшей ме-
нѣе важною, по мѣрѣ того, какъ ис-
торія сдѣлаетъ отношенія между
государствами менѣе хищническими
и столкновеніе между ними менѣе
вѣроятнымъ. Внутренняя же сто-
рона государственной жизни, т. е.
именно та, которая можетъ ока-
заться болѣе, или менѣе стѣснитель-
ною для отдѣльныхъ мѣстностей и
личностей и вызываетъ недовольст-
во, должна переходить все болѣе и
болѣе къ мельчайшимъ центрамъ,
допускающимъ дѣйствительное у-
частіе въ политической дѣятель-
ности почти всѣхъ взрослыхъ лич-
ностей. Въ различіи мѣстнаго строя
должно отразиться все разнообра-
зіе мѣстныхъ потребностей и мѣст-
ной культуры, при чемъ гражданинъ,
стѣсненный условіями политичес-

каго строя одной мѣстности можетъ перейти въ другой мѣстный центръ, столь же полноправный политически, но болѣе подходящій къ его жизненному идеалу. Обширность территоріи въ этомъ случаѣ не только можетъ быть стѣснительна, но скорѣе облегчаетъ гражданина, т. е. по мѣрѣ этой обширности, растетъ и вѣроятность для него найти мѣстный центръ, соотвѣтствующій его желаніямъ; и въ это же время онъ сохраняетъ сознаніе, что замѣняя одни политическія условія жизни другими, онъ остается вѣренъ своему общему государственному отечеству. Центральная же власть должна при этомъ удержать за собою охраненіе лишь тѣхъ законовъ общихъ для всей территоріи, которые составляютъ не исторически выработанныя условія культуры, не результатъ мѣстныхъ требованій или временныхъ увлеченій, а неизмѣнные выводы науки относительно общечеловѣческой истины и общечеловѣческой справедливости, — именно того, что составляетъ указанныя въ предыдущихъ письмахъ условія прогресса и ихъ прямыя общія слѣдствія. Народность и

слѣдовательно, слабѣе для внѣшней борьбы, тѣмъ болѣе ему грозитъ внѣшняя опасность потери самостоятельности; оно можетъ оградить свою самостоятельность, лишь дѣлаясь сильнѣе въ этомъ отношеніи и увеличиваясь; но съ тѣмъ вмѣстѣ растетъ различіе въ интересахъ его частей, различіе политическаго вліянія центровъ и остальной страны; растетъ недовольство, и, слѣдовательно, государство, ослабляемое сепаратизмомъ, подвергается большимъ внутреннимъ опасностямъ.

Прогрессъ въ государственномъ строѣ заключается, конечно, въ стремленіи къ разрѣшенію этой дилеммы, т. е., къ постепенному устраненію обоихъ неудобствъ, ею высказанныхъ. Это достижимо теоретически лишь такимъ образомъ, чтобы государство сохраняло свое внѣшнее значеніе при возможно меньшемъ стѣсненіи личностей внутри его и при допущеніи возможно широкой политической жизни въ мелкихъ центрахъ населенія.

Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки сдѣлана попытка, до сихъ поръ самая широкая въ исторіи,

-соединить довольно сильное государственное единство, способное расширяться до какихъ угодно предѣловъ, съ возможно полною самостоятельностью мѣстныхъ центровъ. Но Сѣверо-Американскіе Штаты представляютъ въ этомъ отношеніи еще крупныя единицы, недопускающія всеобщаго участія населенія въ важнѣйшихъ функціяхъ политической жизни, а потому не представляющія ручательства въ томъ, что все населеніе штата считаетъ себя дѣйствительно солидарнымъ съ государственнымъ договоромъ, т.е. съ конституціею штата. Точно также теоретически и практически очевидно, что центральная конституція союза заключаетъ въ себѣ еще слишкомъ много элементовъ, которые впослѣдствіи могутъ быть переданы мѣстнымъ центрамъ безъ потери возможности для всего союза дѣйствовать, какъ одна государственная единица въ отношеніи другихъ государствъ. Такимъ образомъ предыдущая дилемма еще не разрѣшена нигдѣ, но можетъ быть разрѣшена болѣе строгимъ раздѣленіемъ двухъ сторонъ государствен-

и тѣмъ тяжелѣй эти несоразмѣрныя траты ложатся на его населеніе. При такомъ положеніи дѣлъ весьма понятно, что ложная идеализація видитъ во всякомъ увеличеніи государства его усиленіе, во всякомъ уменьшеніи — упадокъ. Конечно, иногда отдѣленіе части государства ослабляетъ его, но это тогда, когда часть эта составляетъ дѣйствительно органическій элементъ государственнаго тѣла, но отнята могуществомъ сосѣда. Тѣже части, которыя глубоко заражены сепаратистическими стремленіями, глубоко вкоренившимися, отпаденіемъ своимъ чаще усиливаютъ государство, чѣмъ способствуютъ его упадку. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ весьма трудно опредѣлить съ точностью насколько сепаратистическія стремленія данной части территоріи глубоко вкоренились въ этой мѣстности, такъ какъ весьма естественно ошибаться на этотъ счетъ, и такъ какъ часто случается, что сепаратистическія стремленія лежатъ въ интересахъ одного класса населенія и противны интересамъ другого класса, то совершенно понятно, что въ сомнитель-

ныхъ случаяхъ всякое государство борется съ сепаратизмомъ своихъ частей и что обществу приходится тратить на эту борьбу громадное количество силъ, иногда совершенно безполезно. Въ присутствіи другихъ сильныхъ государствъ, склонныхъ къ хищничеству, ни одно общество не желаетъ быть слабымъ. Но отношенія государствъ между собою сохранили еще въ значительной степени первобытный характеръ хищничества. Все это ведетъ за собою неизбѣжныя слѣдствія. Такъ какъ существованіе большихъ историческихъ государствъ есть историческій фактъ, то онъ долженъ быть взятъ въ соображеніе, и, пока карта міра будетъ представлять нѣсколько большихъ государствъ, до тѣхъ поръ совершенно естественно будетъ стремленіе всѣхъ обществъ сплотиться въ большія и сильныя государственныя тѣла, для того, чтобъ обезпечить свое <u>самостоятельное</u> развитіе, и, когда уже государство сплотилось, въ немъ совершенно естественно стремленіе отстаивать всѣми силами свою цѣлость.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ предъ собою дилемму: чѣмъ государство меньше,

Письмо четырнадцатое.

„Естественныя границы государства".

Въ послѣднемъ письмѣ я говорилъ о политическомъ прогрессѣ общества и пришелъ къ тому результату, что этотъ прогрессъ заключается въ уменьшеніи государственнаго элемента въ общественной жизни. Мнѣ пришлось указать, что современный строй общества еще не очень далеко ушелъ на пути этого прогресса и что государственное начало насильственнаго подчиненія одной части населенія территоріи, - условіямъ жизни, не обсужденнымъ этою частью населенія, - есть общее правило для современныхъ обществъ. Такое положеніе дѣлъ налагаетъ на личностях тѣмъ болѣе, что государственныя единицы стремятся расшириться для большаго ручательства - за успѣхъ въ случаѣ борьбы между государствами, а по мѣрѣ расширенія государ-

ственныхъ единицъ, онѣ захваты-
ваютъ мѣстности, все больше раз-
личающіяся между собою по эконо-
мическимъ и нравственнымъ по-
требностямъ населенія. Конечно, от-
дѣльныя личности не въ состояніи
бороться противъ государства, за-
хватывающаго ихъ жилища въ свою
территорію, налагающаго на нихъ
обязанность подданства. Но для обез-
печенія личностей отъ постоянныхъ
случайностей подобнаго рода, мысли-
тели выставляли различные прин-
ципы, которые должны бы указать
естественные предѣлы распрост-
раненія государства. Если бы подоб-
ные принципы были установлены,
то можно было бы научно опредѣлить
для каждаго государства законность
или незаконность его существованія
справедливость или несправедливость
его завоевательныхъ войнъ, словомъ,
идеальную систему раздѣленія
земного міра по государственныя
территоріи. Тогда всякое государ-
ство имѣло бы опредѣленную цѣль для
своего территоріальнаго развитія
и при всякомъ отклоненіи отъ этой
цѣли, что завѣщаетъ слѣдую-
щимъ поколѣніямъ тяжелую борь

паденіи самостоятельности наро-
до-правительствъ, шло впередъ ря-
домъ съ ослабленіемъ работы мас-
сы. Въ московской Руси критика мог-
ла уже проявляться лишь въ формѣ
Стеньки Разина и раскола. Все это при-
водитъ къ заключенію, что раздробле-
ніе національностей на независимыя
государства гораздо больше способствуетъ
прогрессу обществъ, входящихъ въ со-
ставъ данной національности, чѣмъ со-
единеніе всей націи, говорящей какимъ-
либо языкомъ, подъ законы одного госу-
дарства. Имѣя это въ виду прогрессив-
ныя партіи должны больше заботить-
ся о независимости территорій, ле-
жащихъ за предѣлами политическа-
го ихъ отечества, но имѣющихъ съ
нимъ общій языкъ, чѣмъ о включеніи
ихъ въ одно государство. Конечно, здра-
вомыслящіе французскіе прогрессис-
ты, должны видѣть, что для нихъ
выгоднѣе, чтобы Бельгія, Женева оста-
лись независимыми, чѣмъ входили въ
державу Наполеоновъ. Тамъ же, гдѣ
подобныхъ независимыхъ территорій
не оказывается, прогрессивная партія
должна всѣми силами бороться для
ихъ образованія, такъ какъ онѣ пред-
ставляютъ важное пособіе свободной

критикѣ личностей, распространенію независимой мысли и усиленію прогрессивной партіи. Вообще, можно сказать, что <u>положительная</u> сторона національнаго принципа въ раздѣленіи территоріи не должна считаться прогрессивною, и нація, стремящаяся къ достиженію естественныхъ государственныхъ границъ въ томъ смыслѣ, чтобъ въ нихъ включить всѣ личности, говорящія ея языкомъ, весьма ошибается, если видитъ въ этомъ стремленіи прогрессъ.

<u>Отрицательная</u> сторона принципа національностей имѣетъ большое значеніе. Различіе языка и культурныхъ привычекъ большею частію обусловливаетъ достаточную разницу въ экономическихъ, политическихъ и научныхъ потребностяхъ, чтобъ государственное единство при этихъ условіяхъ дѣлалось крайне затруднительнымъ. Большею частью при соединеніи различныхъ національностей въ одно государство договоръ, ихъ связывающій, выгоденъ для одной національности - стѣснителенъ для другой и возбуждаетъ ихъ взаимную вражду. Исходъ столкновеній можетъ заключаться или въ томъ, что сильнѣйшая національность поѣдаетъ

ную борьбу большею частію гибли въ борьбѣ и прогрессъ общества замедлялся. Напротивъ, когда нѣсколько независимыхъ государствъ употребляли одинъ и тотъ же языкъ, то между ними весьма скоро возникало соперничество не только въ сферѣ политическаго вліянія, но и вообще въ области мысли. Личности, критическія стремленія которыхъ подвергали и могли подвергнуть ихъ преслѣдованію въ одномъ государствѣ, находили убѣжище въ другомъ. Ихъ мысль крѣпла на свободѣ. Обязанность культурныхъ условій въ обоихъ государствахъ дозволяла легко распространяться слову и мысли изъ одного государства въ другое, не смотря ни на какія препятствія. Партія прогресса усиливалась и вѣроятность прогрессивныхъ реформъ въ обществѣ становилась значительнѣе.

Исторія представляетъ множество примѣровъ въ подтвержденіе этого положенія. Раздѣленіе греческаго міра на независимые центры способствовало развитію греческой мысли не только въ эпоху свободныхъ республикъ, но даже въ эпоху деспотическихъ діадоховъ. Единство римскаго государства

задавило развитіе критической мысли. Феодальный міръ Европы, несмотря на дикость его цивилизаціи, на крайнюю бѣдность его культуры, далъ начало полемической и сатирической литературѣ, смѣлость которой едва вообразима въ время ужасовъ инквизиціи и полнѣйшаго самоуправства властителей, не ставившихъ жизнь и свободу личностей ни во что. Критика старой Франціи въ періодѣ Бурбоновъ стала возможна и вліятельна именно потому, что ни Людовикъ XIV, ни Людовикъ XV не могли помѣшать существованію французской литературы за предѣлами ихъ государства, среди населенія, говорившаго по французски. Едва ли германская философская мысль могла бы получить такое блестящее развитіе и такое независимое отношеніе къ своему предмету, если бы германскіе университеты не были разсѣяны въ независимыхъ государствахъ, соперничествовавшихъ въ области мысли, какъ древніе феодалы, не смотря на свою склонность къ абсолютизму. Даже для древней Руси можно замѣтить, что преобладаніе сѣверной Руси надъ южною и потомъ Москвы надъ Русью при

которая все таки кончится тѣмъ, что государство будетъ приведено когда нибудь къ своимъ естественнымъ границамъ. Можетъ быть подобное соображеніе устранило бы изъ исторіи человѣчества многія кровавыя столкновенія, много страданія и горя для личностей, такъ какъ надо предполагать, что многіе руководители судебъ народовъ сообразили бы насколько не мудро проливать кровь и тратить капиталы на предпріятія по самой сущности своей противорѣчащія естественному теченію событій.

Но до сихъ поръ ни одного сколько нибудь раціональнаго принципа въ этомъ отношеніи не было выставлено; естественные предѣлы государства оказались въ большинствѣ случаевъ не больше, какъ маскою для хищническихъ поползновеній для захвата этого, или другого кусочка землицы. Если внимательно разсмотрѣть дѣятельность разныхъ пріобрѣтателей возвеличенныхъ исторіею, что предѣлы къ которымъ они стремились для своихъ государствъ, оказывутся въ самомъ дѣлѣ естественными, но совсѣмъ въ иномъ смыслѣ. Они руководствовались весьма простымъ прин

ципомъ, сближающимъ человѣка съ его меньшими зоологическими братьями: бери, что можешь; а при этомъ естественные предѣлы силы опредѣляютъ и естественные предѣлы государства. Идеаломъ для такихъ пріобрѣтателей всегда было всемірное государство. Ни форма правительства, ни раса завоевателей, ни степень ихъ цивилизаціи въ этомъ случаѣ не представляютъ ни малѣйшей разницы. Тамерланъ, Людовикъ XIV, Александръ Македонскій, Наполеонъ I, Римская республика, Венеціанская аристократія, Сѣверо-Американская демократія имѣли въ виду одно и тоже.

Если наши заатлантическіе друзья ограничиваются въ своей политической программѣ материкомъ новаго свѣта, то это ничто иное, какъ временная стыдливость: во первыхъ, и программа овладѣнія материкомъ Америки уже довольна обширна, чтобы доставить не мало дѣла нѣсколькимъ послѣдовательнымъ поколѣніямъ; во вторыхъ, государство, охватывающее весь материкъ Америки будетъ неизбѣжно господствовать надъ всѣми государствами міра; слѣдовательно, на самостоятельность будетъ лишь ка-

жущегося; но наконецъ въ третьихъ, что не мѣшаетъ начертать другую, болѣе широкую программу, когда первая будетъ выполнена".

Изъ разныхъ принциповъ, выставленныхъ до сихъ поръ для опредѣленія естественныхъ предѣловъ государства лишь два заслуживаютъ особеннаго вниманія, это - стратегическіе принципы и границы національностей.

Если существующее отношеніе между государствами есть борьба, то совершенно понятно принять за естественные предѣлы для каждаго государства такія линіи, за которыми оно наиболѣе обезпечено отъ нападеній, т.е., можетъ съ наименьшими издержками оградить свою территорію отъ захватовъ. Но подобныя линіи оказываются цѣлесообразными лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда государство готово къ оборонѣ и проникнуто достаточно энергіею для обороны, да еще, если силы обороняющагося не чрезмѣрно уступаютъ силамъ наступающаго, иначе говоря, стратегическія линіи хороши лишь тогда, когда и безъ нихъ оборона страны можетъ быть весьма значительна. Если же указанныхъ

условій для нея не существуетъ, что стратегическія границы не помогали никогда. Широкія рѣки и моря столь же мало останавливали искусныхъ и энергическихъ полководцевъ, какъ хребты горъ, китайскія стѣны и прямолинейные четырехугольники крѣпостей. Для государства сильнаго матеріально и нравственно всюду оказывается достаточная стратегическая граница; въ минуты политическаго ослабленія такія границы существуютъ лишь на картахъ.

Въ послѣднее время получаетъ болѣе и болѣе значенія на ходъ историческихъ событій принципъ національностей. Я говорилъ въ одиннадцатомъ письмѣ объ отношеніи [illegible] къ этому принципу и о томъ, какимъ путемъ національность можетъ быть наиболѣе прогрессивнымъ. Но намъ пришлось остановиться на обстоятельствѣ, усложняющемъ вопросъ именно въ случаѣ столкновенія національностей. Разсмотрѣть этотъ случай нельзя было, не взявъ въ соображеніе принципъ государства, такъ какъ столкновеніе національностей происходитъ или въ формѣ столкновенія государствъ

но подобная задача, какъ извѣстно изъ исторіи, выполнялась въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Напротивъ, меньшинство, пользовавшееся благами данной цивилизаціи, - вслѣдствіе дурно продуманнаго эгоизма, хотѣла большею частью присвоить себѣ монополію выгодъ цивилизаціи, оставляя на долю большинства лишь ея тягости. Лучшимъ орудіемъ для подобныхъ стремленій служила и могла служить государственная организація. Помощью ея меньшинство монополистовъ цивилизаціи пыталось упрочить себѣ ея выгоды и подавлять всякую попытку къ измѣненію порядка вещей въ обществѣ, - измѣненію, которое имѣло бы цѣлью внести въ общество болѣе справедливыя отношенія между личностями. Подобныя попытки, вызываемыя общественными страданіями, тѣмъ не менѣе дѣлались личностями, и это какъ мы уже видѣли, былъ единственный путь прогрессивнаго развитія для общества. Слѣдовательно, прогрессъ общества требовалъ, чтобы для отдѣльныхъ личностей были <u>возможны</u> попытки критически относиться къ существующему общественному

строю, распространять свои идеи, собрать около себя единомышленниковъ и образовать партію, которая выступила въ борьбу за болѣе истинное пониманіе и болѣе справедливое осуществленіе общественныхъ задачъ. Конечно, подобная борьба личностей за общественный прогрессъ имѣла главнымъ орудіемъ своимъ проповѣдь словесную, или письменную, на языкѣ того общества, строй котораго имѣла въ виду критика личностей и на которое имъ необходимо было подѣйствовать для своихъ реформаціонныхъ цѣлей. Но столь же неизбѣжно было и то, что именно на эти личности направлялись удары государственной организаціи, имѣвшей въ виду охранить монополію меньшинства въ пользованіи выгодами цивилизаціи. Поэтому, если всѣ личности, говорившія однимъ языкомъ, жили въ предѣлахъ <u>одной</u> государственной территоріи, то дѣйствіе личностей на населеніе территоріи было бы очень затруднено, критическая мысль слабѣла, образованіе реформаторскихъ партій встрѣчало значительныя препятствія; личности, пытавшіяся вывести общество на болѣе прогрессив-

договоромъ?

Неужели можно видѣть прогрессъ въ томъ, что политическія условія составленныя частью населенія вслѣдствіе особенныхъ потребностей и интересовъ этой части, будутъ обязательны для населенія другой части территоріи, связанной съ первою лишь единствомъ языка и нѣкоторыми другими особенностями культуры? Ни пониманіе истинныхъ потребностей отдѣльныхъ личностей, ни пониманіе справедливѣйшихъ отношеній между ними не можетъ выиграть отъ этого искуственнаго соединенія однимъ принудительнымъ договоромъ людей, имѣющихъ весьма мало общаго, и въ подобномъ соединеніи всего меньше можно видѣть внесеніе справедливости въ общественныя формы. Это соединеніе вноситъ въ населеніе государственной территоріи лишь взаимное раздраженіе, - т. е. источникъ сепаратистическихъ стремленій, которые, какъ уже было сказано, опаснѣе самого распаденія государства. Оно обращаетъ государство все больше и больше въ отвлеченное цѣлое, а не въ живую единицу, выдвигаетъ все больше и больше на видъ, при его объединеніи не общность ин-

тересовъ культурныхъ привычекъ и вопросовъ въ области мысли, а принудительность договора, поддерживаемаго административною организаціею и силою оружія. Поэтому слитіе обществъ одной національности въ одно государство не представляетъ никакого ручательства въ содѣйствіи прогрессу обществъ, и чѣмъ значительнѣе распространеніе данной національности, слѣдовательно, чѣмъ значительнѣе территорія государства, его образуемаго, тѣмъ вѣроятнѣе, что стѣсненіе населенія государственнымъ договоромъ усилится и явится большею помѣхою общественному прогрессу.

Но есть еще поводъ предполагать, что государственное объединеніе національности скорѣе можетъ противодѣйствовать прогрессу общества, чѣмъ способствовать ему. Я говорилъ въ прежнихъ письмахъ о томъ, что цивилизація выдвигала постоянно впередъ меньшинство, пользующееся ея выгодами и на которомъ лежала обязанность распространить эти выгоды на большинство. Хотя это было и нравственною обязанностью и заключало въ себѣ требованіе пользы самого меньшинства,

08279.

или въ формѣ борьбы внутри государства за его цѣльность и за его сепаратизацію. Хотя исторія не разъ доказывала, что войны происходятъ столь же часто между различными націями, какъ и между обществами, принадлежащими къ одной національности; но въ послѣднее время многіе считаютъ вѣрнѣйшимъ предохранительнымъ средствомъ отъ будущихъ войнъ и междоусобій принципъ національности въ его примѣненіи къ опредѣленію естественныхъ границъ государства. Въ этомъ отношеніи онъ выражаетъ двойственное стремленіе: 1е, _положительное_ объединеніе личностей одной и той же національности въ одно и тоже государство; 2е, _отрицательное_ освобожденіе личностей изъ государственнаго единства, образуемаго національностью, иною чуждою. Посмотримъ насколько можно считать прогрессивными эти два элемента національнаго принципа.

Первый изъ нихъ можетъ быть сведенъ на слѣдующее положеніе: естественно и справедливо, чтобъ одинъ и тотъ же государственный договоръ былъ обязателенъ для всѣхъ личностей, кото-

рыхъ культура связала языкомъ, преданіями, образомъ жизни. Весьма понятно, что культурная связь можетъ существовать и для личностей, экономическія, политическія и научныя требованія которыхъ весьма различны. Двѣ группы людей, говорящихъ на одномъ и томъ же языкѣ, могутъ имѣть совершенно различную обстановку. Промышленные и торговые центры могутъ быть общи для людей, имѣющихъ различный образъ жизни и различны для людей, сходныхъ по образу жизни. Для одной части національности интересъ обороны своего существованія отъ хищничества сосѣдей можетъ требовать большей централизаціи управленія и высшихъ прерогативъ для власти, тогда, какъ другая часть той же національности, обезпеченная отъ внѣшнихъ нападеній свойствомъ мѣстности, на которой она обитаетъ, не имѣетъ нужды въ подобной централизаціи и можетъ стремиться свести принудительность государственнаго договора до минимума. Что же можно признать прогрессивнымъ въ объединеніи этихъ разнообразныхъ группъ однимъ государственнымъ

слабѣйшую, подавляя мало по малу ея особенности, или въ томъ, что государственное единство все болѣе стремится перейти въ федеративный союзъ отдѣльныхъ государствъ. При этомъ совершенно естественно, что слабѣйшая національность, всѣми силами отстаивая свое существованіе, стремится составить особое государство, такъ какъ въ противномъ случаѣ ей грозитъ гибель. Борьба за свое существованіе есть борьба вполнѣ законная, слѣдовательно и стремленіе къ государственному обособленію въ этомъ случаѣ совершенно естественно. Столь же естестественно, въ виду борьбы между большими государствами, какъ я говорилъ въ послѣднемъ письмѣ стремленіе государственной власти сохранить единство государственнаго цѣлаго. При этомъ сталкиваются и естестественныя стремленія, но вопросъ о справедливости и прогрессѣ нисколько не связанъ не раздѣльно ни съ тѣмъ, ни съ другимъ, какъ всякое другое знамя общественныхъ партій, и сепаратизмъ во имя національности, и стремленіе поддержать государственное единство, могутъ быть явленіями прогрессивными въ одномъ слу-

гахъ ретроградными въ другомъ. Рѣшеніе вопроса зависитъ отъ совокупности обстоятельствъ, а не отъ котораго либо изъ нихъ взятаго въ отдѣльности.

Каждая національность, въ данную эпоху своей исторіи, лишь на столько имѣетъ право на сочувствіе мыслителя, на сколько она въ формахъ своей цивилизаціи осуществила стремленія къ истинѣ и справедливости. При столкновеніи національностей по вопросу о государственномъ единствѣ, или сепаратизмѣ, побѣда во имя прогресса желательна для той національности, которая воспитала въ себѣ болѣе критическое отношеніе къ вопросамъ въ области мысли, болѣе живое стремленіе къ практическому осуществленію того, что справедливѣе. Національность, опирающаяся въ своихъ требованіяхъ на грубую силу численнаго преобладанія, на преданія, чуждыя научной критикѣ, на пережитые давно періоды исторіи, на трактаты, когда-то ограждавшіе права хищниковъ формальнаго договора, — сама себѣ подписываетъ приговоръ въ процессѣ историческаго столкновенія народовъ. Исторія

тымъ именно отличается отъ остальныхъ процессовъ природы, что въ ней явленія природы не повторяются и происшедшее остается для нея лишь воспоминаніемъ. Если бы во имя минувшаго можно было передѣлывать настоящее, то подобная передѣлка не имѣла бы конца, такъ какъ за полувѣковымъ минувшимъ возстало бы минувшее вѣковое, за нимъ двухвѣковое и т. д., и т. д. каждое со <u>своими</u> легендарными стремленіями и желаніями, со <u>своими</u> героями и злодѣями. Минувшее минуло и не можетъ быть судьею настоящаго. Судьею настоящаго является еще неосуществленное будущее въ его идеалахъ истины и справедливости, такъ какъ они живутъ въ умахъ мыслителей настоящаго.

Передъ мыслителемъ въ основѣ всего лежитъ неизмѣнный законъ природы, который нарушить нельзя ни для какихъ стремленій къ лучшему, истиннѣйшему и справедливѣйшему. Передъ мыслителемъ фактичное распредѣленіе матеріальныхъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ въ настоящемъ, распредѣленіе, сдѣланное минувшею исто-

ріею, котораго не признать тоже нельзя изъ за новыхъ идеаловъ, потому что оно совершилось. Предъ мыслителемъ идеалы истины и справедливости, выработанные вокругъ него и въ немъ самомъ исторіею. Въ нихъ заключаются движущія силы будущаго, дѣйствіе которыхъ обусловлено неизмѣнными законами природы и данною почвою историческихъ фактовъ. Во имя этихъ идеаловъ, и только во имя ихъ, можно объявить настоящее распредѣленіе силъ не правильнымъ. Ни какое другое право не можетъ быть признано передъ судомъ совершающейся исторіи. Національность, которая хочетъ отстоять себя въ борьбѣ за существованіе при невыгодныхъ для нея условіяхъ, должна заявить себя представительницей лучшихъ требованій будущаго, не ссылаясь на невозвратимое минувшее. Національность, которая хочетъ преобладать надъ другими, должна отречься отъ всего, что сковывало жизнь народовъ съ отжившими началами, должна возможно строже провести критику въ области мысли, возможно лучше осуществить справедливость въ области жизни. Внѣ этихъ

способовъ нѣтъ прочныхъ основъ для государственнаго развитія національностей. Если онѣ напишутъ на своемъ знамени призраки минувшаго, то ихъ существованіе всегда будетъ не прочно и призрачно, не смотря на героизмъ личности, не смотря на сочувствіе, которое всегда внушаетъ зрителю отвага отчаянной борьбы слабаго противъ сильнаго. Если нація скуетъ себя съ муміею безжизненныхъ началъ, то ни огромность территоріи, ни значительность матеріальныхъ средствъ не доставитъ ей прочнаго господства среди народовъ; ея мысль останется безплодною, ея лучшія стремленія будутъ поражены безсиліемъ и ей придется подчиниться умственно и нравственно народамъ, несравненно слабѣйшимъ ея. Лишь въ наукѣ и справедливости — сила народовъ.

Потому и въ борьбѣ за государственное единство, или сепаратизмъ, тотъ изъ этихъ элементовъ есть представитель права, который написалъ на знамени національности, вполнѣ отрекшейся отъ призраковъ минувшаго, вносящей критику въ область мысли, справедливость въ области жизни.

Государство есть отвлеченное понятие и если это понятие не заключает реальнаго содержания, то оно становится идоломъ, предъ которымъ приносить кровавыя жертвы безсмысленно. Реальное содержание понятию даеть личность въ своемъ развитии. Внеся въ понятие о государствѣ требование истины и справедливости, личность обращаетъ предразсудочнаго идола въ нераздѣльный элементъ высшаго общественнаго идеала и для этого идеала всякия жертвы разумны и справедливы. Обособление национальности устраняется, какъ не существенный вопросъ тамъ, гдѣ государство, хотя издалека подходитъ къ идеальнымъ требованиямъ, и это доказываетъ примѣръ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, гдѣ эмигранты изъ цѣлаго мира уже во второмъ поколѣнии, а иногда и въ первомъ, становятся просто американцами. Сепаратизмъ Южныхъ Штатовъ не имѣлъ права заявлять себя передъ Конституциею, лучше которой еще ничего не представила история; и предъ установлениемъ равноправности расъ которой пришлось лишь противопоставить апологию невольничества. Съ другой стороны

Многочисленныя сепаратистическія стремленія въ Европѣ и Южной Америкѣ имѣли весьма часто право за себя, потому что государства, противъ единства которыхъ вооружались сепаратисты, были весьма далеко отъ допущенія свободной критики въ мысли и отъ воплощенія справедливости въ общественныхъ формахъ. Здѣсь право склонялось тѣмъ болѣе на сторону сепаратистовъ, чѣмъ прогрессивнѣе былъ государственный идеалъ, къ которому они стремились при обособленіи. Тамъ же, гдѣ и защитники единства государства и сепаратисты стоятъ изъ за мнѣній и изъ за призраковъ минувшаго, въ весьма незначительной степени внося въ свои требованія идеалы современности,— тамъ идетъ борьба не за прогрессъ, не за человѣчныя стремленія; тамъ мыслитель отворачивается, жалѣя о тратѣ силъ и крови. Тамъ лишь любитель историческихъ мелодрамъ съ жадностью слѣдитъ за кровавою борьбою гладіаторовъ, за фанатическимъ самоотверженіемъ рыцарей минувшаго съ ихъ разнообразными девизами. Гомериды будутъ всегда воспѣвать поединки Гекторовъ и Ахилловъ, но какой смыслъ для

Аристотеля имѣетъ борьба за прекрасную Елену?

Когда національность проникалась требованіями истины и справедливости, когда она рѣшилась разорвать связи съ минувшимъ служить прогрессу, то она имѣетъ право отстаивать свое обособленіе отъ государственнаго единства, стѣсняющаго ея стремленія, или, если она достигла уже государственнаго преобладанія, она имѣетъ полное право употреблять самыя энергическія мѣры, чтобъ отстоять свою прочность и матеріальную силу своей политической организаціи, рядомъ съ сосѣдями, стоящими на низшей ступени цивилизаціи. Прогрессивная національность имѣетъ право на подавленіе сепаративныхъ стремленій національностей менѣе прогрессивныхъ и связанныхъ съ нею исторически государственнымъ договоромъ. Но это послѣднее <u>абст[illegible]тное</u> право <u>никогда</u> не приходится прилагать на практикѣ, такъ какъ прогрессивной національности не приходится бороться съ сепаратизмомъ всего населенія части территоріи, а развѣ съ однимъ классомъ послѣдней. Такъ Сѣверные Штаты боролись не противъ всего населенія Юж-

нымъ, а противъ меньшинства населенія, стремившагося удержать за собою власть надъ большинствомъ. При подобныхъ обстоятельствахъ борьба правомѣрна лишь въ томъ случаѣ, когда національность, отстаивающая цѣлость государства *дѣйствительно* имѣетъ въ виду улучшить состояніе подавленнаго большинства и можетъ ему принести *дѣйствительно* высшія общественныя начала, чѣмъ національность, стремящаяся къ сепаратизму. Такъ было въ Америкѣ.

Можетъ представиться вопросъ: если государственное начало въ своемъ прогрессивномъ развитіи должно придти къ минимуму, то не слѣдуетъ ли прогрессивнымъ партіямъ устраниться вовсе отъ политическихъ вопросовъ и обратиться исключительно къ другимъ сторонамъ общественной дѣятельности? Такъ какъ уже было сказано, что историческія условія составляютъ почву *возможнаго* для всякой дѣятельности, то въ нихъ надо искать и рѣшеніе вопроса. Такъ какъ самыя прогрессивныя партіи составляютъ еще меньшинство человѣчества и самыя прогрессивныя національности подвергаются опасности хищническаго насилія со стороны сосѣдей, то онѣ должны

должны готовиться къ борьбѣ, должны отстаивать прогрессъ и въ томъ, чтобы ему доставить больше матеріальной силы. Отсюда временная обязанность для прогрессивныхъ партій не отстаивать свои идеи путемъ критики и вопиощать ихъ путемъ убѣжденія, но и пользоваться существующими государственными организаціями для того, чтобы бороться со враждебными партіями, стоящими во главѣ другихъ государствъ.

Конечно, это обязанность лишь временная, вызываемая антагонизмомъ, которое господствуетъ въ сношеніяхъ между государствами и опасностью политическихъ войнъ. Мы видѣли, что политическій прогрессъ заключается въ доведеніи государственнаго элемента въ обществѣ до минимума, т. е. въ устраненіи всякой принудительности политическаго договора для личностей съ нимъ несогласныхъ. Такъ какъ этотъ процессъ уничтожаетъ сепаратистическія стремленія въ самомъ ихъ зародышѣ, то вмѣстѣ съ тѣмъ изчезнутъ и поводы борьбы между національностями, поводы къ стѣсненію однѣхъ національностей другими во имя государственнаго единства. Вмѣстѣ съ тѣмъ потеряетъ свое значеніе и вопросъ объ

естественныхъ границахъ государствъ. Временные экономическіе, культурные или научные интересы должны сблизить общества и опредѣлить временную территорію федераціи, имѣющей опредѣленную цѣль. Эта цѣль измѣняетъ, расширяетъ и суживаетъ границы федераціи, которыя остаются всегда единственными. Что касается до высшаго единства, то, какъ мы видѣли въ пятнадцатомъ письмѣ, оно должно быть скрѣплено общечеловѣческою наукою, для которой естественныхъ границъ ни на какой картѣ начертить нельзя.

Согласится или несогласится со мною читатель, что таково вѣроятное, или, по крайней мѣрѣ, возможное будущее, относительно прошедшаго онъ, конечно, очень хорошо знаетъ, что дѣло было не такъ. Принудительное начало внутри государствъ и механическія отношенія между государствами преобладали. Совершенно естественно, что подобное положеніе дѣлъ было всего тяжелѣе тому меньшинству, которое выдѣлилось изъ массы по силѣ ума и по энергіи характера. Поэтому понятно, что умъ и характеръ передовыхъ личностей въ прошедшемъ были всего чаще и всего замѣтнѣе обращены на политическіе вопросы. Когда

принудительная сила была въ рукахъ лицъ, заинтересованныхъ въ тѣхъ самыхъ вопросахъ, которые вызывали принужденіе, то всего естественнѣе было ожидать злоупотребленій силы. Эти злоупотребленія, въ свою очередь, вызывали всего скорѣе оппозицію, образованіе партій, борьбу силъ, и потому именно самая замѣтная сторона исторіи - была исторія государственной борьбы. Кому будетъ принадлежать фактическое право устанавливать государственный договоръ. На сколько могутъ отдѣльныя личности и общества вліять на его составленіе, протестовать противъ его неудобствъ и требовать его измѣненія? Кому придется подчиняться государственному договору не обсуждая его? Споръ изъ за этихъ вопросовъ составляетъ всю серіозность борьбы личностей за короны, за санъ визирей, или портфели отвѣтственныхъ министровъ - борьбы политическихъ партій въ прессѣ, въ парламентахъ, на площадяхъ и на поляхъ сраженій, борьбы народовъ за самостоятельность или подчиненіе другихъ, борьбы государствъ за преобладаніе, борьбы лучшихъ людей за политическій прогрессъ.

Но это - наиболѣе *видимая* сторона исторіи, ея драматическая внѣшность

ея пестрая одежда. Интересъ мыслящаго историка лежитъ подъ этою внѣшностью болѣе существенныхъ началъ. Самыя драматическія эпохи иногда указываютъ лишь траты силъ на вопросы маловажные. Самыя даровитыя личности иногда употребляли свой умъ и энергію на цѣли весьма ничтожныя. Успѣхъ и блескъ дѣятельности не доказываетъ еще высокаго человѣчнаго значенія личности. Перспектива фактовъ въ исторіи должна соотвѣтствовать значенію этихъ фактовъ для прогресса человѣчества. Тотъ элементъ, расширеніе котораго наиболѣе важно для прогресса можетъ имѣть значеніе и въ своихъ, едва замѣтныхъ проявленіяхъ. Тотъ же, который долженъ терять значеніе по мѣрѣ прогресса общества, имѣетъ наименѣе правъ на вниманіе историка.

По мѣрѣ развитія общества государственный элементъ доходитъ въ немъ до минимума; слѣдовательно, политическая исторія представляетъ наименьшій интересъ для того, кто хочетъ найти какой либо смыслъ въ исторіи человѣчества. При каждомъ внѣшнемъ столкновеніи государствъ, какъ при каждомъ внутреннемъ ихъ

потрясеніи, который долженъ спросить себя прежде всего: какіе внѣ государства элементы играли роль въ этомъ столкновеніи, въ этомъ потрясеніи? Отъ каждаго вліятельнаго дѣятеля слѣдуетъ требовать отвѣтъ: что онъ сдѣлалъ, чтобъ уменьшить дѣйствіе принудительнаго государственнаго элемента на общество? Насколько онъ содѣйствовалъ, или противодѣйствовалъ прогрессу внѣгосударственныхъ элементовъ? Расширенія и распаденія государствъ, обширныя завоевательныя предпріятія, кровавыя битвы, дипломатическія хитрости, административныя распоряженія, – получаютъ съ этой точки зрѣнія новый интересъ, но уже совершенно иной, чѣмъ тотъ, который они имѣли въ глазахъ прежнихъ историковъ. Сами по себѣ эти явленія никакой важности не имѣютъ: это метеорологическіе процессы исторіи. Сильные ураганы, землетрясенія, эпидеміи, особенно красивыя сѣверныя сіянія, необычное рожденіе близнецовъ или уродовъ суть факты совершенно одинаковаго значенія съ процессами, указанными выше. Въ обоихъ случаяхъ фактъ для ученаго важенъ не самъ по себѣ, а по его послѣдствіямъ или причинамъ. Онъ возбуждаетъ вниманіе

и тщательно изучается или для отысканія новаго общаго закона, основныхъ явленій физическихъ и психическихъ, или для того, чтобы вызвать въ будущемъ выгодныя распредѣленія фактовъ и устранить вредныя. Какія потребности и мысли вызвали то, или другое политическое явленіе? На сколько оно способствовало появленію новыхъ потребностей и измѣненію прежнихъ? На сколько оно расшатало новую культуру или укрѣпило ее? На сколько оно дало толчекъ новому развитію мысли? Вотъ существенные вопросы исторіи относительно каждаго политическаго явленія. За ними являются другія: на сколько въ этомъ явленіи можно изучить психическіе процессы личности, гибкость ея мысли, ея стремленіе къ личному развитію и къ справедливости? На сколько въ немъ можно изучить явленіе общественной культуры на психическую жизнь личности? Рѣшеніе первыхъ вопросовъ указываетъ указываетъ собственно историческое значеніе политическихъ событій; рѣшеніе вторыхъ уясняетъ важность этихъ событій, какъ матеріала для личной психологіи и соціологіи. Въ обоихъ случаяхъ политической исторіи придаютъ значеніе задачи высшихъ частей естество-

знанія, или задачи исторіи цивилизаціи.

Эти задачи я указалъ уже въ первомъ письмѣ, но теперь ихъ можно формулировать нѣсколько иначе. Исторія цивилизаціи должна показать, какъ изъ естественныхъ потребностей развилась первая культура; какъ она немедленно прибавила къ естественнымъ потребностямъ искусственныя въ формѣ привычки и преданій; какъ мысль работала на этой почвѣ, увеличивая знаніе, уясняя справедливость, округляя философію, воплощая свои пріобрѣтенія въ жизнь; какъ этимъ путемъ возникалъ рядъ культуръ, смѣнявшихъ одна другую; какъ ихъ формы давали болѣе или менѣе простора работѣ мысли; какъ цивилизаціи, такимъ образомъ возникавшія, развивались критическою борьбою личностей, ослабляли и губили сами себя недостаточнымъ пониманіемъ требованій справедливости, или впадали въ застой отъ недостаточной работы въ нихъ критической мысли, или дѣлались жертвами внѣшнихъ историческихъ катастрофъ; какъ періоды усиленной работы критической мысли ускоряли и оживляли прогрессивное движеніе человѣчества; какъ

смѣнялись они періодами господства
преданій, еще сильныхъ въ массѣ, недос-
таточно развитой передовымъ мень-
шинствомъ; какъ критическая мысль
снова продолжала работать подъ са-
мыми неудобными, повидимому, фор-
мами, подъ самыми странными деви-
зами; какъ росли и сталкивались пар-
тіи; какъ мѣнялся смыслъ великихъ
принциповъ на ихъ знаменахъ; какъ
критика и только одна критика
вела человѣчество впередъ; какъ ложныя
идеализаціи мало по малу смѣнялись
истинными; какъ расширялась область
мысли; какъ уяснялась и воплощалась
въ жизни личностей и въ общественныя
формы справедливость; какъ падали
передъ ними самыя прочныя преда-
нія, исчезали самыя закоренѣлыя
привычки, оказывались немощными
самыя громадныя силы; какъ въ дра-
му исторіи вписывали свои имена лич-
ности, національности, государства,
по очереди становясь органами то про-
гресса, то реакціи; какъ выработался
въ нынѣшнемъ человѣчествѣ тотъ идеалъ
прогрессивной дѣятельности, который
борется въ наше время противу всѣхъ
ложныхъ идеализацій, его окружаю-
щихъ, противу накопившихся куль-

турныхъ привычекъ и преданій стараго времени, противу индифферентизма большинства.

Еще короче задачу исторіи можно выразить такъ: показать, какъ критическая мысль личностей перерабатывала культуру обществъ, „стремясь внести въ цивилизацію ихъ больше истины и справедливости.

Письмо пятнадцатое.

„Критика и вѣра".

Въ рядѣ предыдущихъ писемъ я разобралъ главнѣйшіе девизы, обыкновенно стоящіе на знаменахъ общественныхъ партій и для всѣхъ ихъ оказалось вѣрнымъ высказанное еще прежде общее положеніе: ни одинъ изъ нихъ самъ по себѣ не есть выраженіе прогресса; смотря по обстоятельствамъ онъ представляетъ реакцію, или движеніе впередъ, получаетъ жизненное начало, или дѣлается пустымъ словомъ. Постоянно надъ этими девизами

нисколько не придаютъ больше силы и непреклонности, подобной рѣшимости жить и умереть за то, во что вѣришь. Правда что минувшая исторія человѣчества сохранила гораздо больше преданій о людяхъ, боровшихся и умиравшихъ за призраки, не провѣренные критикою, чѣмъ за убѣжденія, не имѣвшія ничего фантастическаго. Вѣра въ призраки возможна на столько же, какъ и вѣра въ прогрессивныя идеи. Люди, слабые мыслію и дающіе въ своей жизни мало мѣста критикѣ, могутъ дойти до героизма лишь въ процессѣ вѣры и этотъ процессъ, составляющій въ нихъ единственно высокую исторію, конечно, перенесетъ ихъ и въ исторію, какъ героевъ вѣры. Люди мысли и критики представляютъ біографу столько разнообразныхъ сторонъ въ своей умственной и гражданской дѣятельности, что онъ пропускаетъ иногда безъ достаточного вниманія тотъ героизмъ вѣры, который выработался въ нихъ путемъ критики и доставилъ имъ въ жизни много тяжелой, неустанной борьбы, заставилъ отказаться отъ многихъ благъ, а иногда отъ жизни. Костеръ Джіордано Бруно и Серве

неуступали костру святого Лаврентія и Яна Гусса. Спинозы, фейербахи и Штраусы умѣли терпѣть отверженіе и бѣдность не хуже древних и новыхъ миссіонеровъ. Республиканцы умирали подъ пулями и ножами роялистовъ съ тою же рѣшимостью, какъ роялисты на эшафотѣ Конвента.

Вѣра, вызывающая готовность жертвовать не колеблясь временными удобствами жизни, привязанностью людей, даже жизнію людей за то, что мы признаемъ за истину и справедливость, являлась во всѣхъ партіяхъ въ минуту борьбы. Она одушевляла тѣхъ, которые кромѣ ея не имѣли ни какихъ достоинствъ. Она одушевляла дѣятелей реакціи, проливавшихъ потоки крови и напрягавшихъ всѣ свои силы, чтобы остановить исторію, которую остановить они не могли. Она же проникала и мучениковъ мысли, героевъ прогресса.

Поэтому вѣра есть безразлично двигатель истины и лжи, прогресса и реакціи. Безъ нея прогрессъ невозможенъ, потому что невозможна никакая энергическая самоотверженная дѣятельность. Но она не есть

нута.

Еще сильнѣе и полнѣе прогрессъ вѣры, одушевляющій къ дѣятельности совершается тогда, когда уступокъ дѣлать не приходится, надо развернуть новое знамя и бросить въ человѣчество новое слово. Общественное преданіе и критическая мысль развили убѣжденіе въ личности. Она одинока, или имѣетъ весьма мало сочувствующихъ. Можетъ быть еще недавно волна исторіи разметала и унесла людей, которые боролись за то, что личность признаетъ истиною и справедливостью. Вѣковыя и культурныя привычки и преданія давятъ со всѣхъ сторонъ. Мысль враждебныхъ партій имѣетъ могучихъ, искусныхъ и выгодно поставленныхъ представителей. Какъ это случается, что личность не падаетъ духомъ? Почему сознавая свое малосиліе, она не оставляетъ своего безумнаго предпріятія? Что ее побуждаетъ бросаться въ борьбу, не смотря на препятствія, на индефферентизмъ большинства, на тупость однихъ, на подлость другихъ, не смотря на насмѣшки враговъ? Это дѣло вѣры. Критика привела человѣка къ убѣжденію, что истина и справедливость

здѣсь. Онъ вѣритъ, что истина и справедливость явная для него, будетъ очевидна и для другихъ, вѣритъ, что мысль, одушевляющая его дѣятельность, побѣдитъ индефферентизмъ и враждебность, его окружающіе. Неудачи не угомляютъ его, потому что онъ вѣритъ въ завтра. Вѣковой привычкѣ онъ противопоставляетъ свою личную мысль, потому что исторія научила его паденію самыхъ упорныхъ общественныхъ привычекъ предъ истиною, въ которую вѣрили единицы. закону, вооруженному всѣми силами государства, онъ противопоставляетъ свое личное убѣжденіе, потому что ни кодексы, ни государственныя силы не могутъ сдѣлать для него ложнымъ и не справедливымъ то, во что онъ вѣритъ какъ въ истину и справедливость. Умирая подъ ударами враговъ, или подъ гнетомъ обстоятельствъ, онъ все таки завѣщаетъ своимъ единомышленникамъ бороться и умереть подобно ему, если только вѣритъ въ то, за что умираетъ.

Сверхъестественный элементъ для это вовсе не нуженъ. Пестрые мифы, непонятные догматы, торжественные обряды культа нисколько

работаетъ ложная идеализація, прикрывая ярлыки совершенно посторонніе для нихъ, вовсе не идеальныя влеченія, забывая ихъ естественныя потребности, которыя дозволяютъ идеализацію истинную, человѣчную. Такимъ образомъ великія идеи, двигатели исторіи, лишь въ ихъ конкретномъ смыслѣ, какъ знамя опредѣляющее личностей при опредѣленныхъ обстоятельствахъ, суть дѣйствительно идеи <u>великія</u>. Лишь постоянная критика ихъ историческаго конкретнаго содержанія, можетъ придать личности увѣренность, что становясь подъ знамя, на которомъ написано громкое слово, личность не преслѣдуетъ призрака, или не дѣлается орудіемъ въ рукахъ расчетливыхъ и своекорыстныхъ интригановъ.

Но читатель имѣетъ право спросить меня, встрѣчая постоянно слово <u>критика</u> на этихъ страницахъ: если личность будетъ постоянно имѣть въ виду только критику и только критику, то не отниметъ ли она сама у себя энергіи дѣйствія? Критика предполагаетъ неувѣренность, колебаніе, достаточное время для взвѣшиванія аргументовъ за и противъ. Но жизнь всегда ли даетъ досугъ? Когда человѣкъ гибнетъ передъ нашими глазами, есть ли время разсуждать,

на сколько полезно, или вредно спасти его? Когда политическая буря по какому нибудь случайному поводу взволновала общество и масса, лишенная проводителей может ринуться на ложную дорогу, принять друзей за враговъ и враговъ за друзей, или потерять всю выгоду своей силы и своего одушевления вслѣдствіе нерѣшительности; неужели тогда истинный гражданинъ, понимающій положеніе дѣлъ, имѣетъ право колебаться, упускать минуту? То, что прекрасно въ кабинетѣ, может негодиться на площади, то, что необходимо ученому, может быть вредно для общественнаго дѣятеля.

Это справедливо; но дѣло въ томъ, что критика есть дѣло всей жизни, привычка, которую человѣкъ долженъ пріобрѣсти и усвоить, чтобы имѣть право на названіе личности развитой. Плохъ тотъ, который до той минуты, когда видѣлъ гибнущаго человѣка не подумалъ и не усвоилъ себѣ убѣжденія: долженъ ли спасать человѣка, который гибнетъ при данныхъ условіяхъ? Не имѣетъ себя права считать общественнымъ дѣятелемъ тотъ гражданинъ, который оставался на столько чуждъ историческому движенію, что народный взрывъ засталъ

его врагомъ и ему еще приходится колебаться и обдумывать! Что сказать? Что дѣлать? Куда идти? Гдѣ правда? Какое знамя есть знамя минуты? Эпохи, вызывающія человѣка къ рѣшительной дѣятельности рѣдки вся жизнь служитъ къ нимъ подготовленіемъ. Никто не можетъ сказать, когда личныя, или общественныя обстоятельства станутъ предъ нимъ съ грозными словами: иди и дѣлай свое дѣло. Поэтому, каждый долженъ постоянно готовиться. Вырабатывая въ себѣ личность человѣкъ рѣшаетъ всевозможные вопросы жизни. Присматриваясь къ пестрой волнѣ исторіи, человѣкъ воспитывается для борьбы въ ту минуту, когда онъ понадобится. Критика ему нужна при наступленіи дѣла, а для этого дѣла.

Минута настала. Голосъ брата зоветъ его на помощь. Общество проснулось въ негодованіи отъ долгой спячки. Знамена враждебныхъ партій развернулись тамъ и здѣсь. Критика сдѣлала свое дѣло. Подводя итогъ капитала своихъ физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ, человѣкъ бросаетъ этотъ капиталъ въ предпріятія. Чѣмъ строже, осмотрительнѣе, холод-

158

нѣе, обширнѣе была его критика, тѣмъ могущественнѣе и жарче теперь его вѣра.

Да, вѣра двигаетъ горы и только она. Въ минуту дѣйствія она должна овладѣть человѣкомъ, или онъ окажется безсильнымъ въ то самое мгновеніе, когда надо развить всѣ свои силы. Не враги опасны борющимся партіямъ: имъ всего опаснѣе невѣрующіе индифферентисты, находящіеся въ ихъ рядахъ, люди, становящіеся подъ знаменемъ партіи, провозглашающіе ихъ девизы иногда громче, чѣмъ самые преданные предводители, люди, отвергающіе критику этихъ девизовъ, пока еще есть время для критики, но именно тогда, когда минута наступила, когда надо дѣйствовать, принимающіеся за критику, колеблющіеся и готовые оставить битву, когда она началась.

Самыя вѣскія слова обыкновенно представляли возможность придавать имъ самый разнообразный смыслъ, но едва ли слово *вѣра* не принадлежитъ къ тѣмъ, которыя вызывали наибольшія споры, именно вслѣдствіе недоразумѣній, такъ какъ спорящіе, употребляя одно и тоже слово, говорили о совершенно разныхъ предметахъ.

Жизнь и общественная исторія ставятъ передъ человѣкомъ подобный вопросъ. Человѣкъ вырабатывалъ идеалы истины и справедливости, развивался подъ вліяніемъ этихъ идеаловъ и развивалъ ихъ подъ вліяніемъ накопляющагося опыта жизни и критическаго процесса мысли. Человѣкъ изучалъ культуру общества, его окружающаго, работу мысли въ *немъ* совершающуюся и конкретный смыслъ различныхъ девизовъ современныхъ партій. Онъ призналъ не идеально совершенное, но историческое лучшее *здѣсь*, а худшее *тамъ*. Онъ знаетъ, что и здѣсь нѣтъ полной истины и справедливости, а тамъ нѣтъ *безусловнаго* зла и лжи. Но онъ понялъ, что при данныхъ историческихъ условіяхъ борьба возможна съ надеждою успѣха лишь въ союзѣ съ данными партіями и что лишь данныя партіи могутъ одна у другой оспаривать побѣду. Одна изъ нихъ *лучше* другихъ и прогрессъ въ данную минуту возможенъ лишь путемъ ея побѣды. Въ ней *наиболѣе* истины, *наиболѣе* справедливости. Конечно, понимая ея недостатки, мыслящій и искренній человѣкъ долженъ стараться своимъ вліяніемъ ослабить, устранить

эти недостатки, увеличить процентъ истины и справедливости, заключающійся въ стремленіяхъ лучшей изъ современныхъ партій.

Если она сильна, онъ можетъ заявлять свое разногласіе, противорѣчить ея проводителямъ, ставить свое знамя _особо_. Но наступила историческая минута столкновенія. Всѣ общественныя силы призваны къ борьбѣ за прогрессъ, или реакцію. Оставаться на сторонѣ значить ослаблять _лучшихъ_. Онъ _вѣритъ_, что это лучшіе и примыкаетъ къ нимъ во имя этой вѣры. Время критики раздѣленія прошло. Всѣ лучшіе люди должны соединиться для борьбы за _возможный_ прогрессъ. Всѣ должны примкнуть которая обѣщаетъ _лучшее_ будущее. Чѣмъ строже критически изслѣдовалъ человѣкъ недостатки и достоинства разныхъ партій и чѣмъ точнѣе на основаніи своей критики убѣдился, что _лучшее здѣсь_, тѣмъ съ болѣе безусловною вѣрою онъ посвящаетъ избранной партіи свою дѣятельность, борется съ ея врагами, радуется ея побѣдамъ, страдаетъ отъ ея пораженій. Критика мысли не ослабѣла, но ея пора прошла, чтобъ наступить снова, какъ только будетъ для того удобная ми-

по существу, а по времени, это два разные момента развития мысли. Критика подготовляетъ дѣятельность, вѣра вызываетъ дѣйствие.

Въ фантазии художника объединился идеалъ. Художникъ подвергъ его строгой научной и эстетической критикѣ въ его частностяхъ. Эта критика выяснила ему все больше и больше художественныя формы въ ихъ отдѣлкѣ. И вотъ цѣльный живой идеалъ сталъ передъ мыслью художника. Онъ беретъ кисть или рѣзецъ и воплощаетъ этотъ идеалъ, потому что <u>вѣритъ</u> въ его жизнь, въ его красоту. Иначе дѣятельность его нерѣшительна и не вдохновенна. Когда картина или статуя стали объективны, надъ ними можетъ начаться новый процессъ критики и художникъ, недовольный своимъ произведениемъ, можетъ быть разрушитъ его. Но въ процессѣ художественнаго творчества критика не участвуетъ, а участвуетъ вѣра въ идеалъ.

Ученый тщательно опредѣлилъ и взвѣсилъ факты. Невольно они группируются въ его мысли въ законъ болѣе или менѣе гипотетический. Другие факты, ему извѣстные, сами собою

возникаютъ въ его памяти, какъ подтверждающіе, дополняющіе, расширяющіе найденную научную аналогію. Онъ провѣряетъ себя еще и еще. Критика сдѣлала свое дѣло. Онъ убѣжденъ въ полученной истинѣ. И вотъ онъ всходитъ на кафедру объявить ученикамъ новое пріобрѣтеніе науки. Онъ резюмируетъ опытъ, предупреждаетъ возраженія, выставляетъ на видъ аналогіи и указываетъ новыя вѣроятныя открытія. Онъ <u>вѣритъ</u> въ силу и полноту своей критики, онъ проповѣдуетъ новую истину. Пока онъ не <u>повѣритъ</u>, онъ не объявитъ ее, именно потому, что цѣнитъ критику выше всего.

Человѣкъ сближается съ другимъ человѣкомъ, видитъ его достоинства и недостатки, знаетъ насколько его пріятель можетъ увлекаться и можетъ относиться раціонально къ разнымъ предметамъ. Въ данную минуту, на основаніи словъ пріятеля надо дѣйствовать такъ или иначе. Совершившійся заранѣе процессъ критики даетъ результатъ. Человѣкъ вѣритъ или невѣритъ своему пріятелю. Онъ рѣшается и дѣйствуетъ на основаніи своей вѣры.

Нѣтъ ни какой необходимости связывать со словомъ вѣра представленіе о разнообразныхъ религіозныхъ культахъ, миѳахъ, догматахъ, философскихъ міросозерцаніяхъ. Люди <u>вслѣдствіе</u> своей вѣры защищали и проповѣдовали догматы и миѳы, совершали обряды разныхъ культовъ, но это было лишь <u>одно</u> изъ проявленій вѣры. Точно также нѣтъ никакой необходимости связывать терминъ вѣра лишь съ представленіемъ сверхъестественнаго. Обыденная жизнь, природа и исторія въ ихъ разнообразіи представляютъ весьма обширный матеріалъ для процесса вѣры, и тотъ, кто пріобрѣлъ привычку относиться скептически ко всему, что не имѣетъ аналогіи въ мірѣ наблюденія, можетъ быть очень склоненъ къ вѣрѣ.

Вѣра есть психическая, или внѣшняя дѣятельность, гдѣ присутствуетъ сознаніе, но отсутствуетъ критика. Когда человѣкомъ овладѣло представленіе, которое онъ уже не разбираетъ, но которое ложится въ основу разбора другихъ представленій и понятій, онъ вѣритъ въ это представленіе. Когда по слову другого человѣка онъ дѣйствуетъ обдумывая <u>какъ бы</u> осуществить это слово, и не обдумывая уже, нужно ли осуществить

его,- онъ вѣритъ этому человѣку. Когда онъ поставилъ себѣ цѣль и подвергаетъ критикѣ лишь <u>способы</u> ея достиженія, а не самую <u>цѣль</u>, онъ вѣритъ своей цѣли.

Поэтому сказать, что вѣра противоположна критикѣ, можно, но въ ограниченномъ смыслѣ. То, во что человѣкъ вѣритъ, онъ уже не подвергаетъ критикѣ. Но это нисколько не исключаетъ случая, что предметъ сегодняшней вѣры <u>былъ</u> вчера подвергнутъ критикѣ. Напротивъ, такова самая твердая вѣра и единственно раціональная, единственно прочная. Повѣрхностно вѣрой представляется дѣйствіе въ ту минуту, когда есть поводы дѣйствовать такъ и иначе. Но если вѣра моя не есть слѣдствіе критики, т. е., не имѣетъ случая подвергаться возраженіямъ, то кто мнѣ ручается, что въ минуту дѣйствія поводы, побуждающіе меня дѣйствовать не согласно съ этою вѣрою не пошатнутъ ее?

Лишь критика создаетъ прочныя убѣжденія. Лишь человѣкъ, выработавшій въ себѣ прочныя убѣжденія, находитъ въ этихъ убѣжденіяхъ достаточную силу вѣры для энергическаго дѣйствія. Въ этомъ отношеніи вѣра не противоположна критикѣ

достаточное условіе прогрессивнаго движенія. Гдѣ мы видимъ героизмъ и самоотверженіе, тамъ мы не имѣемъ еще права заключать о существованіи прогрессивныхъ стремленій; только вѣра, опирающаяся на строгую критику, можетъ вести къ прогрессу; только критика можетъ опредѣлить жизненную цѣль, въ которую развитой человѣкъ имѣетъ право вѣрить.

Мыслящіе люди вырабатывали представленіе полезнаго, должнаго, истиннаго, справедливаго. Вѣрующіе боролись за то, во что вѣрили, какъ въ полезное и должное для нихъ; лучшіе изъ нихъ боролись за то, что было для нихъ истиннымъ и справедливымъ. Чѣмъ жарче была вѣра тѣхъ и другихъ, тѣмъ ожесточеннѣе была борьба. Чѣмъ слабѣе была мысль, чѣмъ недостаточнѣе критика, тѣмъ разнообразнѣе были представленія полезнаго и должнаго, истиннаго и справедливаго, тѣмъ болѣе было раздробленіе партій и тѣмъ болѣе терялось силъ въ человѣчествѣ на безполезную борьбу. Разнообразіе призраковъ можетъ быть безконечно и тѣмъ разнообразнѣе они могутъ быть, чѣмъ они далѣе отъ дѣйстви-

тельности. Та страшная цѣна прогресса, о которой я говорилъ въ четвертомъ письмѣ, преимущественно наросла отъ призрачныхъ представленій, не достаточно подверженныхъ критикѣ. Чѣмъ больше люди вѣрили, что польза каждаго изъ нихъ враждебна пользѣ другихъ, тѣмъ громаднѣе была трата силъ въ явной борьбѣ эксплоатаціи, въ тайной борьбѣ недоброжелательства и недовѣрія. Чѣмъ больше люди вѣрили, что **должное** заключается въ фантастическихъ обрядахъ и приличіяхъ, раздѣляющихъ касты и сословія, тѣмъ больше они коротали и безъ того краткую жизнь свою, давая себѣ меньше времени на настоящее развитіе и наслажденіе. Чѣмъ больше лжи было въ ихъ истинѣ, тѣмъ безпомощнѣе была ихъ нравственность, тѣмъ мысль работала хуже и жизнь была тягостнѣе. Глубокая вѣра, героизмъ самоотверженія пропадали большою частію даромъ, потому что опирались на недостаточную критику.

Лишь по мѣрѣ того, какъ призраки разсѣивались подъ вліяніемъ работы мысли и приближались къ дѣйствительности, возможно было умень-

недостаточномъ уясненіи разнообразныхъ элементовъ, входящихъ въ историческій прогрессъ и его обусловливающихъ.

Кромѣ того, исторія неокончена. Она совершается около насъ и будетъ совершаться поколѣніями, растущими и еще не народившимися. Настоящее нельзя оторвать отъ минувшаго, но минувшее потеряло бы всякое живое и реальное значеніе, если бы оно не было неразрывно связано съ настоящимъ, если бы одинъ великій процессъ не охватывалъ исторію въ ея цѣломъ. Умерли дѣятели минувшаго. Измѣнилась культура общества. Новые конкретные вопросы стали на мѣсто прежнихъ. Девизы минувшаго измѣнили смыслъ и значеніе. Но общечеловѣческая задача личностей въ настоящемъ осталась такою, что была за тысячу лѣтъ. Подъ пестрыми формами культуры въ сложныхъ вопросахъ новаго времени, подъ разнообразными девизами побѣжденныхъ и побѣдителей скрыты все тѣ же задачи. Внѣ истины и справедливости прогресса никогда не существовало. Безъ личной критики не добыта ни одна истина. Безъ личной энергіи не осуществилось ничто справедливое. Безъ вѣры въ свое знамя и безъ умѣнья

бороться съ противниками не восторжествовала ни одна прогрессивная партія. Формы культуры требуютъ для своего развитія работы мысли, какъ и въ минувшія тысячелѣтія. Великіе девизы точно также мало застрахованы отъ опасности потерять или уменьшить свой смыслъ. Общественныя условія для возможнаго прогресса не измѣнились. Требованія уплаты за прогрессъ не могутъ быть игнорированы развитою личностью. Все это существовало для нашихъ предковъ, будетъ существовать для нашихъ потомковъ и существуетъ для насъ. Разница лишь та, что мы можемъ лучше понять это, чѣмъ понимали предки и что наши потомки, вѣроятно, еще лучше насъ поймутъ это.

Поэтому историческія предыдущія письма, заключая въ себѣ попытки рѣшить задачи, существовавшія и долженствующія существовать во всякую историческую эпоху, заключаютъ и попытку уяснить задачи современности. Они обращаются къ читателю не только съ словомъ о минувшемъ, но и о настоящемъ. Авторъ очень хорошо сознаетъ, что они и недостаточны и не совершенны. Кромѣ того наша эпоха не

ставить прежде всего вопросъ: что было возможно въ эту эпоху для прогрессивнаго движенія? На сколько понимали дѣятели условія, въ которыхъ они находились? Пользовались ли они для своей цѣли всѣми условіями времени?

Но ясно понять современный идеалъ, значитъ устранить изъ него всѣ призраки, которые къ нему прилѣпили преданія, ошибочныя традиціи мысли, вредныя привычки прошлыхъ эпохъ. Истина и справедливость болѣе, или менѣе безпрекословно пишутся на всѣхъ знаменахъ нашего времени, но партіи расходятся въ томъ: гдѣ истина, въ чемъ справедливость? Какими путями и въ какихъ формахъ онѣ достигаются? Если читатель не уяснитъ себѣ этого, исторія останется для него неяснымъ процессомъ измѣняющихся событій, борьбою хорошихъ людей изъ за пустяковъ, борьбою безумцевъ изъ за призраковъ, борьбою сильныхъ орудій въ пользу нѣсколькихъ расчетливыхъ интригановъ. Много громкихъ словъ раздается со всѣхъ сторонъ. Много прекрасныхъ знаменъ развивается во всѣхъ рядахъ. Много самоотверженной энергіи тратятъ представители всѣхъ партій. Изъ за чего сорятся люди, которыхъ девизы повидимому такъ

близкіе? Почему знамя, которое вчера несли лучшіе люди, теперь въ грязныхъ рукахъ? Почему прекрасная мысль, при своемъ высказываніи встрѣчаетъ такое грозное сопротивленіе и сопротивляются не только эксплуататоры даннаго общественнаго строя, но искреннія личности? <u>Всѣ эти задачи</u> возможно лишь разрѣшить тогда, когда мы присмотримся внимательно къ тому процессу, которымъ развивается и усложняется правда, къ сформированію и истолкованію партій, къ измѣненію внутренняго смысла и историческаго значенія великихъ словъ, двигающихъ человѣчество къ процессу мысли, перерабатывающей культуру; когда мы изучимъ положеніе личностей въ виду необходимаго и историческаго даннаго; въ виду культурныхъ привычекъ и складывающейся партіи мысли; въ виду великихъ словъ на знаменахъ партіи и вѣчнаго требованія истины, справедливости, прогресса въ виду критики и вѣры. Въ предыдущихъ письмахъ имѣлось въ виду именно остановиться на этихъ предметахъ, чтобы по возможности устранить тѣ недоразумѣнія, которыя невольно переносятся на изученіе минувшей и современной исторіи, при

шеніе борьбы и траты силъ, потому что новая вѣра, опирающаяся на лучшую критику, вела къ примиренію, а не ко враждѣ. Вѣра во единую научную истину, выдѣлявшая изъ нея фантастическія созданія, устраняла вражду въ области мысли. Вѣра въ равноправность достоинства личностей, какъ единую справедливость, устраняла столкновеніе тысячъ разнообразныхъ національныхъ, юридическихъ, сословныхъ, экономическихъ справедливостей и всю борьбу за эти идолы. Вѣра въ личнаго развитія и справедливость, какъ единственный долгъ, примиряла всѣ личныя стремленія въ общемъ усиліи распространенія истины и справедливости, устранила трату силъ въ виду фантастическихъ обязанностей. Вѣра въ тождественность наибольшей пользы каждаго съ пользою наибольшаго числа людей есть именно то начало, которое должно довести до минимума трату силъ человѣчества на пути прогресса. И благотворительное вліяніе этихъ вѣрованій именно истекаетъ изъ того, что они не заключаютъ ничего сверхъестественнаго и не нуждаются ни въ мифахъ, ни въ таинствахъ.

Они опираются на строгую критику, на изученіе реальнаго человѣка въ природѣ и въ исторіи и становятся вѣрованіями лишь въ ту минуту, когда личность вызывается къ дѣйствію. Ихъ основной догматъ — человѣкъ. Ихъ культъ — жизнь. Но не меньше другихъ фантастическихъ вѣрованій они способны одушевить личность къ самоотверженной дѣятельности, къ пожертвованію различныхъ жизненныхъ благъ, къ самой жизни на алтарь своей святыни.

Мнѣ возразятъ, что эти вѣрованія далеко не общи, даже принадлежатъ едва замѣтному меньшинству. Правда, за то и прогрессъ въ человѣчествѣ очень малъ и цѣна его велика. Впрочемъ, исторія еще не кончится ни сегодня ни завтра, и прогрессивная будущность принадлежитъ все-таки вѣрѣ, опирающейся на критику.

Письмо шестнадцатое.

„Цѣль автора".

Пересматривая эти письма, читателю, можетъ быть, случилось спросить себя: почему эти письма „историческія"? Что въ нихъ историческаго? Я разсматривалъ не личности, не эпохи, не событія, а нѣкоторыя общія начала, которыя легко могли показаться читателю нѣсколько отвлеченными, даже иногда чуждыми тому интересу, который читатель находитъ въ историческомъ разсказѣ. Но посмотримъ на вопросъ внимательнѣе. Я постараюсь сблизить здѣсь мысли, высказанныя въ разныхъ мѣстахъ этихъ писемъ, и тѣ, которыя я, быть можетъ, и недостаточно ясно высказалъ, но которыя желалъ возбудить въ читателѣ. Не найдете ли при этомъ повода оправдать меня?

Что мы ищемъ въ исторіи? Неужели пестрый разсказъ о событіяхъ? На это уже не многіе рѣшатся отвѣтить утвердительно, и тѣ, которые ищутъ только этого, совершенно будутъ правы

или станутъ сѣтовать на отвлеченность предложенныхъ имъ писемъ. Приступая къ исторiи съ болѣе серьезными требованiями, въ ней можно искать или борьбу личностей и обществъ за человѣчные интересы, столкновенiе, замѣненiе, ослабленiе и развитiе разныхъ частныхъ идеаловъ человѣка, или общiй естественный законъ, охватывающiй все теченiе историческихъ событiй, прошедшiе, настоящiе и будущiе. Первая точка зрѣнiя не обособляетъ интересы исторiи отъ интереса естествознанiя; вторая — подводитъ исторiю подъ общiя начала изслѣдованiя природы. Но въ сущности для строгого изслѣдованiя эти двѣ точки зрѣнiя не очень разнятся между собой, потому что знанiе какого нибудь предмета опредѣляется не только тѣмъ, что <u>желательно</u> знать о немъ, но тѣмъ, что о немъ знать <u>возможно</u>. Поэтому вопросъ — что можно искать въ исторiи, — превращается въ другой: какимъ образомъ по неизмѣннымъ законамъ своихъ психическихъ отправленiй, человѣкъ можетъ отнестись къ исторiи? Что въ ней неизбѣжно ускользаетъ отъ его научной оцѣнки и можетъ быть лишь призрачнымъ явленiемъ

ременника. Но этимъ самымъ не высказываемъ ли мы <u>нашъ</u> нравственный идеалъ относительно наиболѣе значительныхъ событій и личностей? Совершенно вѣрно, что историческія событія должны излагаться въ ихъ внутренней связи и оцѣниваться по нравственному идеалу эпохи, но эта самая внутренняя связь и этотъ должны и могутъ быть открыты лишь выработкой въ насъ самихъ идеала безпристрастной истины, исторической справедливости, а самая связь эпохъ и послѣдовательныхъ идеаловъ подлежитъ еще суду другой критики, именно критикѣ историческаго прогресса, т.е. <u>нашего</u> нравственнаго идеала въ его цѣломъ. Оттого одной эпохѣ мы придаемъ болѣе важности, чѣмъ другой, одни событія въ ихъ внутренней связи разберемъ подробнѣе, чѣмъ другія. Повторяю: нравственный идеалъ историка есть единственный свѣточъ, способный придать перспективу исторіи въ ея цѣломъ и въ ея частностяхъ.

Слѣдовательно, понять исторію въ наше время значитъ ясно понять нравственный идеалъ, выработанный лучшими мыслителями въ наше время и историческія условія его осуществленія,

потому что процессъ исторіи есть процессъ не отвлеченный а конкретный. Онъ можетъ употреблять лишь орудія опредѣленнаго рода. Онъ совершается при данной обстановкѣ, опредѣляющей возможное и невозможное. Онъ подлежитъ неизбѣжнымъ законамъ природы, какъ и всякіе другіе процессы. Для пониманія исторіи постоянно слѣдуетъ обратить вниманіе на эти внѣшнія условія, въ которые поставлены человѣческіе идеалы. *Необходимые* процессы физики, физіологіи и психологіи не представляютъ возможности ни отступленія, ни скачка. *Исторически данная* среда столь же мало устранима въ данную эпоху со всѣми своими вліяніями, какъ предыдущія необходимости не устранимы никогда. Самая свѣтлая истина, самая высокая справедливость подчинена въ своемъ проявленіи и распространеніи этимъ ограничивающимъ условіямъ. Самая талантливая историческая личность можетъ лишь изъ *необходимыхъ* условій природы и изъ *историческихъ данныхъ* условій среды черпать матеріалъ для своей мысли и для своей дѣятельности. Историческій интересъ, ясно понятый, для каждой эпохи

интересъ возбуждаемый отысканіемъ закона исторіи въ ея цѣломъ - есть ничто иное, какъ интересъ осуществленія нашего нравственнаго идеала въ прогрессивномъ ходѣ исторіи.

Если это такъ, то мы ищемъ и можемъ искать въ исторіи лишь различные фазисы прогресса, и понимать исторію - значитъ понимать ясно способы осуществленія нашего нравственнаго идеала въ исторической обстановкѣ. Нашъ идеалъ субъективенъ, но чѣмъ лучше мы его провѣримъ критикою, тѣмъ больше вѣроятія, что онъ есть высшій нравственный идеалъ, возможный въ настоящую эпоху. Мы прилагаемъ этотъ идеалъ къ объективнымъ фактамъ исторіи и это не мѣшаетъ имъ оставаться объективно вѣрными, такъ какъ и тутъ вѣрность ихъ зависитъ отъ нашего знанія и нашей критики; субъективный же идеалъ придаетъ имъ перспективу. И нѣтъ никакого другого способа построить эту перспективу, какъ при пособіи нравственнаго идеала. Мнѣ возразятъ, что есть иной способъ и болѣе вѣрный, - это построить перспективу событій эпохи по ихъ внутренней связи и по нравственному идеалу самой эпохи. Но что значитъ внут-

ренняя связь? Что значитъ нравствен- идеалъ данной эпохи? Изъ тысячи пестрыхъ фактовъ, намъ извѣстныхъ о данной эпохѣ, мы строимъ связь *для насъ* вѣроятнѣйшую, на основаніи того, что *мы сознаемъ*, какъ наиболѣе истинныя психическія отправленія личности, наиболѣе общія соціологическія явленія въ собраніи личностей. Это есть для насъ *внутренняя* связь. Историкъ, развившій въ себѣ пониманіе экономическихъ вопросовъ для общества, найдетъ иную, внутреннюю связь событій, чѣмъ тотъ, который остановился на пониманіи вліянія политическихъ интригъ. Писатель, сознающій силу убѣжденій, увлеченій и безсознательныхъ самообольщеній въ личности, иначе свяжетъ событія чѣмъ писатель, привыкшій все относить къ расчету и хитрости. А нравственный идеалъ эпохи? почему мы собираемъ его черты изъ этихъ событій, а не изъ другихъ, съ ними рядомъ совершившихся? почему черпаемъ свидѣтельства преимущественно изъ этого автора, а не изъ его современника? Потому, что *эти* событія представляютъ болѣе цѣльности, послѣдовательности; потому что *этотъ* авторъ умнѣе, послѣдовательнѣе, честнѣе, откровеннѣе своего сов-

историческаго построенія. Только установивъ болѣе или менѣе эту основу научнаго изслѣдованія, человѣкъ можетъ съ нѣкоторою увѣренностью прилагать къ исторіи вопросы о томъ, что онъ желаетъ знать отъ нея.

Но я постарался развить въ самомъ началѣ положеніе, что для человѣка неизбѣжно внести въ оцѣнку историческихъ событій свою личную нравственную выработку, свой нравственный идеалъ. Въ борьбѣ личностей, которыя онъ признаетъ элементами нравственнаго достоинства: умъ, ловкость, энергія, находчивость, сила убѣжденія, вѣра въ тѣ идеи, которыя важны для испитателя, сознательное, или безсознательное содѣйствіе ихъ усиленію или ослабленію въ обществѣ. Въ борьбѣ обществъ и партій изслѣдователю всего важнѣе опять таки усиленіе и ослабленіе тѣхъ направленій мысли, которыя для него какъ человѣка представляютъ лучшее, или худшее, наиболѣе истинное, или наиболѣе ложное. Охватывая въ общемъ міросозерцаніи цѣлый процессъ исторіи въ прошедшемъ и будущемъ, человѣкъ не можетъ, по законамъ своей незнать въ исторіи ничего иного, кромѣ фазисовъ прогрессивнаго

процесса своего нравственнаго идеала. Слѣдовательно, пытаясь понять исторію, внести въ нее серьезный интересъ мысли, человѣкъ неизбѣжно относитъ личности, событія, идеи, общественные перевороты къ мѣркѣ своего развитія. Если оно узко и мелко, исторія представляетъ ему безжизненный рядъ фактовъ и эти факты будутъ для него безынтересны и малочеловѣчны. Если развитіе его одностороннее,- самое тщательное изученіе исторіи не предохраняетъ его отъ односторонности въ представленіи историческихъ событій. Если онъ проникнутъ угодливымъ фантастическимъ вѣрованіемъ, онъ неизбѣжно изуродуетъ исторію, какъ ни будетъ стараться объ объективномъ ея пониманіи. Во всякомъ случаѣ при достаточномъ фактическомъ знаніи, степень развитія личности, ея нравственная высота, опредѣляетъ п[illegible]ниманіе исторіи. Частный историческій интересъ, возбуждаемый тѣми или другими личностями, тѣми или другими событіями сводится на общій интересъ возбужденный ихъ участіемъ въ прогрессивномъ развитіи человѣчества. Общій, естественно вытекающій

очень удобна для разсужденій подобнаго рода. Письма эти могутъ показаться и тяжелыми, и отвлеченными, и не интересными и чуждыми вопросовъ дня. Другой авторъ, при другихъ обстоятельствахъ, могъ бы написать и лучше, и занимательнѣе. Но я надѣюсь, что въ нашемъ обществѣ, хотя бы между читающею молодежью, найдется еще нѣсколько человѣкъ, которыхъ не испугаетъ необходимость серьезно подумать о вопросахъ минувшаго, оставшихся вопросами и для настоящаго. Для этихъ читателей недостатки исполненія, можетъ быть, отступятъ на второй планъ передъ содержаніемъ. Эти читатели, можетъ быть, поймутъ также, что вопросы дня получаютъ свой дѣйствительный, существенный интересъ именно отъ тѣхъ вѣчныхъ историческихъ вопросовъ, которыхъ авторъ коснулся въ этихъ письмахъ. Эти читатели поймутъ, что _они_ именно, какъ личности, должны совершать критическую работу мысли надъ современною культурою, что _они_ именно должны своею мыслью, жизнью, дѣятельностью заплатить свою долю громадной цѣны прогресса, до сихъ поръ накопившейся, что они

именно должны противопоставить свое убѣжденіе лжи и несправедливости, существующей въ обществѣ; что <u>они</u> именно должны образовать растущую силу для усиленнаго хода прогресса. Если найдутся хотя нѣсколько подобныхъ читателей этихъ писемъ, то дѣло автора сдѣлано......

Конецъ.

Цѣна 2 руб.